ОЛЕГ ПЛАТОНОВ

Убийство царской семьи

ОЛЕГ ПЛАТОНОВ

УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1991

63.3(2)711
П37

Художник **Ю. Ф. Алексеева**

Платонов О. А.
П37 Убийство царской семьи.— М.: Сов. Россия, 1991.— 192 с., ил.

Автор книги прошел по тем местам, где в 1918 году организованно и планомерно осуществлялось убийство царской семьи и членов Дома Романовых, встречался со старожилами, записывал их рассказы, а главное, разыскал в местных архивах документы, проливающие новый свет на это преступление, позволяющие воссоздать портреты участников убийства императора России и его близких.

Ряд документов и фотографий публикуется впервые.

63.3(2)711

П $\frac{0503020500—041}{М-105(03)91}$ КБ—11—5—91

ISBN 5—268—01159—6

Предисловие

Убийство царской семьи является самым страшным и самым зловещим преступлением XX века. Отсюда берут начало величайшие бедствия нашей страны и мира — большевизм и фашизм, массовые уничтожения и оболванивание народов, ГУЛАГ и гитлеровские лагеря. В этом убийстве существа, которых вряд ли можно назвать людьми, перешагнули ту черту, которая отделяет человеческое от нечеловеческого, культуру от царства диких зверей, добро от зла, уничтожили святыни великого народа, взорвали его точку опоры, за чем последовало сползание великой страны в бездну хаоса и анархии, потянувшее за собой цепную реакцию других мировых преступлений.

Для партии тех, кто совершил убийство, был закрыт путь к гуманному, правовому обществу, ибо по законам этого общества они должны были быть судимы как обыкновенные уголовные преступники. Им оставался только один путь — террора и насилия, сначала ко всем инакомыслящим, потом друг к другу. Начало ГУЛАГа как системы — в Ипатьевском доме, а без ГУЛАГа нельзя понять гитлеровских лагерей.

Для русских царь и его близкие были не просто людьми, а высшими выразителями российской государственности, державности, выразителями высокой идеи Святой Руси. Ореол святости жизни русского царя — это ореол Святой Руси, высокие духовно-нравственные ценности которой все больше открываются для нас в православной этике, русской иконе, церковном зодчестве, трудолюбии как добродетели, взаимопомощи и самоуправлении русской общины и артели — в общем, в той структуре бытия, где духовно-нравственные ценности жизни преобладали над материальными, где целью жизни была не вещь, не потребление, а преображение души. Злодейское убийство царской семьи рассматривается русскими как сознательное уничтожение тех начал, которые были и будут всегда святы,

хранятся вечно в родовом сознании и психологии народа и, быть может, закреплены в них генетически.

До убийства царской семьи в России существовала большая вероятность установления конституционной монархии, в том виде, в каком она существует в современной Англии или Японии. Монарх — знамя нации, хранитель основ, традиций, идеалов народа, правление же страной осуществляет парламент и утвержденное им правительство.

Это было бы великим благом для страны. Во всех случаях, если бы не было этого убийства, история России пошла бы иначе. Недавно проведенный опрос показал, что уже сегодня (когда многие еще не знают подробностей этого злодейства) почти две трети наших соотечественников считают убийство царской семьи преступлением, которое нельзя оправдать. А две пятых совершенно справедливо полагают, что это убийство спровоцировало гражданскую войну, разрушило общественную мораль.

Решение об убийстве царской семьи и вообще династии Романовых было принято Лениным и Свердловым, тогдашними руководителями Совнаркома и ВЦИК. Как реальные политики, они понимали, что их власть не носила законного характера, так как была захвачена путем военного переворота и с обещанием созыва Всероссийского Учредительного собрания. Недаром вплоть до начала 1918 года их правительство называлось Временным рабоче-крестьянским правительством. Первое заседание Учредительного собрания показало, что большевиков поддерживало не больше четверти населения, и тогда собрание было разогнано, а прилагательное «временное» исчезло из названия большевистского правительства. Вот тогда и встал вопрос об убийстве последних законных представителей государственной власти, и недаром первым был убит великий князь Михаил Романов, так как он отрекался временно, оставляя окончательное решение за Учредительным собранием, и поэтому мог законно претендовать на власть. Убийство царской семьи было организовано и исполнено людьми, патологически ненавидевшими Россию, ее святыни, считавшими, что русский народ живет не так, как надо жить, теми самыми, которые потом разрушали русские церкви, жгли иконы и книги.

Важно подчеркнуть, что убийство было организовано и совершено неполноценными, патологическими типами, которые не только принесли несчастье многим людям, но

и сами не могли испытать настоящее счастье. Они не умели ни работать, ни любить, ни отдыхать. Ненависть, подозрительность, неспособность к нормальным человеческим контактам, духовная импотенция — вот что характеризует этих людей. Все богатство жизни было для них тайной за семью печатями, и единственное, что они могли создать,— это ГУЛАГ. Никто из цареубийц не прожил счастливую жизнь, все они так или иначе плохо кончили, многие спились, не находя в себе возможности для нормальной жизни.

А ведь еще недавно из них создавали героев, проводили с ними пионерские сборы, писали о них хвалебные книги. В общем, когда мы дегероизируем этих типов, покажем, что это не герои, а мерзкие подонки, люди под нижней планкой человеческой культуры, мы подорвем одну из основ насилия.

До сих пор находятся у нас люди, которые пытаются их оправдать: мол, «время было такое», «идеи ценились больше человеческой жизни». Уголовное преступление — злодейское убийство при отягчающих обстоятельствах — называется расстрелом или казнью. И вывод один — их надо понять, а значит, простить. Нет, убийц простить нельзя, так же как нельзя простить гитлеровских преступников. Их деяния не имеют срока давности. И столько лет, сколько будет стоять Россия, ее народы будут судить убийц.

...Много недель на машине-вездеходе УАЗ мы ехали по местам трагедии царской семьи — Екатеринбург, Коптяки, Шувакиш, Пермь, Мотовилиха, Левшино, Алапаевск, Верхняя и Нижняя Синячиха,— беседовали с десятками старожилов, видевших эти события или слышавших о них, работали в архивах и фондах музеев, которые, как оказалось, содержат ценнейшие свидетельства, до недавних пор хранившиеся под особым секретом.

ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ ЦАРЬ

Император Николай Александрович Романов родился 6 мая (по старому стилю) 1868 года в день, когда Православная Церковь отмечает память святого Иова Многострадального. Этому совпадению император придавал большое значение, испытывая всю жизнь «глубокую уверенность», что он «обречен на страшные испытания»[1]. Его отец император Александр Третий, по оценке многих историков, был глубоко верующим, цельным человеком, хорошим семьянином. Эти же качества он воспитывал у своих детей. Как политик и государственный деятель, отец Николая Второго проявлял твердую волю в проведении в жизнь принятых решений (черта, которую, как мы увидим дальше, унаследовал и его сын). Суть политики императора Александра Третьего (продолжением которой, по мнению многих историков, стала политика императора Николая Второго) может быть охарактеризована как сохранение и развитие российских основ, традиций и идеалов. Давая оценку царствованию императора Александра Третьего, русский историк В. О. Ключевский писал: «Наука отведет Императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей страны, но и в русской историографии, скажет, что Он одержал победу в области, где всего труднее достигаются победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорил общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное самосознание...»[2]

Династия Романовых, к которой принадлежал Николай Второй, дала России многих выдающихся государственных деятелей, строителей великого Российского государства — Алексей Михайлович и Петр Великий, Екатерина Первая

Древо династии Романовых

и Александр Первый, Александр Второй и Александр Третий*.

Воспитание и образование Николая Второго проходило под личным руководством его отца, на традиционной религиозной основе. Учебные занятия будущего императора велись по тщательно разработанной программе в течение тринадцати лет. Первые восемь лет были посвящены предметам гимназического курса, с заменой классических языков элементарными основами минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. Особое внимание уделялось изучению политической истории, русской литературы, французского, английского и немецкого языков, которыми Николай Александрович овладел в совершенстве. Следующие пять лет посвящались изучению военного дела, юридических и экономических наук, необходимых для государственного деятеля. Преподавание этих наук велось выдающимися русскими учеными с мировым именем: Янышев И. Л. учил каноническому праву в связи с историей церкви, главнейшим отделам богословия и истории религии; Бунге Н. Х.— статистике, политической экономии и финансовому праву; Победоносцев К. П.— законоведению, государственному, гражданскому и уголовному праву; Капустин М. Н.— международному праву; Замысловский Е. Е.— политической истории; Бекетов Н. Н.— химии; Обручев Н. Н.— военной статистике; Леер Г. А.— стратегии и военной истории; Драгомиров М. И.— боевой подготовке войск; Кюи Ц. А.— фортификации[3].

Чтобы будущий император на практике познакомился с войсковым бытом и порядком строевой службы, отец направляет его на военные сборы. Сначала два года Николай служил в рядах Преображенского полка, исполняя обязанности субалтерн-офицера, а затем ротного командира. Два летних сезона проходит он службу в рядах кавалерийского гусарского полка взводным офицером, а затем эскадронным командиром. И наконец, будущий

* Некоторые публицисты пытаются утверждать, что Романовы — это вовсе не Романовы, а, начиная с Петра III, немцы. Это чистейшей воды выдумка, незнание русской истории. Петр III был родным внуком Петра Великого, сыном его дочери Анны Петровны. А что касается наличия у Романовых иноземной крови, то это было связано с обычаем, принятым в королевских домах Европы, заключать династические браки. В результате этих браков не только русская кровь разбавлялась иноземной, но и наоборот. Практически все существующие ныне европейские монархи несут в своей крови и русскую кровь.

Семья императора Александра Третьего (слева направо): Михаил, императрица Мария Федоровна, Николай, Ксения, Георгий. Сидят: император и Ольга

император проводит один лагерный сбор в рядах артиллерии.

Параллельно отец вводит его в курс дела управления страной, приглашая участвовать в занятиях Государственного Совета и Комитета Министров.

В программу образования будущего императора входили многочисленные путешествия по различным областям России, которые он совершал вместе с отцом. В качестве завершения своего образования Николай Александрович совершил кругосветное путешествие. За девять месяцев он проехал Австрию, Триест, Грецию, Египет, Индию, Китай, Японию, а далее сухим путем через всю Сибирь.

К 23 годам своей жизни Николай Романов — высокообразованный человек с широким кругозором, прекрасно знающий русскую историю и литературу и в совершенстве владеющий основными европейскими языками (хотя

читать он предпочитал произведения русских авторов). Блестящее образование сочеталось у него с глубокой религиозностью и знанием духовной литературы, что было нечасто для государственных деятелей того времени. Отец сумел внушить ему беззаветную любовь к России, чувство ответственности за ее судьбу. С детства ему стала близка мысль, что его главное предназначение — следовать российским основам, традициям и идеалам. Образцом правителя для Николая Второго был царь Алексей Михайлович, бережно хранивший традиции старины.

Однако время, в которое выпало царствовать Николаю Второму, сильно отличалось от эпохи правления его предков. Если при первых Романовых народные основы и традиции служат объединяющим знаменем общества, которое почитают и простой народ и правящий слой, то к началу XX века это единение почти полностью разрушается. Значительная часть правящего слоя и интеллигенции отвергает путь следования российским основам, традициям и идеалам, многие из которых они считают отжившими и невежественными. Не признается право России на собственный путь. Делается попытка навязать ей чуждую модель развития — либо западноевропейского либерализма, либо западноевропейского марксизма. И для тех, и для других главное — поломать самобытность России, этим обусловлено и их отношение к царю — хранителю идей традиционной России, как к врагу и мракобесу.

Трагедия жизни Николая Второго состояла именно в этом неразрешимом противоречии между его глубочайшим убеждением хранить основы и традиции России и нигилистическими попытками значительной части образованных слоев страны. И речь шла не только (и не прежде всего) о сохранении традиционных форм управления страной, а о спасении русской национальной культуры, которая, как он чувствовал, была в смертельной опасности. События последних семидесяти лет показали, насколько был прав российский император. Всю свою жизнь Николай Второй чувствовал на себе психологическое давление этих объединившихся враждебных российской культуре сил. Как видно из его дневников и переписки, все это причиняло ему страшные моральные страдания. Твердая убежденность в необходимости сохранения основ и традиций России в сочетании с чувством глубокой ответственности

за ее судьбу делали императора Николая Второго подвижником идеи, за которую он отдал свою жизнь.

«Вера в Бога и в свой долг Царского служения,— отмечает историк С. С. Ольденбург,— были основой всех взглядов Императора Николая II. Он считал, что ответственность за судьбы России лежит на Нем, что Он отвечает за них перед престолом Всевышнего. Другие могут советовать, другие могут Ему мешать, но ответ за Россию перед Богом лежит на нем. Из этого вытекало и отношение к ограничению власти, которое Он считал переложением ответственности на других, не призванных, и к отдельным министрам, претендовавшим, по Его мнению, на слишком большое влияние в государстве. «Они напортят — а отвечать мне»[4].

Немецкий дипломат граф Рекс считал императора человеком духовно одаренным, благородного образа мыслей, осмотрительным и тактичным. «Его манеры,— писал этот дипломат,— настолько скромны, и он так мало проявляет внешней решимости, что легко прийти к выводу об отсутствии у него сильной воли; но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определенная воля, которую он умеет проводить в жизнь самым спокойным образом». Упорную и неутомимую волю в осуществлении своих планов отмечает большинство знавших императора людей. До тех пор пока план не был осуществлен, император постоянно возвращался к нему, добиваясь своего. Уже упомянутый нами историк Ольденбург замечает, что у «Государя поверх железной руки была бархатная перчатка. Воля его была подобна не громовому удару. Она проявлялась не взрывами и не бурными столкновениями; она, скорее, напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана. Он огибает препятствия, отклоняется в сторону, но в конце концов, с неизменным постоянством, близится к своей цели»[5].

Кроме твердой воли и блестящего образования, Николай Второй обладал всеми природными качествами, необходимыми для государственной деятельности. Прежде всего огромной трудоспособностью. В случае необходимости он мог работать с утра до поздней ночи, изучая многочисленные документы и материалы, поступавшие на его имя. (Кстати говоря, охотно он занимался и физическим трудом — пилил дрова, убирал снег и т. п.) Обладая живым умом и широким кругозором, он быстро схватывал существо рассматриваемых вопросов. Импера-

тор имел исключительную память на лица и события. Он помнил в лицо большую часть людей, с которыми ему приходилось сталкиваться, а таких людей были тысячи.

«Император Николай Второй,— отмечал историк Ольденбург,— обладал совершенно исключительным личным обаянием. Он не любил торжеств, громких речей, этикет Ему был в тягость. Ему было не по душе все показное, искусственное, всякая широковещательная реклама. В тесном кругу, в разговоре с глазу на глаз, Он зато умел обворожить своих собеседников, будь то высшие сановники или рабочие посещаемой им мастерской. Его большие серые лучистые глаза дополняли речь, глядели прямо в душу. Эти природные данные еще более подчеркивались тщательным воспитанием». «Я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий Император Николай II»,— писал граф Витте уже в ту пору, когда он, по существу, являлся личным врагом императора.

Более семидесяти лет правилом для казенных историков и литераторов была обязательно отрицательная оценка личности Николая Второго. Это неудивительно — многое в эти годы было перевернуто с ног на голову. И чем ближе российский государственный деятель стоял к нашему времени, чем крупнее он был как историческая личность, тем нетерпимей и оскорбительней была оценка его деятельности. Например, по мнению Троцкого, дореволюционная Россия была неспособна рождать крупных политических деятелей, а обречена создавать лишь жалкие копии западных. В русле этой «традиции» казенные историки приписывали Николаю Второму все унизительные характеристики: от коварства, политического ничтожества и патологической жестокости до алкоголизма, разврата и морального разложения. История расставила все на свои места. Под лучами ее прожекторов вся жизнь Николая Второго и его политических оппонентов просвечена до малейших подробностей. При этом свете стало ясно, кто есть кто.

Иллюстрируя «коварство» царя, казенные советские историки обычно приводили пример, как Николай Второй снимал некоторых своих министров безо всякого предупреждения. Сегодня он мог милостиво разговаривать с министром, а завтра прислать ему отставку. Серьезный исторический анализ показывает, что царь ставил дело Российского государства выше отдельных личностей (и

даже своих родственников). И если, по его мнению, министр или сановник не справлялся с делом, он убирал его вне зависимости от его прежних заслуг. В последние годы царствования император испытывал кризис окружения (недостаток надежных, способных людей, разделявших его идеи). Значительная часть самых способных государственных деятелей стояла на западнических позициях, а люди, на которых царь мог положиться, не всегда обладали нужными деловыми качествами. Отсюда постоянная смена министров, которую с легкой руки недоброжелателей приписывали Распутину.

Роль и значение Распутина, степень его влияния на Николая Второго были искусственно раздуты левыми, которые таким образом хотели доказать политическое ничтожество царя. Не соответствовали действительности грязные намеки левой печати о каких-то особых отношениях Распутина и царицы. Привязанность царской четы к Распутину была связана с неизлечимой болезнью их сына Алексея гемофилией — несворачиваемостью крови, при которой любая пустяковая ранка могла привести к смерти. Распутин, обладая гипнотическим даром, путем психологического воздействия умел быстро останавливать кровь у наследника, чего не могли сделать лучшие дипломированные доктора. Естественно, любящие родители были благодарны ему и старались держать его рядом. К тому же царь видел в Распутине мудрого старца из народа и в чем-то, наверное, идеализировал его. Сегодня уже ясно, что многие скандальные эпизоды, связанные с Распутиным, были сфабрикованы левой печатью с целью дискредитации царя.

Обвиняя царя в жестокости и бессердечии, казенные историки обычно приводили в пример Ходынку, 9 января 1905 года, казни времен первой русской революции.

Однако, когда начинаешь поднимать подлинные документы тех лет, то убеждаешься, что видеть в Николае Втором виновника Ходынки или 9 января 1905 года столь же правомерно, как сегодня виновником Чернобыля или тбилисских событий объявлять Горбачева. Документы свидетельствуют, что царь не имел никакого отношения ни к трагедии Ходынки, ни к расстрелу 9 января. Он пришел в ужас, когда узнал об этой беде. Нерадивые администраторы, по вине которых произошли события, были смещены и наказаны.

Теперь о казнях. Смертные приговоры при Николае

Втором производились, как правило, за вооруженное нападение на власть, имевшее трагический исход, то есть за вооруженный бандитизм. Всего по России за 1905—1908 годы по суду (включая военно-полевые) было менее 4 тысяч смертных приговоров, преимущественно боевикам-террористам[6]. Для сравнения, скажем, бессудные убийства представителей старого государственного аппарата, священнослужителей и прочих «черносотенцев» только за полгода (с конца 1917 года по середину 1918 года) унесли жизни десятков тысяч человек. Со второй половины 1918 года счет казням пошел на сотни тысяч, а впоследствии на миллионы невинных людей.

Алкоголизм и распутство Николая Второго такие же бесстыдные выдумки левых, как его коварство и жестокость. Все, кто знал царя лично, отмечают, что он пил вино редко и мало. Его отношения с другими женщинами, кроме жены, ограничивались официальными встречами. Через свою жизнь император пронес любовь к одной женщине, которая стала матерью его пятерых детей. С ней он познакомился в юности. Это была Алиса Гессенская, немецкая принцесса, младшая сестра великой княгини Елизаветы Федоровны, жены его дяди Сергея Александровича. Увидев ее однажды, Николай Второй в течение десяти лет помнил о ней. И хотя родители прочили ему в жены французскую принцессу Елену Орлеанскую, он сумел отстоять свою любовь и весной 1894 года добиться помолвки с любимой.

Алиса Гессенская, принявшая в России имя Александры Федоровны, стала для императора возлюбленной и другом до конца его дней. Сохранилась их переписка, лучше всего отражающая чувства, которые владели ими, их семейный мир. Приведем только два письма и напомним, что они были написаны на двадцатом году супружества[7].

Письмо Александры Федоровны к Николаю Александровичу, 30 декабря 1915 года.

«Мой любимый,

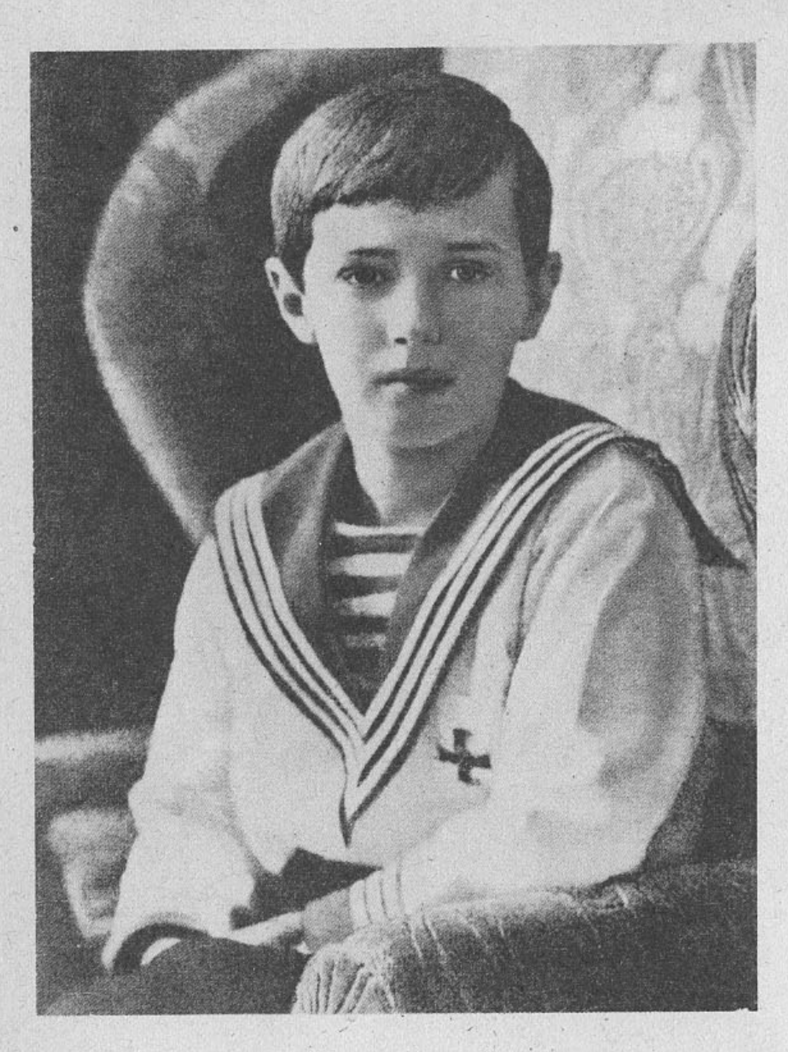
Снова ты уехал один, и я с тяжким сердцем рассталась с тобой! Долго, долго не будет больше ни поцелуев, ни нежных ласк, а мне хочется прижаться к тебе, крепко обнять и дать почувствовать всю силу моей любви. Ведь ты — моя жизнь, мой возлюбленный, и каждая разлука причиняет мне бесконечную душевную боль, потому что ведь это разлука с самым для меня дорогим и святым! Дай Бог, чтобы это было ненадолго! — Другие, без сомнения, найдут меня глупой и сентиментальной, но я чувствую слишком глубоко и сильно, и моя любовь к тебе, мой единственный, безмерна. Я знаю все твои душевные заботы, тревоги и мучения — и чем они серьезнее, тем сильнее мне хочется разделить с тобой эту тяжелую ответственность и взять эту ношу на свои плечи. Молишься и вновь молишься с верой, надеждой и терпением — должны же, наконец, наступить хорошие времена, и ты и наша страна будете вознаграждены за все сердечные муки, за всю пролитую кровь! Все,— кто были взяты из жизни, горят, горят как свечи перед троном Всевышнего. И там, где бьются за правое дело, там будет окончательная победа! Так хочется поскорее хороших вестей, чтобы утешить здесь неспокойные сердца и пристыдить за маловерие!

Нам совсем не удалось спокойно повидаться в этот твой приезд, мы были вдвоем только 3/4 часа в сочельник и вчера 1/2 часа — в постели ведь не приходится говорить, слишком уж поздно всегда, а утром нет времени,— так это посещение и пролетело, тем более что рождественская елка ежедневно отвлекала тебя. Но я все-таки благодарна, что ты приехал, и, не считая нашей личной радости, знаю, что твое дорогое присутствие осчастливило тысячи людей, видевших тебя здесь.— Новый год не такой большой праздник, но, однако, встретить его не вместе, впервые за 21 год, грустно. Боюсь, как бы это письмо не показалось ворчливым, но, право, я этого не хотела,— на сердце у меня тяжело, и твое одиночество для меня постоянный источник тревоги. Те, которые менее привыкли к семейной жизни, не так тяжело чувствуют разлуку.

Хотя сейчас сердце и расширено, я пойду проводить тебя, а потом отправлюсь в церковь. Там я почерпну силы и помолюсь за твое благополучное путешествие и победу.— Прощай, мой ангел, сердечный друг мой! Завидую своим цветам, которые будут сопровождать тебя! Крепко, крепко прижимаю тебя к груди, целую каждое любимое местечко с нежной, нежной любовью — я вся твоя собственная маленькая Солнышко, для которой ты — все в этом мире.— Да благословит тебя Господь Бог, да сохранит Он тебя от всякого зла в новом году! Пусть этот год принесет тебе славу, прочный мир и воздаст за все то, чего стоила эта война! Крепко целую тебя в губы и стараюсь забыть все, все, глядя в твои любимые глаза. Положу свою усталую голову на твою дорогую грудь еще раз

Императрица Александра Федоровна

Царевич Алексей

Император с наследником на яхте

Царские дети

Великие княжны, дочери Николая Второго

Александра Федоровна с цесаревичем Алексеем

в это утро и постараюсь найти спокойствие и силу для разлуки.

Прощай, мой единственный, любимый, солнышко мое, муженек мой, мой собственный!

Навсегда, до смерти, твоя жена и друг Солнышко».

Ответ Николая Александровича Александре Федоровне, 31 декабря 1915 года.

«Моя возлюбленная,

От всего сердца благодарю тебя за твое милое письмо... которое я нашел сюрпризом, когда ложился спать! Самое горячее спасибо за всю твою любовь и ласки за эти шесть дней, что мы провели вместе. Если б только ты знала, как это поддерживает меня и как вознаграждает меня за мою работу, ответственность, тревоги и пр.!.. Право, не знаю, как бы я выдержал все это, если бы Богу не было угодно дать мне тебя в жены и друзья!

Я всерьез говорю это. Иногда трудно бывает выговорить такую правду, и мне легче изложить это на бумаге — по глупой застенчивости. (...)

Молитвы наши встретятся в эту ночь — молебен состоится в церкви в 11.45.

Благослови Бог тебя, моя душка, и дорогих детей!

Навеки, мое дорогое Солнышко, твой старый муженек Ники».

В этом коротком очерке мы не собираемся давать оценку царствования Николая Второго. Хотя без рассмотрения некоторых итогов его государственной деятельности обойтись нельзя. Личность любого государственного деятеля раскрывается в его замыслах и делах.

Николаю Второму принадлежит идея всеобщего и полного разоружения. Только один этот исторический почин дает ему право на бессмертие.

Как пишет историк Ольденбург, мысль об этом зародилась у Николая Второго, по-видимому, в марте 1898 года. Весной этого же года министр иностранных дел подготавливает записку, а к лету Обращение ко всем странам мира. В нем, в частности, говорилось: «По мере того как растут вооружения каждого государства, они менее и менее отвечают предпоставленной правительствами цели. Нарушения экономического строя, вызываемые в значительной степени чрезмерностью вооружений, и постоянная опасность, которая заключается в огромном накоплении боевых средств, обращают вооруженный мир наших дней

в подавляющее бремя, которое народы выносят все с большим трудом. Очевидным поэтому представляется, что если бы такое положение продолжилось, оно роковым образом привело бы к тому именно бедствию, которого стремятся избегнуть и перед ужасами которого заранее содрогается мысль человека.

Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства, предупредить угрожающие всему миру несчастия — таков высший долг для всех государств.

Преисполненный этим чувством Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем Дворе, с предложением о созвании конференции в видах обсуждения этой важной задачи.

С Божьей помощью конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века. Она сплотила бы в одно могучее целое усилия всех государств, искренне стремящихся к тому, чтобы великая идея всеобщего мира восторжествовала над областью смуты и раздора. В то же время она скрепила бы их согласие совместным признанием начал права и справедливости, на которых зиждется безопасность государств и преуспеяние народов»[8]. До чего актуально звучат эти слова и сегодня, а ведь написаны они были почти сто лет назад. Для организации всеобщей мирной конференции Россией была проведена огромная работа. Однако политическое мышление большинства государственных деятелей стран, участвовавших в мирной конференции, было связано с доктриной неизбежности войн и военного противостояния. Главные предложения императора Николая Второго приняты не были, хотя по отдельным вопросам был достигнут определенный прогресс — запрещено использование наиболее варварских методов войны и учрежден постоянный суд для мирного разрешения споров путем посредничества и третейского разбирательства. Последнее учреждение стало прообразом Лиги Наций и Организации Объединенных Наций. Для многих государственных деятелей идея создания подобной международной организации казалась глупостью. Коронованный собрат царя Николая Второго Вильгельм Второй писал по поводу создания этой организации: «Чтобы он (Николай II.— *О. П.)* не оскандалился перед Европой, я соглашаюсь на эту глупость. Но в своей практике я и впредь буду полагаться и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч»[9].

Время царствования Николая Второго является периодом самых высоких в истории России и СССР темпов экономического роста. За 1880—1910-е годы темпы роста продукции российской промышленности превышали 9 процентов в год. По темпам роста промышленной продукции и по темпам роста производительности труда Россия вышла на первое место в мире, опередив стремительно развивающиеся Соединенные Штаты. По производству главнейших сельскохозяйственных культур Россия вышла на первое место в мире, выращивая больше половины производимой в мире ржи, больше четверти пшеницы и овса, около двух пятых ячменя, около четверти картофеля. Россия стала главным экспортером сельскохозяйственной продукции, первой «житницей Европы», на которую приходилось две пятых всего мирового экспорта крестьянской продукции. Быстрое развитие уровня промышленного и сельскохозяйственного производства вкупе с положительным торговым балансом позволило России во времена царствования Николая Второго иметь устойчивую золотую конвертируемую валюту, о которой сегодня мы можем только мечтать, глядя на золотые николаевские десятирублевки. Экономическая политика правительства Николая Второго строилась на началах создания режима наибольшего благоприятствования всем здоровым хозяйственным силам путем льготного налогообложения и кредитования, содействия организации всероссийских промышленных ярмарок, всемерного развития средств сообщения и связи. Император Николай Второй придавал большое значение развитию железных дорог. Еще в юности он участвовал в закладке (а позднее активно содействовал строительству) знаменитой Великой сибирской дороги, большая часть которой строилась в его царствование.

Подъем промышленного производства в царствование Николая Второго в значительной степени связан и с разработкой нового фабричного законодательства, одним из активных создателей которого являлся сам император как главный законодатель страны. Целью нового фабричного законодательства было, с одной стороны, упорядочить отношения между предпринимателями и рабочими, с другой — улучшить положение трудящегося люда, живущего промышленным заработком.

Закон 2 июня 1897 года впервые вводил нормирование рабочего дня. По этому закону для рабочих, занятых днем, рабочее время не должно было превышать одиннадцати с половиной часов в сутки, а в субботу и предпраздничные дни — десяти часов. «Для рабочих, занятых, хотя бы отчасти, в ночное время, рабочее время не должно превышать десяти часов в сутки». Чуть позднее в промышленности России законодательно устанавливается десятичасовой рабочий день. Для той эпохи это был прогрессивный шаг. Для сравнения скажем, что в Германии вопрос об этом только поднимался.

Другой закон, принятый при прямом участии императора Николая Второго,— о вознаграждении рабочих, пострадавших от несчастных случаев (1903 г.). По этому закону «владельцы» предприятий обязаны вознаграждать рабочих, без различия их пола и возраста, за утрату более чем на три дня трудоспособности от телесного повреждения, причиненного им работами по производству предприятия или происшедших вследствие таковых работ». «Если последствием несчастного случая, при тех же условиях, была смерть рабочего, то вознаграждением пользуются члены его семейства». И наконец, законом 23 июня 1912 года в России было введено обязательное страхование рабочих от болезней и от несчастных случаев. Следующим шагом предполагалось введение закона о страховании по инвалидности и старости. Но последовавшие социальные катаклизмы отсрочили его на два десятка лет...

В царствование Николая Второго в русской промышленности вводится демократический институт рабочих старост, выбиравшихся рабочими соответствующих производств.

В общем, в правление Николая Второго в России было создано самое лучшее по тем временам рабочее законодательство. Недаром американский президент Тафт в 1912 году, обращаясь к русским, сказал, что «вам император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может».

Можно приводить еще много примеров активного содействия царя в развитии русской культуры, искусства, науки, реформы армии и флота. Так, одним из первых актов императора Николая Второго было распоряжение о выделении значительных сумм денег для оказания

помощи нуждающимся ученым, писателям и публицистам, а также их вдовам и сиротам (1895 г.). Заведование этим делом император поручил специальной комиссии Академии наук. В 1896 году вводится новый устав о привилегиях на изобретения, «видоизменившие прежние условия эксплуатации изобретений к выгоде самих изобретателей и развития промышленной техники».

Но парадокс, чем больше делал царь на благо Отечества, тем сильнее раздавались голоса его противников. Ведется организованная клеветническая кампания, призванная дискредитировать российского императора. Темные разрушительные силы не гнушаются ничем, в ход идут самые подлые, самые грязные, самые нелепые обвинения — от шпионажа в пользу немцев до полного морального разложения. Все большая часть образованного общества России отторгается от российских традиций и идеалов и принимает сторону этих разрушительных сил. Николай Второй и эта разрушительная часть образованного общества живут как бы в разных мирах. Император — в духовном мире коренной России, его противники — в мире ее отрицания. Подчеркивая суть трагедии русского императора, следует констатировать, что именно в его царствование созрели плоды ядовитого дерева отрицания российской культуры, корни которого тянутся в глубину отечественной истории. Не его вина, а его беда, что созревание ядовитых плодов, именуемых ныне «революцией», произошло во время его правления. Строго говоря, это была не революция, ибо основным содержанием событий, последовавших после 1917 года, стала не социальная борьба (хотя она, конечно, была), а борьба людей, лишенных русского национального сознания против национальной России. В этой борьбе русский царь должен был погибнуть первым.

Царь стремится сохранить и умножить национальную русскую культуру, разрушительные элементы призывают ее уничтожить. Царь организует оборону страны от смертельного врага, разрушительные элементы призывают к поражению России в этой войне.

Анализ исторических материалов того времени показывает, что на начало февраля 1917 года в России был только один по-настоящему выдающийся государственный деятель, работавший на победу и процветание страны,— это император Николай Второй, но он был просто предан. Остальные политические деятели больше думали

не о России, а о своих личных и групповых интересах, которые они пытались выдавать за интересы России (поэтому доверия к ним не было). В то время спасти страну от развала могла только идея монархии. Она была отвергнута этими политиками, и тем самым была предрешена их судьба как российских государственных деятелей, они «вылетели за границу».

Интересна очень глубокая оценка событий, происходивших накануне гибели русского императора, данная Уинстоном Черчиллем в его книге «Мировой кризис 1916—1918»:

«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией и Колчак — флотом. Кроме того, никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте; иными словами — держаться; вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы.

...В марте царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна.

Согласно поверхностной моде нашего времени Царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна.

В управлении государствами, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывал работу, кто начертывал план борьбы; порицание или хвала за исход довлеют тому, на ком авторитет верховной ответственности. Почему отказывать Николаю II в этом суровом испытании?.. Бремя последних решений лежало на Нем. На вершине, где события превосходят разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходилось Ему. Стрелкою компаса был Он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево? Согласиться на демократизацию или держаться твердо? Уйти или устоять? Вот — поля сражений Николая II. Почему не воздать Ему за это честь? Самоотверженный порыв русских армий, спасший Париж в 1914 году; преодоление мучительного бесснарядного отступления; медленное восстановление сил; брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо; разве во всем этом не было Его доли? Несмотря на ошибки большие и страшные, тот строй, который в нем воплощался, которым Он руководил, которому Своими личными свойствами Он придавал жизненную искру — к этому моменту выиграл войну для России.

Вот его сейчас сразят. Вмешивается темная рука, сначала облеченная безумием. Царь сходит со сцены. Его и всех Его любящих предают на страдание и смерть. Его усилия преуменьшают; Его действия осуждают; Его память порочат... Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригодным? В людях талантливых и смелых; людях честолюбивых и гордых духом; отважных и властных — недостатка не было. Но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. Держа победу уже в руках, она пала на землю, заживо, как древле Ирод, пожираемая червями».

Николай Второй не был хорошим политиком в нынешнем смысле этого слова, то есть он не был политиканом и политическим честолюбцем, готовым идти на любые комбинации и сделки с совестью для удержания власти. Император был человек совести и души (в этом многократно убеждаешься, читая его переписку и дневники), те моральные установки, которыми он руководствовался в своей деятельности, делали его беззащитным перед темными интригами, которые плелись в его окружении. Многие из его окружения преследовали собственные интересы, надеялись получить определенные выгоды, торговались с противниками царя о цене предательства.

Вокруг царя все сильнее и сильнее сжимался круг измены, который превратился в своего рода капкан к 2 марта 1917 года. Давайте прочитаем некоторые записи в дневнике императора, чтобы понять те чувства, которые владели им накануне отречения.

«27-го февраля. Понедельник

В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Царское Село поскорее и в час ночи перебрался в поезд.

28-го февраля. Вторник

Лег спать в 3 1/4, т. к. долго говорил с Н. И. Ивановым, которого посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилева в 5 час. утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехали Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 час.

1-го марта. Среда

Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского... Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам Господь!

2-го марта. Четверг

Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 1/2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена и трусость, и обман!»[10]

С подписанием отречения ставилась точка в трагедии жизни императора Николая Второго и начался отсчет времени в трагедии его смерти.

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ЦАРЕУБИЙЦЫ?

Для многих поколений русских людей, и прежде всего крестьян, вплоть до начала XX века понятие «царь» выражало идею родины, Отечества, национального единства. В народном сознании царь именуется не иначе, как «батюшка», «отец». И не в административном смысле рабского подчинения, а в смысле высшего духовного авторитета. Многие века народное сознание рассматривает царя как связующее звено между Богом и Отечеством. Лозунг «За Бога, Царя и Отечество» выражал ядро русской национальной идеи.

Хотя я не решился бы сказать, что такое понимание царя было присуще только русским. Аналогичное отношение к монарху мы видим и в ряде других стран. Прежде всего в Великобритании. Для англичан король или королева — символ незыблемости национальных устоев, порядка и стабильности. Сегодняшнего среднего англичанина монархистом вряд ли назовешь, но он с большой симпатией относится к своему королю — хранителю общенациональных традиций и обычаев. Впрочем, мы отвлеклись.

Посягнуть на царя в понятии русского крестьянина — посягнуть на родного отца и даже хуже. Человек, осмелившийся поднять руки на царя, в сознании народа — злодей. Как в свое время отмечал русский историк академик В. П. Безобразов, после убийства 1 марта 1881 года царя Александра II народ, даже неграмотный, стал обращать на нигилистов серьезное внимание, которым прежде их не удостаивал. После этого убийства крестьяне в деревнях стали озираться по сторонам, подозревая каждого неизвестного приезжего, чтобы как-нибудь не пропустить «злодеев»[11]. «Народная воля» кончилась после этого убийства, потому что крестьяне поняли, что она посягает на их святыни. «Народовольцев», «шедших в народ», крестьяне пачками вязали, как снопы, и сдавали в полицию.

Идея убийства царя родилась не в народной среде, а в среде нигилистов, то есть интеллигенции, лишенной нацио-

нального сознания. Нигилизм XIX века — это патологическое презрение к культуре и истории России, к ее святыням и символам, отсутствие чувства духовного родства с ней и исторических корней. Царь как выразитель национальной идеи был для таких людей врагом номер один.

Неудавшиеся аптекари, ювелиры, цирюльники, мелкие коммерсанты, недоучившиеся гимназисты и студенты окунулись в политическую жизнь России с единственным желанием перекроить ее на свой лад, разрушить до основания, а потом... Впрочем, что будет потом, они сами точно не знали, но твердо верили в необходимость создания организации, по крайней мере, мирового, а может быть, космического масштаба, руководить которой будут именно они. И вот сидел в бакалейной лавке мальчик «интеллигентного вида», в пенсне, и возмущался всем в окружающей действительности — множеством церквей, стоящих на улицах, соборами, «давящими» его на многолюдных площадях, величественными дворцами вельмож, особнячками купцов и почетных граждан. Эх, думал он, отвешивая два фунта сахара, была бы моя власть, я бы все уничтожил, а на их месте построил бы стеклянные небоскребы. И много, много раз его кулачки сжимались от ненависти ко всему окружающему. А сколько таких мальчиков «развернулось» в годы революции, признавая за собой право убивать и громить. Считалось возможным применять к врагу любые, самые жестокие, уголовные методы, а врагом была вся национальная Россия. Для такой борьбы широко привлекались деклассированные и просто уголовные элементы или, как еще их называли, «социально близкие».

«...Нам надо войти в союз со всеми ворами и разбойниками русской земли»,— писал революционер М. Бакунин. Преступный, уголовный характер значительной части революционеров-нигилистов неоднократно отмечался русскими писателями, достаточно назвать Достоевского и Лескова. Союз Верховенского и Шигалева с Федькой Каторжным из романа Достоевского «Бесы» — вот модель революционного развития, которое предлагали России денационализированные нигилисты, а позднее взяли за основу большевики. Значительная часть российского образованного общества с явной симпатией относится к деклассированным уголовным элементам, выходящим с топором на дорогу. Как здесь не вспомнить романтизацию

явно бандитских движений Степана Разина и Емельяна Пугачева.

Желание решить дело радикально, одним ударом топора, облагодетельствовать человечество вопреки его воле, любой ценой, отмечает леворадикальную часть русской интеллигенции, по крайней мере с Радищева. Пестель, этот неудавшийся русский Бонапарт, развивает широкую программу радикальных действий, одним из первых актов которой было бы убийство всех членов царской фамилии и установление диктатуры. Время отодвинуло исполнение его планов на сто лет. Как-то раз, еще до события 1825 года, поэт-декабрист К. Ф. Рылеев, рассердившись на булгаринскую газету «Северная пчела», крикнул в лицо самому Булгарину: «Когда случится революция, мы тебе на «Северной пчеле» голову отрубим».

«...Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную...» — заявляет В. Белинский в 1841 году, а в другом месте декларирует: «Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью».

Или вот заявление Огарева: «Есть к массам у меня любовь и в сердце злоба Робеспьера. Я гильотину ввел бы вновь, вот исправительная мера!»

«Программа революционных действий» П. Н. Ткачева и С. Г. Нечаева прокламировала физическое уничтожение «гнезда власти», установление диктатуры и истребление всех несогласных с ней. Нечаевская подпольная организация «Народная расправа» начала свою деятельность с убийства одного своего члена, отказавшегося подчиниться диктату Нечаева. В первом номере печатного органа «Народной расправы» Нечаев перечисляет окружение царя, которое по завершению восстания подлежит физическому уничтожению.

Александр Федорович Керенский, будущий глава революционного правительства России, еще в 1905 году вынашивал мысль убийства царя, который, по его мнению, «узурпировал верховную власть и вел страну к гибели», и даже был готов принять в этом личное участие. Так думал не только леворадикал Керенский, но и многие в либеральной среде. «В 1915 году,— рассказывает в своих воспоминаниях тот же А. Ф. Керенский,— выступая на тайном собрании представителей либерального и умеренного консервативного большинства в Думе и Государственном Совете, обсуждавшем политику, проводимую

царем, в высшей степени консервативный либерал В. А. Маклаков сказал, что предотвратить катастрофу и спасти Россию можно, лишь повторив события 11 марта 1801 года (убийство Павла I)». Керенский рассуждает о том, что различие во взглядах между ним и Маклаковым сводилось лишь ко времени, ибо сам Керенский пришел к выводу «необходимости» убийства царя на 10 лет раньше. «И кроме того,— продолжает Керенский,— Маклаков и его единомышленники хотели бы, чтобы за них это сделали другие. Я же полагал, что, приняв идею, должно принять на себя и всю ответственность за нее, самолично пойдя на ее выполнение». Призывы убить царя со стороны Керенского продолжались и позже. В речи на заседании Государственной Думы в феврале 1917 года он призывает к «физическому устранению царя», поясняя, что с царем следует сделать то же, «что совершил Брут во времена Древнего Рима». Он заявляет об этом во всеуслышание. И из сотен депутатов Государственной Думы не нашлось человека, который бы протестовал против этого антигосударственного заявления[12].

Почему же российская интеллигенция была так отзывчива на примитивную пропаганду нигилистов, почему она охотно принимала в свою среду людей откровенно враждебных русской народной культуре?

Ответ на этот вопрос крайне важен для понимания корней цареубийства. Главное состоит в том, что в силу разных исторических обстоятельств значительная часть российской интеллигенции была воспитана на отрицании народной крестьянской культуры... Образование, которое получала интеллигенция, чаще всего носило односторонний характер и основывалось на западноевропейской системе духовных ценностей, значительно отличавшейся от системы ценностей, сложившейся в России.

«У нас... более чем где-нибудь,— писал Даль,— просвещение сделалось гонителем всего родного и народного... ревнители готового чужого, не считая нужным изучить сперва свое, насильственно переносили к нам все в том виде, в каком оно попадалось им на чужой почве, где оно было выстрадано и выработано, тогда как тут могло приняться только заплатами и лоском...»

Интеллигенция шаг за шагом отказывается от многих ценностей народной культуры, отечественных обычаев и идеалов, заменяя их представлениями и понятиями, заимствованными из-за рубежа. Причем речь шла не о

стремлении к творческому освоению и взаимному обогащению равноценных культур России и западноевропейских стран, а о прямом вытеснении народной культуры как якобы отсталой и отживающей. Процесс этот был тяжелым и болезненным, утраты просто катастрофическими. На несколько столетий для многих поколений были «закрыты» допетровская литература и музыка, древнерусская архитектура, иконопись, живопись, шедевры мирового значения — считались бледными примитивами, заимствованиями, жалкой мазней, и только во второй половине XIX века начали снова «открываться» как произведения великого искусства. Самобытная русская культура на несколько веков становится Золушкой в родном доме, ей отказывалось в праве на общечеловеческое значение, которое признавалось только за западноевропейской культурой. Такое явление не могло не вызвать протеста.

Крестьяне смотрят на интеллигентов как на чужаков-иностранцев. Интеллигенция, сталкиваясь с этим отношением, расценивает его как результат отсталости крестьян. И обе стороны распаляются еще больше. Национальное сознание у интеллигентов вытесняется чувством стыда и неловкости за свой «необразованный» народ. Зачем мне такое национальное сознание, если оно отражает только отсталость.

Отсутствие национального сознания значительной части интеллигенции сближало ее с различными враждебными России группами людей, видевшими в русской истории только примеры своих национальных обид и утеснений, которые они выводили из темноты и невежества русского народа. Более того, именно эти чуждые России группы людей, лишенные всяких «оков» российского национального сознания, становятся наиболее социально активными, даже пытаются определять социальные ориентиры развития страны.

Во второй половине XIX века лишенная национального сознания российская интеллигенция начинает сближаться также с другой, довольно многочисленной группой населения — босяцкими, уголовными, люмпен-пролетарскими слоями. «Настоящий народ,— восклицают они,— это не крестьянство, а вот эти босяцкие слои — обиженные и угнетенные». Происходит настоящая романтизация паразитических элементов общества (босяков, обитателей Хитровых рынков и даже уголовных преступников, оправ-

дание их как жертв социальной системы). В любой нации существуют паразитические элементы, не желающие работать и постоянно противопоставляющие себя творческому большинству населения. Любая нация всегда сдерживает рост этих элементов, пресекая их развитие. Нет,— заявляют наши «мудрецы» из числа вышеупомянутых интеллигентов,— босяки это настоящие люди, наиболее отзывчивые на революционную пропаганду. Да и идти к ним далеко было не надо. В любом кабаке или ночлежке можно было найти готовых «революционеров» (челкашей, обитателей хитровок, романтиков «дна»), всей своей жизнью отрицавших общественные устои. Именно с тех времен для определенной части российских социалистов деклассированные и уголовные элементы стали «социально близкими». Именно им были созданы условия наивысшего благоприятствования и именно они стали исполнителями цареубийства, а позднее и опорой троцкистско-сталинского уголовного режима на островах ГУЛАГа под тем же названием — «социально близких». Трудовой паразитизм деклассированных элементов воспринимался в подобной среде как героический социальный протест, нежелание работать — как своего рода забастовка, пьяное прожигание жизни — жертвенность за какую-то неосознанную идею. Откровенный пример романтизации босяков — пьеса М. Горького «На дне».

Так к началу XX века в России сложился крепкий союз интеллигенции, лишенной национального сознания (отнюдь не всей интеллигенции), враждебных российской культуре националистически настроенных групп людей, а также босяцких, деклассированных, уголовных и люмпен-пролетарских слоев населения. Это была почва, на которой выросло цареубийство.

КТО ВИНОВАТ В ТРАГЕДИИ 9 ЯНВАРЯ?

Среди мифов, созданных леворадикалами, посягавшими на царскую власть, одним из самых лживых был миф о Кровавом воскресенье, вина за которое возлагалась ими на Николая Второго, хотя на самом деле ответственность за эту кровь ложилась на так называемых революционеров, организованно осуществивших гигантскую провокацию. Расскажем об этом.

В январе 1905 года Россия находилась в состоянии

тяжелой войны с Японией. Тяжесть этой войны связана с отдаленностью театра военных действий от основных жизненно важных центров России, трудностями обеспечения военным снаряжением и даже продовольствием. Страна напрягается в борьбе с врагом, который долго и тщательно готовился к ней, требуется сотрудничество всех слоев общества.

Но именно в этот момент враждебные России силы внутри страны в своих интересах начинают проводить работу за поражение России в войне, видя в нем шанс для исполнения своих революционных замыслов. Работа эта осуществляется антирусскими силами и на иностранные деньги.

Слой так называемых революционеров на 2/3 состоял из нерусских, около половины революционеров были евреи*. И дело здесь было не столько в национальности, сколько в незнании русской жизни, непонимании ее интересов, корней и истории. Так называемые революционеры были в лучшем случае отвлеченными мечтателями, чаще всего не вполне зрелыми и грамотными, стремящимися облагодетельствовать народ утопическими проектами, сущность которых, как показало дальнейшее трагическое развитие событий, они сами не вполне представляли. А в худшем и наиболее распространенном случае так называемая революционная среда стала средоточием антирусских сил, ненавидевших и презиравших Россию, использовавших российских социалистов для достижения своих темных, националистических целей.

Российское революционное движение было наводнено провокаторами, а точнее, агентами, ведшими двойную-тройную игру: официально сотрудничая с полицией, они на самом деле использовали ее для осуществления своих антирусских планов. Состоя в различных нелегальных организациях, они, когда это было им нужно, выдавали полиции «собратьев по борьбе», но чаще всего использовали их в своих интересах для различных махинаций и убийств людей, стоявших на принципах сохранения основ, традиций и идеалов России. Так, известный провокатор

* Командующий Сибирским военным округом генерал Н. Н. Сухотин составил статистику политических «поднадзорных» по национальностям на 1 января 1905 года: на 4526 человек русских (включая украинцев и белорусов) было 1898; евреев — 1676; поляков — 624; кавказских народностей — 124; прибалтийских — 85; прочих — 94 (см.: Ольденбург С. Россия в царствование Николая II. С. 261.)

Азеф Евно Фишель, один из организаторов партии эсеров, член ее ЦК и руководитель боевой организации, на самом деле использовал эту партию для осуществления преступных планов сил, стоявших за его спиной. В 1901 году он выдал полиции целый съезд своих соратников-эсеров и вместе с тем в 1904—1905 годах подготовил и осуществил убийства нескольких государственных деятелей — министра внутренних дел В. К. Плеве и великого князя Сергея Александровича. В 1908 году Азеф «сдал» в полицию целый ряд своих товарищей-боевиков и вместе с тем продолжил участие в организации убийств русских государственных деятелей. Аналогичную роль играл и убийца Столыпина Мордка Богров, который свои националистические устремления скрывал за ширмой службы в полиции в качестве платного секретного агента, выдавая, когда надо, своих товарищей по партии.

Немало провокаторов работало и в большевистской партии. Что стоит только один Малиновский, член ЦК РСДРП, один из ближайших соратников Ленина, руководитель большевистской фракции в Государственной Думе. В течение семи лет он составлял донесения в полицию и вместе с тем вел активную революционную работу.

Уникальным опытом провокаторской деятельности было «Общество рабочих механического производства» в Москве и Петербурге, созданное полковником полиции С. В. Зубатовым, продолжением которого стало «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга», которое с 1904 года возглавил агент полиции, священник Григорий Гапон. Здесь все, начиная с Зубатова и Гапона до самых последних активистов общества, были сориентированы так, чтобы сбить с толку простых рабочих, обмануть их. Зубатов в молодости был членом московского народовольческого кружка, затем стал секретным сотрудником полиции, регулярно сообщал ей о деятельности революционеров. Из секретных сотрудников впоследствии он постепенно выдвинулся на руководящую работу — начальником Московского охранного отделения, а одно время был даже заведующим особым отделом министерства внутренних дел.

Зубатов создал движение, которое впоследствии унаследовал его любимый агент Гапон. Костяк этого движения составляли люди, далекие от интересов России, принадлежавшие к кругам видных теоретиков и практиков

сионизма,— М. Вильбушевич, Г. Шаевич, М. Гурович, И. Шапиро (Сапир).

Вот что об этом пишет в своих воспоминаниях Г. Гапон: «Однажды Зубатов устроил свидание со мною в доме одного из своих друзей, где я познакомился со многими лицами, игравшими видную роль в политическом движении последних двух лет. Мария Вильбушевич и доктор Шаевич, очевидно, находившиеся под покровительством Зубатова, были основателями так называемой «Еврейской независимой рабочей партии»...

Должен сказать о них, что, несмотря на связь с полицейскими агентами, они действительно симпатизировали революции и **по собственным причинам** (выделено мною.— *О. П.*) присоединились к Зубатову. Был там также и Михаил Гурович, высокий брюнет, который, как я потом узнал, был в близких отношениях с многими либералами и революционерами; благодаря ему многие попали в Сибирь и в тюрьму. «Это нам большой друг и помощник»,— сказал Зубатов, представляя мне Гуровича... Был там и доктор Шапиро — лидер сионистского движения. Зубатов, несомненно, помогал им материально... Очевидно, он хотел организовать еврейских рабочих под знаменем сионизма и тем отвлечь от революционных партий» (Гапон Г. История моей жизни. М., 1990. С. 19). Однако на деле все оказалось наоборот: пытаясь сделать сионизм инструментом в своих руках, Зубатов стал прямым орудием сионизма как подрывного, антирусского движения. Ближайшим соратником и советником Г. Гапона был Пинхус Моисеевич Рутенберг, известный всем как Мартын Иванович — один из видных деятелей сионистского и масонского движения (см.: Берберова Н. Люди и ложи.— Словарь). Собственно говоря, эта темная личность все время стояла за спиной Гапона. Рутенберг стал прототипом героя повести Горького «Все те же» Зейделя, который, по мнению Горького, «является могучим агентом модернизации и европеизации русского общества в противоположность консервативному азиатскому черносотенству». Зейдель высказывает мысль о «бесполезности жизни среди пассивного русского народа».

Именно в среде этих людей была создана кухня для подготовки гигантской провокации 9 января.

В самый разгар русско-японской войны, в сентябре — октябре 1904 года, в Париже проходит съезд всех «оппозиционных и революционных партий», главная задача

которого — содействовать поражению России в этой войне. Как пишет участник съезда, будущий лидер кадетов П. Милюков (которого невозможно заподозрить в симпатиях к царскому правительству): «Закулисная сторона съезда стала мне известна позднее... По своему происхождению этот съезд должен был носить чисто пораженческий характер. Мысль о съезде явилась у поляков на амстердамском социалистическом съезде; прямая цель была при этом — воспользоваться войной с Японией для ослабления самодержавия; Циллиакус (финский социалист.— *О. П.*) снабдил оружием польских социалистов. Он же и ввел на съезд Азефа (националиста и провокатора.— *О. П.*) и несомненно участвовал в качестве «активиста» в попытке осуществить, по его же словам, «глупейший и фантастичнейший, но тогда казавшийся осуществимым» план: ввезти в Петербург морем оружие в момент, когда там начнется восстание... **Деньги, которые были нужны для пораженческих мероприятий, были получены Циллиакусом, целиком или отчасти, через японского полковника Акаши** (выделено мною.— *О. П.*) с определенной целью: закупить оружие для поднятия восстаний в Петербурге и на Кавказе,— и Азеф должен был быть об этом осведомлен» (Милюков П. Воспоминания: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 254). Азеф, будучи платным агентом полиции, об этих деньгах своим полицейским начальникам не сообщил, что свидетельствует о том, что он выполнял указание других, более важных для него начальников. Грязные деньги беспрепятственно прибыли в Россию.

«Я не знал также о том,— продолжает П. Милюков,— что по окончании нашего съезда оппозиционных и революционных групп вместе,— состоялся второй съезд — одних революционных партий. На нем были намечены революционные выступления на 1905 год, включая террор». Все революционные мероприятия предполагалось проводить на иностранные деньги.

Об обильном финансировании мероприятий по раздуванию смуты в стране и поражению России в войне пишут и другие деятели того времени.

«Японцы раздавали деньги русским революционерам известных оттенков,— пишет английский журналист Диллон в книге «Закат России»,— и на это затрачены значительные суммы. Я должен сказать, что это бесспорный факт». Б. В. Савинков в своих воспоминаниях, относящихся к 1904—1905 годам, рассказывает, что «член

финской партии активного сопротивления, Конни Циллиакус, сообщил центральному комитету (партии эсеров.— *О. П.*), что через него поступило на русскую революцию пожертвование от американских миллионеров в размере миллиона франков, причем американцы ставят условием, чтобы эти деньги пошли на вооружение народа и распределены были между всеми революционными партиями. ЦК принял эту сумму, вычтя 100 тыс. франков на боевую организацию».

Если давать юридическую оценку деятельности граждан Российской империи в условиях военного положения страны, готовящих на иностранные деньги ее поражение, то по законам любого государства она может рассматриваться только как государственная измена, достойная высшей меры наказания. Предательская деятельность кучки так называемых революционеров вследствие остановки работы оборонных предприятий и перебоев в снабжении армии привела к гибели тысяч и десятков тысяч солдат на фронте, ухудшению экономического положения простых людей. Впрочем, подобный характер носила и деятельность большевиков, и близких им по духу партий, получавших немецкие деньги на проведение работы по развалу военной и общественной системы страны, а сегодня носит деятельность некоторых нынешних «леворадикальных демократов», получающих средства из фондов западных спецслужб. Общим был и рецепт, которым руководствовались подобные специалисты-революционеры: путем обмана и фальсификации создать провокационную ситуацию для дестабилизации положения в стране.

События января 1905 года были классическим примером использования этого рецепта.

В конце декабря 1904 года по ничтожному поводу (увольнение 4 рабочих) вспыхивает многотысячная забастовка на Путиловском заводе (начальником мастерской здесь работает Рутенберг), которая потом перекидывается на другие предприятия. Организация забастовки ведется опытными революционерами. К 4 января бастовало 15 тысяч рабочих, к 6 января — 26, к 7 — 105, к 8 — 111 тысяч. Была парализована работа значительной части оборонных предприятий. Сколачиваются стачечный комитет и большой денежный фонд помощи бастующим, скорей всего, из тех же иностранных денежных средств (рабочие, конечно, об этом не знали). Все нити забастовок тянутся к организации, которую формально возглавлял

агент полиции Гапон, а фактически она находилась в руках опытных революционеров, подобных Рутенбергу. Они поставляли для этой организации специалистов и инструкторов. Гапон в этой организации был только ширмой, удобной и выгодной для настоящих хозяев положения.

Незадолго до событий 9 января коллега Рутенберга по Путиловскому заводу инженер М. К. Парадовский неоднократно беседовал с ним. «В это время,— пишет Парадовский,— я два или три раза виделся с Рутенбергом и, так как я знал, что он близок к Гапону, я, естественно, заговорил с ним об этом, и он поразил меня своим непониманием происходящего и только твердил, что чем хуже царю, тем лучше всем его верноподданным. (В другом месте Рутенберг злорадствовал над царем и выражал надежду, что война подорвет его авторитет в народе.— *О. П.*) Когда я сказал ему, что верноподданные царя — это русский народ и не Гапону быть представителем народа, Рутенберг рассмеялся и сказал: «Гапон — это пешка, и весь вопрос, кто эту пешку двигает». (цит. по: Ардаматский В. Перед штормом. М., 1989. С. 285—286.)

Пешка пешкой, а гапоновская организация к началу 1905 года представляла серьезную силу. В нее входило 20 тысяч платных членов, среди которых было много поляков, финнов, евреев. Общество имело свои читальни, клубы, чайные. Рабочим читали лекции: по истории культуры и экономическим вопросам — юрист Мордка Айзель Финкель; по истории литературы — редактор «Тюремного вестника» Ф. Н. Малинин; по вопросам текущего момента — Н. Строев (Сергей Яковлевич Стечкин). Существовал у общества и штаб, в который входило, помимо Рутенберга, ближайшее окружение Гапона: Васильев, руководители отделений, социал-демократы Карелины и уже упомянутый нами юрист общества Мордка Финкель (он давал юридические консультации членам общества и самому Гапону).

Особая работа велась даже среди женщин. Организатором этой работы была старая социал-демократка Вера Марковна Карелина. И несмотря на утверждение о том, что гапоновское движение состояло только из рабочих, в нем работало большое количество социал-демократов.

«К 7 и 8 января,— пишет исследователь гапоновской организации А. Шилов,— соц.-демократы настолько овладели... массою, что уже стали говорить, что при гапоновском отделе состоят особые должностные лица, называемые социал-демократами, и Гапон предложил устроить совещание с ними, которое состоялось 7 января».

Именно этими должностными «социал-демократами» была составлена прокламация, широко распространявшаяся 4 января по всему Петербургу. В прокламации были выставлены требования: 1) образование комиссии из представителей рабочих и администрации, в которой решались бы вопросы об увольнении рабочих и о положении штрафов; 2) повышение заработной платы; 3) 8-часовой рабочий день; 4) отмена сверхурочных работ; 5) ограничение труда малолетних; 6) вежливое обращение администрации; 7) политические свободы и Учредительное собрание.

Как видим, петиция состояла из экономических требований, а самым последним пунктом, как бы незаметно, да и непонятно для рабочих, протаскивались и политические.

Рабочие понимали свои требования чисто экономически и все время, вплоть до 8, 9 января, были знакомы именно с ними, да и другие они вряд ли бы поддержали.

Но в самый последний момент вместо принятых и поддерживаемых рабочими экономических требований появляется другая петиция, якобы тоже от имени рабочих, но содержащая экстремистские требования общегосударственных реформ, созыва Учредительного собрания, политического изменения государственного строя. Все пункты, известные рабочим и реально поддерживаемые ими, переносятся в конец. Это была в чистом виде политическая провокация революционеров, пытавшихся от имени народа в тяжелых военных условиях предъявить требования неугодному им русскому правительству.

Идея идти с петицией к царю возникает 6—7 января и начинает пропагандироваться окружением Гапона. Но рабочих, которых приглашали идти к царю за помощью, знакомили с чисто экономическими и, можно сказать, разумными требованиями. Собираясь к царю, гапоновские провокаторы даже распространяли слух, что царь сам хочет встретиться со своим народом. Схема этой провокации была такова — революционные агитаторы от имени якобы царя ходили и передавали рабочим примерно такие «его» слова: «Я, царь божьей милостью, бессилен справиться с чиновниками и барами, хочу помочь народу, а дворяне не дают. Подымайтесь, православные, помогите мне, царю, одолеть моих и ваших врагов». Об

этом рассказывали многие очевидцы. Например, большевичка Л. Субботина. Она же передает диалог с одним студентом-революционером:

«— Ну, товарищ Лидия, вы вдумайтесь только, какое величие замысла,— говорит один студент, которого мы прозвали «Огнедышащий»,— **использовать веру в царя и бога для революции...**» (выделено мною.— *О. П.*) (На баррикадах. Л., 1984. С. 46).

Сотни «огнедышащих», революционных провокаторов ходят среди народа, приглашая людей 9 января к двум часам на Дворцовую площадь, заявляя, что их там будет ждать царь. Рабочие готовятся к этому дню как к празднику: стирают, гладят, готовят самую лучшую одежду, многие собираются взять с собой детей. В общем, для большинства рабочих этот день представляется как бы большим крестным ходом к царю, тем более что его возглавляет священник, лицо духовное, традиционно почитаемое.

Да и власти вплоть до 8 января еще не знают, что за спиной рабочих заготовлена другая петиция, с экстремистскими требованиями. А когда узнают — приходят в ужас. Дается приказ арестовать Гапона, но уже поздно, он скрывается. А остановить огромную лавину уже невозможно, «огнедышащие», революционные провокаторы поработали на славу. 9 января на встречу с царем готовы выйти сотни тысяч людей. Отменить выход нельзя: газеты не выходят, радио и телевидения еще нет. И вплоть до поздней ночи перед 9 января сотни «огнедышащих» ходят по рабочим районам, возбуждая людей, приглашая на встречу с царем, снова и снова заявляя, что этой встрече препятствуют эксплуататоры и чиновники. Засыпали рабочие с мыслью о завтрашней встрече с батюшкой-царем.

Петербургские власти на совещании вечером 8 января, понимая, что остановить рабочих уже поздно, принимают решение не допускать их в самый центр города. Главная задача была даже не в том, чтобы защитить царя (его не было в городе, он находился в Царском Селе), а в том, чтобы предотвратить беспорядки, неизбежную давку и гибель людей в результате стекания огромных масс с четырех сторон на узком пространстве Невского проспекта и Дворцовой площади, среди набережных и каналов. Царские министры помнили трагедию Ходынки, когда в результате преступной халатности местных московских

властей в давке погибло 1389 человек и около 1300 получили ранения. Поэтому в центр стягиваются войска, казаки, дается приказ не пропускать в центр, оружие применять в крайней необходимости.

Последнее, что могут сделать власти, чтобы предотвратить трагедию,— выпускают объявление, запрещающее шествие 9 января и предупреждающее об опасности. Но из-за того, что работала только одна типография, тираж его был невелик.

8 января Гапон направляет письмо министру внутренних дел, из которого видно, что в угоду определенных сил он обманывал как рабочих, так и самого царя. «Ваше превосходительство! — писал Гапон,— рабочие и жители Петербурга разных сословий желают и должны видеть царя 9 сего января, в воскресенье в 2 часа дня на Дворцовой площади, чтобы ему выразить непосредственно свои нужды и нужды всего русского народа. Царю нечего бояться. Я как представитель «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. СПБ», мои сотрудники товарищи-рабочие, даже все так называемые революционные группы разных направлений гарантируем неприкосновенность его личности. Пусть он выйдет, как истинный царь, с мужественным сердцем к Своему народу и примет из рук в руки нашу петицию. Это требует благо его, благо обитателей Петербурга, благо нашей родины.

Иначе может произойти конец той нравственной связи, которая до сих пор еще существовала между русским царем и русским народом. Ваш долг, великий, нравственный долг перед царем и всем русским народом немедленно, сегодня же, довести до сведения Его Императорского Высочества как все вышесказанное, так и приложенную здесь нашу петицию. Скажите царю, что я, рабочие и многие тысячи русского народа мирно, с верою в него, решили бесповоротно идти к Зимнему дворцу.

Пусть же он с доверием отнесется на деле, а не в манифестах только к нам.

Копия с сего как оправдательный документ нравственного характера снята и будет доведена до сведения всего русского народа.

8 января 1905 г. свящ. Гапон».

Очевидно, что Гапон, обманывая и царя, и народ, скрывал от них ту подрывную работу, которая ведется его окружением за их спиной. Он обещает царю неприкосновенность, но сам прекрасно знает, что так называемые

революционеры, которых он пригласил для участия в шествии, выходят с лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!», а в карманах их лежат бомбы и пистолеты. Наконец, письмо Гапона носит недопустимо ультимативный характер — на таком языке разговаривать с царем коренной русский человек не смел, и, конечно, вряд ли одобрил бы это послание.

А между тем «огнедышащие» всех революционных партий распределяются между отдельными колоннами рабочих, которых предполагается одиннадцать — по числу отделений гапоновской организации. Эсеровские боевики подготавливают оружие. Большевики сколачивают отряды, каждый из которых состоял из знаменосца, агитатора и ядра, их защищавшего (то есть тех же боевиков). Все члены РСДРП были обязаны быть к шести часам утра у пунктов сбора.

«Огнедышащие» готовят знамена и транспаранты: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!», «К оружию, товарищи!». Уже упомянутая нами большевичка Субботина рассказывает о ночи, предшествующей 9 января:

«Входит Самуил-шапошник:

— Товарищ Лидия, где вы были? Я бегал, вас искал. Флаги надо шить.

— Кто заказал — партия?

— Да, мы на всякий случай сошьем, завтра чтоб были готовы.

— Ну, Самуил,— ерунда, я сейчас оттуда, от собрания, прокламации кто-то бросил, так они (рабочие.— *О. П.*) закричали: не надо нам бунтовщиков с их бумажками, с их флагами, пускай завтра не сунутся, мы одни пойдем, чтоб царь не подумал, что и мы — бунтовщики. Слышите, они нам места в рядах своих не оставляют. Пускай же одни, бараны, идут. Их вера в царя — не моя вера, мои знамена — не их знамена.

Слушает меня Самуил, ухмыляется».

Диалог Самуила с Лидией кончается тем, что они, каждый по-своему понимая задачу, принимаются за заготовку знамен.

9 января рано утром рабочие собираются на сборных пунктах. Перед началом шествия в часовне Путиловского завода был отслужен молебен о здравии царя. Шествие имело все черты крестного хода. В первых рядах несли иконы, хоругви и царские портреты.

Но с самого начала, еще задолго до первых выстрелов, в другом конце города, на Васильевском острове, и в некоторых других местах группы рабочих во главе с «огнедышащими» сооружают баррикады из телеграфных столбов и проволоки, водружают красные флаги.

Поначалу рабочие на баррикады не обращали внимания, они их даже возмущали. Из рабочих колонн, двигающихся к центру, раздаются восклицания: «Это уже не наши, нам это ни к чему, это студенты балуются».

Общее число участников шествия к Дворцовой площади оценивается примерно в 300 тысяч человек. Отдельные колонны насчитывали несколько десятков тысяч человек. Эта огромная масса фатально двигалась к центру и чем ближе приближалась к нему, тем все больше подвергалась агитации «огнедышащих». Еще не было выстрелов, а какие-то люди распускают самые невероятные слухи о массовых расстрелах. Попытки властей ввести шествие в рамки порядка сталкиваются с отпором специально организованных групп.

Начальник департамента полиции Лопухин, который, кстати говоря, симпатизировал социалистам (позднее, в 1908 году, он совершил должностное преступление — выдал им своего лучшего провокатора Азефа), пишет об этих событиях: «Наэлектризованные агитацией, толпы рабочих, не поддаваясь воздействию обычных общеполицейских мер и даже атакам кавалерии, упорно стремились к Зимнему дворцу, а затем, раздраженные сопротивлением, стали нападать на воинские части. Такое положение вещей привело к необходимости принятия чрезвычайных мер для водворения порядка, и воинским частям пришлось действовать против огромных скопищ рабочих огнестрельным оружием...»

Шествие от Нарвской заставы возглавлялось самим Гапоном. Колонна подошла к Обводному каналу, где путь ей преградили ряды солдат. Офицеры предлагают все сильнее напирающей толпе остановиться, но она не подчиняется. Первые залпы даются холостыми. Толпа готова уже вернуться, но Гапон и его помощники идут вперед и увлекают за собой толпу. Раздаются боевые выстрелы. Примерно так же развиваются события и в других местах — на Выборгской стороне, на Васильевском острове, на Шлиссельбургском тракте. Появляются красные знамена, лозунги «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!». Толпа, возбужденная подготовленными боеви-

ками, ищет оружейные магазины, возводит баррикады. На Васильевском острове толпа, возглавляемая большевиком Л. Д. Давыдовым, захватывает оружейную мастерскую Шаффа. «В Кирпичном переулке,— докладывает царю Лопухин,— толпа напала на двух городовых, один из них был избит. На Морской улице нанесены побои генерал-майору Эльриху, на Гороховой улице нанесены побои одному капитану и был задержан фельдъегерь, причем его мотор был изломан. Проезжавшего на извозчике юнкера Николаевского кавалерийского училища толпа стащила с саней, переломила шашку, которой он защищался, и нанесла ему побои и раны...

Всего 9 января оказалось 96 человек убитых (в том числе околоточный надзиратель) и до 333 человек раненых, из коих умерли до 27 января еще 34 человека (в том числе один помощник пристава)». Итак, всего было убито 130 человек и около 300 ранено*.

Так закончилась заранее спланированная акция «огнедышащих». Уже в тот же день распускаются самые невероятные слухи о тысячах расстрелянных и о том, что расстрел специально организован садистом-царем, пожелавшим крови рабочих. И в этих благоприятных для «огнедышащих» условиях по плану парижского революционного съезда на иностранные деньги сколачиваются банды вооруженных боевиков. Начинается организованный террор против русского государственного аппарата — первая антирусская революция, число жертв которой (с обеих сторон) составило не менее 10 тысяч человек. Финансовая помощь «огнедышащим» со стороны японской разведки принесла Японии выгодный для нее мир и, по сути дела, победу в войне, а России — потерю целого ряда восточных территорий.

Какова же была дальнейшая судьба организаторов и идеологов 9 января?

Г. Гапон сразу же после событий бежал за границу, где с помощью одного английского журналиста состряпал воспоминания, в которых частично приоткрыл свои связи,

* Впоследствии враждебная русскому правительству печать преувеличивала число жертв в десятки раз, не утруждая себя документальными подтверждениями. Большевик В. Невский, уже в советское время изучавший вопрос по документам, писал, что число погибших не превышало 150—200 человек (Красная летопись. Пг. 1922. Т. 1. С. 55—57). Но если бы трехсоттысячная толпа прорвалась в центр, число жертв, конечно, было бы во много раз больше, как на Ходынке.

чем вызвал беспокойство сил, стоявших за его спиной. Получал деньги от японского правительства, но не напрямую, естественно, а через некоего Сокова, японского агента, выдававшего себя за богача (см.: Ардаматский В. Указ. соч. С. 207). После амнистии вернулся в Россию, поддерживал связи с полицией, хвалился, что обладает важнейшими документами, от опубликования которых может не поздоровиться многим. В марте 1906 года был убит группой боевиков при личном участии Рутенберга якобы по приказу эсеровского ЦК (в который тогда входил провокатор Азеф) за связь с полицией. Но ЦК эсеров после убийства отказалось подтвердить это решение, получалось так, что Рутенберг выполнил это убийство из каких-то своих соображений. Что же касается связи Гапона с полицией, то она Рутенбергу была хорошо известна еще в 1904 году, а следовательно, эта связь была только поводом для совершения более важного шага — ликвидации опасного свидетеля. После убийства Гапона его документы были затребованы в Берлин адвокатом Гапона Марголиным, а после смерти адвоката бесследно исчезли.

Сам Пинхус Моисеевич Рутенберг еще два года участвовал в первой антирусской революции, после поражения которой уехал в Италию, где сразу же занял видное место в сионистских организациях, дружил с Горьким. «В 1917 вернулся в Россию. Участвовал в создании сионистских организаций. В октябре 1917 был помощником «диктатора» Петрограда Н. М. Кишкина» (при благоприятных обстоятельствах мог сыграть при нем ту же роль, что и при Гапоне.— *О. П.*) (Сов. историческая энциклопедия. Т. 12. С. 418). В 1919 году уехал в Эрец-Исраэль, где получил концессию на строительство электростанции (первой в Палестине). В 1929 году и в 1940 году был председателем «Национального комитета» («Ваад Леуми») — фактически сионистского правительства еврейских поселений в Палестине. «Оказывал большое влияние на жизнь страны» (Агурский М. и др. Горький и еврейский вопрос. Палестина, 1986. С. 500). Умер в 1942 году в Палестине.

Еще один провокатор, соратник Рутенберга по эсеровской партии, Евно Фишель Азеф был публично разоблачен как агент полиции, бежал в Южную Америку. Умер в 1918 году в Берлине при непонятных обстоятельствах.

В сионистской колонии в Палестине завершила свой

жизненный путь и М. Вильбушевич, соратница Зубатова и Гапона. Зубатов кончил жизнь самоубийством в марте 1917 года.

Завершим наш очерк словами Николая Второго, в которых он, обращаясь к рабочим 19 января 1905 года, дает оценку случившимся событиям:

«Прискорбные события, с печальными, но неизбежными последствиями смуты, произошли оттого, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей страны.

Приглашая вас идти подавать Мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против Меня и Моего правительства, насильно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно русские люди должны дружно и не покладая рук работать на одоление нашего упорного внешнего врага».

РЕВОЛЮЦИЯ В ЧЕРНЫХ ПЕРЧАТКАХ

В начале XX века в среде российских социал-демократов идет непрекращающийся спор о методах и средствах борьбы за социалистические идеалы. Часть социал-демократов считали, что общество всеобщей справедливости и счастья можно построить только чистыми руками, благородными средствами. Но эти люди оказались в меньшинстве. Победило мнение, что **«по отношению к врагу (а врагами были все несогласные с социал-демократами русские люди.—** *О. П.*) **все средства хороши и его мнение о нас было для нас безразличным»**[12]. Членов Екатеринбургской организации РСДРП, возражавших против кровавых методов ведения революционной борьбы, Я. Свердлов осенью 1905 года учил, что **«революцию в белых перчатках не делают», революции не может быть «без крови, без выстрелов», кто думает иначе, тому с нами не по пути»**[13]. Конечно, такие представления могли возникнуть только у людей, духовно чуждых народу древней страны, для которых кровь людская просто водица. Общество в понятии революционеров разделялось на «наших» и «не наших». К последним относились все, кто отказывался принимать как истину в последней инстанции лозунги и призывы революционеров. В социал-демократической среде считалось, что каждый вступивший на путь революции получал своего рода индульгенцию как человек, «творивший великое дело на общее

Большевики формировали революционный актив из среды уголовников и убийц, организуя их мафиозными методами. На фотографии Я. Свердлов на тюремных нарах вместе с уголовниками, из которых он подбирал боевиков.

благо». Естественные человеческие чувства — милосердие, сострадание, жалость, доброта,— по мнению таких революционеров, удел обывателей, по отношению к врагам проявление этих чувств — преступная слабость. Такая идеология способствовала притоку в революционную среду людей с жестокими или даже садистскими наклонностями. Убить человека просто так — позорно и опасно, убить по политическим мотивам — почетно и даже выгодно. Процитированный нами в начале очерка П. З. Ермаков по заданию партии еще в 1907 году убил полицейского агента, но не просто убил, а отрезал ему голову. Революционер Илюша Глухарь, также специализировавшийся на истреблении полицейских агентов, убивал их обязательно одним методом — пулей в лоб между глаз. Другой революционер И. Смирнов, которого выдала жена, после революции собственноручно расстрелял ее[14].

Уральский социал-демократ Николай Алексеевич Чердынцев просидел несколько лет в екатеринбургской тюрьме. В своем дневнике[15] описывает «революционную атмосферу» и, в частности, встречи со Свердловым в 1908—1909 годах. Одна из неприятных сторон тюремной жизни — крысы. Социал-демократы в камере для борьбы

с ними создали дружину, которую возглавлял Яков Михайлович Свердлов. Конечно, рассуждает Чердынцев, с крысами надо бороться, но зачем с «бессмысленной жестокостью мучить крыс и наслаждаться этим». Дружинники хватали крыс, кидали их в парашу, чтобы они там утонули, сапогами отталкивали крыс от краев, не давая им вылезти, и при этом от души смеялись. Другим развлечением дружинников было повешение крыс.

В тюрьме процветала откровенная групповщина. Верховодами были Свердлов и Теодорович, которые поддерживали только своих, пусть они даже совершали любую подлость. Чердынцев отмечает, что поведение этих людей определялось не социалистическими идеалами, а жаждой власти, жаждой доминировать в революционном движении. «На воле... (эти)... товарищи держат себя так же, как сейчас в тюрьме... Теодорович хулиган форменный, хотя и был членом ЦК РСДРП. По такому типу можно определенно судить, могла ли существовать эта партия в качестве политической силы. «Раз не по-моему, плюю на все и вся. А хорошо ли я делаю, это тоже никого не касается» — вот правило, которым он руководствуется».

Свердлов не гнушается вступать в дружеские отношения с отпетыми уголовниками. Шепчется с ними. О чем-то договаривается. Чердынцева коробят товарищеские контакты Свердлова с одним уголовником-евреем, который не стеснялся рассказывать, как он надувал русских крестьян.

В тюрьме Свердлов ведет себя как власть имущий, через него другие заключенные могут получать деньги и передачи. Люди Свердлова на воле держат с ним постоянную связь. По отношению к товарищам Свердлов держит себя диктаторски. «Вся эта манера,— заключает Чердынцев свои рассуждения о Свердлове и Теодоровиче,— изображать из себя что-то важное, имеющее силу и волю везде, могущее карать и миловать, **я считаю за признак низости ума и сердца** (выделено мною.— *О. П.*) и потому так третирую всех этих людишек»*.

---

* Тем не менее в 1917 году Теодорович станет наркомом по продовольствию в первом Советском правительстве, о Свердлове мы уже не говорим.

МАФИЯ

Работая в уральских архивах и фондах музеев, я просмотрел десятки дел лиц, так или иначе причастных к убийству царской семьи, и вскоре нащупал важную закономерность. Все организаторы и ключевые исполнители убийств были **боевиками боевой организации** РСДРП, возникшей на Урале в конце 1905 — начале 1906 года под руководством Я. М. Свердлова. Я стал просматривать материалы, относящиеся к этой организации, и убедился, что это была всеохватывающая тайная организация.

Да, у Свердлова были все основания изображать из себя персону, имеющую силу и волю везде, могущего карать и миловать, ибо он, говоря современным языком, руководил тайной организацией мафиозного типа, уральским кустом боевой организации РСДРП.

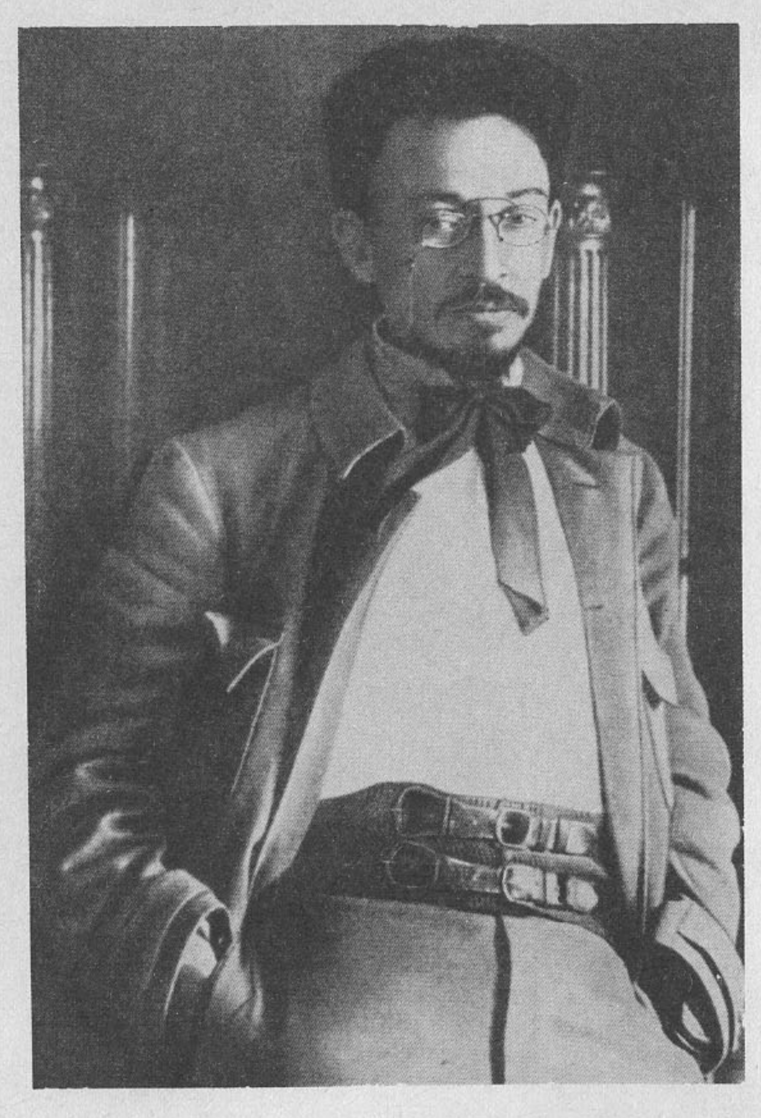
Формально уральский куст подчинялся боевому центру при ЦК партии, который возглавляли Моисей Лурье (кличка «Михаил Иванович»), Шкляев («Лазарь»), Эразм Самуилович Кадомцев («Петр-Павел»), Урисон («Виктор»), а позднее Миней Израилевич Губельман («Емельян Ярославский»). Но в своей «епархии» Свердлов был царь и бог.

Как в классической мафии, были созданы несколько уровней посвящения в тайну организации. Полной информацией обладал только тот, кто находился на верху пирамиды, он согласовывал свои действия с боевым центром. На уровень ниже сидело тайное оперативное руководство и инструкторы боевой организации, на следующем, тоже тайном, уровне — исполнители различных грязных дел, они получали задания с предыдущего уровня и следовали точным инструкциям; в самом низу — «массовка», рядовые члены, которые привлекались к работе, но ничего не знали о характере деятельности высших уровней посвящения.

На практике это было организовано так. При каждом уральском комитете РСДРП создавались три дружины. Одна — известная всем, куда входили рабочие, и две тайных. Они так и разбивались на первую, вторую и третью*.

---

* Описание мафии дается по воспоминаниям боевиков Кадомцевых Э. С. и О. М., Накорякова Н. Н., Ефремова М. И. на вечере, состоявшемся в ноябре 1924 года. Сохранились в Пермском государственном архиве[16].

Я. М. Свердлов

Собственно «боевая» работа велась второй дружиной, в состав которой входили так называемые «десятки» (отряды), укомплектованные молодыми людьми, не нашедшими себе другого дела в жизни и ставшими боевиками.

Каждая «десятка» имела свое специальное назначение: отряд разведчиков, отряд саперов (закладывать мины), отряд бомбистов (кидать бомбы), отряд стрелков; при второй дружине состоял отряд мальчиков-разведчиков (кстати, будущий председатель Уралсовета, небезызвестный Белобородов, начинал в этом отряде) и распространителей партийной литературы, а также мастерские бомб и другие подобные предприятия. Боевики второй дружины работали в подпольных типографиях, подделывали печати. Во главе каждого отряда («десятки») стоял десятский. Отряды в свою очередь разбивались на «пятки».

Что же делали боевики? Во-первых, совершали политические убийства полицейских, представителей власти, «черносотенцев», то есть всех не угодных партии лиц. Кинуть бомбу в квартиру, где за семейным столом сидел неугодный человек, было в порядке вещей. Некоторые боевики специализировались на убийствах полицейских и их агентов. Полицейских убивали на постах, устраивали засады в их квартирах. Делали фиктивные доносы и убивали пришедших на обыск. Во время таких террористических актов гибло немало случайных людей, родственников и близких.

Особой стороной деятельности боевиков были грабежи или, как их называли, «эксы», экспроприации. Грабили кассы, конторы, нападали на транспорт с деньгами. Бомб и патронов не жалели, случайные люди гибли десятками. Легендарный боевик и наставник молодых Иван Кадомцев любил повторять: «Не надо быть храбрым,— храбрым нужно быть тому, кто трус»; «Всякое предприятие надо выполнять с тем спокойствием, с каким хлебаешь ложкою обед за столом»; «Самое трудное дело замести следы, а совершение акта пустяки»[17]. Боевики тщательно готовились к каждому убийству и грабежу — собирали сведения, чертили планы, готовили ключи, оружие, основательно продумывали все организационные детали.

Занимались боевики и рэкетом, то есть обкладывали богачей данью под угрозой смерти. Кроме того, осуществляли охрану партийных мероприятий и партийных лидеров.

Каждый боевик должен был руководить хотя бы одним грабежом («эксом»), уметь управлять лошадью, паровозом, а позднее и автомашиной, владеть огнестрельным и холодным оружием, знать анатомию человека, чтобы без шума при помощи холодного оружия убить врага, обладать ловкостью и проворством, а также уметь гримироваться. Боевиков постоянно тренировали, учили владеть оружием. От каждого требовали регулярных упражнений в стрельбе из револьвера во всех возможных положениях тела, упражнений в фехтовании и др.

Над молодыми боевиками устраивали проверочные испытания. Так, например, переодетые в полицейскую форму сотоварищи хватали своего «воспитуемого» и производили допрос с применением физических методов. Если испытуемый не выдерживал, его удаляли.

Многие боевики были физически очень сильны и метки в стрельбе. Например, Шура Калинин выжимал руками до 7 пудов, Михаил Кадомцев из браунинга поражал цель на 75 шагов.

Вот только несколько эпизодов из жизни одного из известных уральских боевиков — Константина Алексеевича Мячина (он же Яковлев, он же Стоянович): в 1905 году кидал бомбы в казаков; в 1906 году — подготавливал к взрыву казармы, метнул бомбу в квартиру руководителя «черносотенцев»; в 1907 году бросил бомбу в помещение полиции, участвовал в захвате оружия, динамита, ограблении почтового поезда с деньгами (взято 25 тыс. рублей), ограблении самарских артельщиков (взято 200 тыс. рублей); в 1908 году участвовал в нападении на Уфимское казначейство, первом миасском ограблении (взято 40 тыс. рублей), убил палача Уварова, участвовал во втором миасском ограблении (взято 95 тыс. рублей). **«Убито и ранено со стороны противника,— самодовольно отмечает Мячин,— только при втором миасском ограблении — 18 человек»**[18]. Свою жизнь боевик Мячин закономерно закончил как руководитель группы лагерей сталинского ГУЛАГа.

А вот пример деятельности Екатеринбургской организации. В августе 1907 года четверо екатеринбургских боевиков, среди которых был П. З. Ермаков, совершают вооруженное ограбление транспорта с деньгами, которые везли кассир и шесть стражников. Грабители были в черных масках. Рассказывает сам Ермаков: **«Разделились на две группы. Прождали целую ночь, деньги повезли только утром... Начали беспорядочную пальбу по сопровождающим — ранили четырех**

человек, убили двух лошадей... денег взяли 12,4 тыс. рублей, спрятали их и на четвертый день передали в областной комитет партии»[19].

Вторые большевистские дружины работают в прямой связи с «лесными братьями», возглавляемыми Лбовым. Эти беспартийные грабители также занимались политическими убийствами и грабежами, творили самосуд, а получаемые деньги частично тратили на себя, а частично посылали в комитеты разных партий, в том числе большевикам. Кстати, из числа «лесных братьев» вышли несколько участников убийства царской семьи. Одной из связных между большевистскими боевиками и лбовскими «лесными братьями» была жена руководителя боевиков во всероссийском масштабе Минея Губельмана — К. И. Кирсанова. Прямую связь со Лбовым поддерживал Свердлов. Боевики РСДРП и «лесные братья» проводят ряд совместных операций.

Дороги «лесных братьев» обагрены кровью. Чтобы понять их методы, приведем несколько примеров.

Летом 1907 года 12 вооруженных «лесных братьев» напали на пассажирский пароход «Анна Степановна Любимова», принудили поставить пароход на якорь, выстрелами убили матроса, полицейского, военнослужащего, смертельно ранили пассажира, тяжело ранили капитана парохода и легко двух пассажиров. Похитили — 30 тысяч с небольшим рублей и два револьвера[20].

В этом же году «лесные братья» убили на глазах у рабочих директора Надеждинского завода Прахова и главного инженера за то, что в результате проведенной ими реконструкции завода часть рабочих пришлось сократить. «Лесные братья» занимались рэкетом богачей, а тех, кто отказывался платить, убивали. Так, был убит подрядчик Русских. И не удивлюсь, если когда-нибудь будут открыты документы, которые покажут, что «лесные братья» были строго законспирированным отделением вторых большевистских дружин.

Уместно напомнить персональный состав некоторых боевых дружин. В 1905—1907 годах екатеринбургскую дружину, состоявшую примерно из 50 человек, возглавлял Ф. Ф. Сыромолотов (один из главных организаторов екатеринбургского злодеяния). В нее входили, в частности, П. З. Ермаков, Я. Х. Юровский (исполнители убийства). Тесно с ней были связаны Сосновский Л. С. и Чуцкаев С. Е. (будущие руководители Урал- и горсовета). Боевую дружину в Перми и в Мотовилихе возглавлял А. Л. Бор-

чанинов (будущий руководитель Пермской губчека). В нее входили и будущие непосредственные участники убийства великого князя Михаила Марков и Мясников. В шайке «лесных братьев» числились два других убийцы Михаила Романова — Иванченко и Жужгов. Белобородов А. Г. был связан с боевиками на Надеждинском заводе, а позднее работал с Иванченко на Лысьвенском заводе. В алапаевской боевой дружине состояли, в частности, организаторы и непосредственные участники убийства великих князей Е. А. Соловьев и В. Д. Перовский. У Свердлова со многими боевиками были тесные контакты. Так, приезжая в Екатеринбург, он останавливался у Юровского, в Пермь и Мотовилиху — у Иванченко, в Алапаевск и В. Синячиху — у Соловьева и Перовского.

Над вторыми дружинами боевиков РСДРП стояли первые дружины, состоявшие из выборной и кооптированной частей (куда руководитель-диктатор мог ввести кого угодно по своему усмотрению). Выборных входило по одному члену из каждого отряда второй дружины плюс командующий всей боевой организацией тысяцкий, избиравшийся представителями 1-й и 2-й дружин совместно. В выборную часть 1-й дружины также входил постоянный представитель партийного комитета. Кооптированная часть первой дружины состояла из разных военных специалистов — инструктора, заведующего мастерскими по изготовлению бомб, заведующего оружием, казначея, секретаря. Выборная часть первой дружины образовывала совет боевой организации, кооптированная — ее штаб. Штаб разрабатывал устав, инструкции, стратегию и тактику «боевых» действий, руководил обучением и вооружением.

За вторыми шли третьи дружины, в состав которых входили «партийцы-массовики», члены парткомитета («комитетчики»), а также примыкающие к партии рабочие. Третьи дружины были школой военного обучения, которым занимались боевики вторых дружин, каждый из которых был обязан подготовить «пяток» из третьей дружины.

Как отмечалось самими боевиками, **«такой структурой достигалась конспиративность и гибкость массовой военной организации, тысяцкий знал только десятских, десятские — только своих пяточников. Благодаря этому, в течение 4 лет уральские боевые организации не знали ни одного случая провала»**[21].

Подготовка и прием боевиков в первую и вторую

дружины был обставлен чрезвычайно строго. За новичка ручались два старых члена организации. Поручители отвечали за своего «крестника» головой. В случае каких-либо серьезных отступлений от устава приговор совета приводился в исполнение над «крестником» его поручителями. И вы догадываетесь, конечно, что таким приговором была только смерть. Боевик даже со своими **мог говорить только то, что нужно, а не то, что можно.** В уставе постоянно напоминалось, что **«боевик имеет оружие не для того, чтобы скрывать его, бросать при опасности, а для того, чтобы убивать врага»** (выделено мною.— *О. П.,* а враг был, как правило, безоружный соотечественник, мыслящий иначе, чем боевик).

В случае крайней опасности устав рекомендовал живым не сдаваться. Конспирация охватывала все стороны жизни боевика. С недоверием смотрели даже на того, кто проходил обучение в третьей дружине. «На случай, если кто-то из руководителей будет убит или попадет в тюрьму, имели двух заместителей сотского, десятского, пяточника»[22].

Боевики были хорошо вооружены, оружие получали из Финляндии и Бельгии. Так, П. З. Ермаков в 1907 году один имел маузер, 4 браунинга, военный наган с шестью сменными барабанами. А поскольку у боевиков были свои мастерские по изготовлению бомб, взрывчатые вещества всегда были в запасе.

Хорошо были вооружены и «лесные братья». Один из будущих организаторов и исполнителей убийства великого князя Михаила Романова В. А. Иванченко заведовал в этой шайке оружием. «Оружие,— писал он,— получали из-за границы — бельгийские браунинги, маузеры и в последний день (перед арестом.— *О. П.*) я получил 75 партизанских винтовок без ложа...»[23].

Куда же расходовали средства, добытые грабежом и убийством людей. «Деньги,— рассказывают бывшие боевики,— передавались парторганам, для издания газет, содержания боевых школ, для отсылки в центральные учреждения партии. В течение 1906—1907 годов было отослано в областной комитет около 40 тысяч рублей, в ЦК партии (передано через А. И. Саммера) около 60 тысяч рублей».

На эти деньги областной комитет на Урале издавал три газеты: «Солдат», «Пролетарий» и газету на татарском языке. Деньги поступали также на поездку делегатов

на лондонский съезд, на содержание школы боевых инструкторов в Киеве, школы бомбистов во Львове, а также на держание границ (Финляндия и Западная Россия) для провоза литературы и провода боевиков, членов партии за границу[24].

Политика большевистского лицемерия проявлялась на примере грабежей («эксов») очень наглядно. Официально, на словах, большевики осуждали эти грабежи, а на самом деле поддерживали их и всячески поощряли.

Очень интересно свидетельство Керенского, который был адвокатом на процессе по делу об экспроприации Миасского казначейства. «Официально Ленин и большевистская печать,— пишет Керенский,— заклеймили экспроприации как «мелкобуржуазную практику» левых социалистов-революционеров и максималистов. «Как же так,— спросил я Алексеева (главаря миасского грабежа.— *О. П.*),— выходит, вы проводите экспроприации, хотя это противоречит взглядам вашей партии?» — «Очень просто,— ответил он.— По этому вопросу у нас в партии имеется специальная договоренность. Перед тем как проводить экспроприацию — примерно за две недели,— мы выходим из партии, заявляя о своем несогласии с ее политикой. Это дает нам полную свободу для проведения акции... Через две недели мы подаем заявление о восстановлении в рядах партии, «осуждая» свои ошибки, и нас немедленно восстанавливают»[25]. Естественно, деньги, запачканные кровью, передавались в партийную кассу на содержание все того же административного и репрессивного аппарата.

Но деньги не были главным результатом тайных операций боевиков РСДРП и «лесных братьев». Главное было в том, что в процессе их проведения выковывались кадры людей, готовых выполнить любые приказы, способных убить человека так же спокойно, «как съесть тарелку щей». **Сплоченные твердой дисциплиной, связанные кровью жертв, через которые они переступили, подчиненные одной воле, строго законспирированные, умевшие делать свою работу молча, боевики представляли собой силу с огромным потенциалом зла и разрушения.** Нужны были условия для реализации этого потенциала. Они наступили в феврале 1917 года. Но и в условиях массовых арестов и провалов боевые организации продолжали существовать, только уходили в глубокое подполье. Сам Свердлов неоднократно сидел в тюрьмах и ссылках, откуда бежал при помощи своих боевиков. Все факты говорят о том, что организация даже расширялась. В нарымской ссылке Свердлов близко сошелся с Шаей Исааковичем Голощекиным, который стал его личным другом, а позднее представителем на Урале — ключевой фигурой, через которую шла вся организационная работа по убийству царской семьи. Приезжая в Москву, Голощекин останавливался у Свердлова.

БОЕВИКИ БЕРУТ ВЛАСТЬ НА УРАЛЕ

В апреле 1917 года Свердлов приехал в Екатеринбург как представитель ЦК РСДРП и остановился на квартире у Юровского. Как отмечает сам Юровский, с этого момента началась настоящая большевистская работа. Пробыл Свердлов на Урале две недели, но за это время произвел полную перетряску большевистских организаций. Старая гвардия боевиков из подполья выдвигается на важные партийные должности. Членами Уральского областного комитета РСДРП избираются Свердлов, Белобородов, Крестинский и Сосновский. Позднее включаются Голощекин и Сыромолотов. На ключевые позиции расставляются Чуцкаев, Ермаков, Быков, Вайнер, Жилинский, Парамонов, Павлов, Юровский, Герцман.

С самого начала большевики формируют вооруженные отряды революционеров, устанавливая неплохие по тем временам продовольственные пайки. Идет постоянная демонстрация силы. Так, 20 сентября 1917 года большевистская газета «Уральский рабочий» рассказывает о том, как Невьянская организация РСДРП произвела смотр своих сил: по главной площади маршевым шагом со знаменами и музыкой шли отряды революционеров. Так устанавливался новый порядок.

К концу 1917 — началу 1918 года на Урале сколачивается мощная организация РСДРП(б) численностью до 35 тысяч человек (в том числе в Екатеринбурге 3 тыс., в Перми 2,4 тыс. человек), ядром которой стали члены боевых организаций 1905—1907 годов. По силе своего влияния РСДРП(б) могла соперничать только с эсеровской организацией, но эсеровская организация не имела твердого боевого костяка, не обладала такими запасами оружия, которые имели большевики.

Летом — осенью в Екатеринбург стягиваются и другие

Комиссар по охране Перми Иванченко и его команда

действующие лица будущей трагедии. В ноябре 1917 года председателем городской думы становится Пинхус Лазаревич Войков (Вайнер), секретарем Л. И. Вайнер, городским головой С. Е. Чуцкаев. 8 ноября Уральский областной Совет рабочих и солдатских депутатов объявляет о захвате власти. Председателем становится Белобородов, его ближайшие соратники — членами Совета: Голощекин (комиссаром юстиции, позднее военным комиссаром), Войков (комиссаром продовольствия), Сыромолотов (комиссаром финансов). Важное значение при новой власти играют Быков, Жилинский, Юровский. Шаг за шагом большевики берут под контроль все ключевые позиции в городе и в области. Оружие разрешается носить только большевикам и их сторонникам. Рабочие многих уральских заводов обкладываются данью в пользу совдепов. Например, в Таватуе в пользу Совета отчислялось 2 процента фонда зарплаты рабочих. Они удерживались в кассе завода и передавались казначею Совета. Деньги эти шли на агитацию и содержание аппарата Совета. Рабочие, которые отказывались платить «дань», шельмовались как контрреволюционеры[26].

Новый этап укрепления власти Уралсовета наступил после разгона Учредительного собрания. Результаты выборов в Учредительное собрание на Урале показали, что бóльшая часть населения проголосовала против большевиков — 61 процент, за большевиков проголосовало — 39*, за эсеров — 40, за кадетов — 9 процентов[27]. По этим результатам было ясно, что большевики не имеют законного права находиться у власти. Однако любые выступления и протесты подавляются с помощью оружия. Начинает активно функционировать Уральская ЧК. Ее первым председателем стал старый боевик Ефремов, позднее Иван Бобылев, а потом, уже в июле 1918 года,— Федор Лукоянов. Юровский назначается заместителем комиссара юстиции Голощекина, а зачастую выполняет его функции. Арестовываются и расстреливаются активисты и руководители других партий, работники старого государственного аппарата, священники, купцы, предприниматели.

Реквизируется оружие, транспортные средства. Под разными предлогами идет конфискация личного имущества, денег, домов состоятельных граждан. Осуществляется «добыча золота и драгоценностей» на нужды революции. Юровский в своих воспоминаниях рассказывает, как шло изъятие золота и драгоценностей в особняках богачей, в ювелирном магазине Берха, в особняке братьев Агуфоровых (изъяли до двух пудов золота, массу бриллиантов, жемчуга, серебра). Управляющих банков арестовали и мучили до тех пор, пока они не отдали ключи от хранилищ золота[28]. Шло массовое ограбление церквей. Немало богачей, священников и представителей интеллигенции тогда арестовывались и исчезали неизвестно куда. Занявшими Екатеринбург белыми было обнаружено много массовых захоронений расстрелянных граждан города. Кровь лилась рекой. Но многие тогда пропали бесследно. Старики рассказывали мне, что вокруг города много болот (глубиной до 6 метров) и шахт, и слишком «строптивые» граждане бесследно исчезли в них. Например, на болотах делалось так: настилали длинные слеги по болоту, проносили связанную жертву и кидали где глубже. Старого боевика Ермакова, возглавлявшего военный отряд, нередко направляли на подавление восстаний. Руководителей этих восстаний, как повествует в своих воспоминаниях сам Ермаков, он расстреливал лично[29].

В глазах представителей новой власти человеческая жизнь была обесценена до нуля. Вот хотя бы такой факт, рассказанный Юровским*. **«В связи с нашим требованием о проведении в жизнь выборности командного состава собралось все бывшее в Екатеринбурге офицерство... больше 2000 человек... я был тогда зам. председателя военного отдела... договорились с Филиппом Голощекиным пойти послушать, что они говорят и думают делать... Побыв полчаса я вышел, меня тут ожидал Филипп, потолковали мы с ним, что нам делать и что предпринимать. И как будто не то полушутя, не то серьезно Филипп спросил — А может вызвать воинскую часть и пулеметы,— Я говорю, что можно, но потолковав решили, что этого делать не следует...»**[30]

С инакомыслящими разделывались так скоро, что «шлепнули» ненароком двоюродного брата Ленина Ардашева Виктора Александровича. Правда, Ардашев как-то публично заявил, что хоть Ленин ему и родственник, но мерзавец он большой и много горя принесет России. Ардашева убили «при попытке к бегству».

В июне Троцкий назначает командующим Северо-

* Это было больше, чем в среднем по России.

* Здесь и далее в воспоминаниях старых большевиков сохранены орфография и стилистика подлинника.

Урало-Сибирским фронтом Берзина, вверив ему неограниченные полномочия. Берзин делится своими неограниченными полномочиями с заведующим военной и политической контрразведкой товарищем Музыкантом. Составляются списки контрреволюционеров и агитаторов, куда попадает значительная часть населения Урала, голосовавшая против выбора большевиков в Учредительное собрание, отказавшаяся признавать законность их власти. Приказ № 1 грозит смертной казнью всем представителям этой части населения.

Такова была обстановка на Урале перед убийством царской семьи. По сравнению с другими частями России позиции большевиков здесь были самыми прочными, сказалась «квалификация» старых кадров боевиков. Свердлов лично следил за уральскими организациями и находился с ними в постоянном контакте. Его «наместник» Голощекин регулярно курсировал между Екатеринбургом и квартирой Свердлова в Москве. Все передвижки в руководстве уральскими организациями согласовывались со Свердловым. Связь между Екатеринбургом и Москвой осуществлялась ежедневно (по крайней мере через Пермь). Все поручения центральной власти уральскими большевиками исполнялись в точности. Поэтому версия о том, что решение о казни царской семьи могло быть принято Уральским Советом самостоятельно, не выдерживает никакой критики.

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО СВЕРХУ

Еще следователь Соколов на основании глубокого расследования всех обстоятельств этого дела пришел к выводу, что «убийство всех членов Дома Романовых является осуществлением одного и того же намерения, выразившегося в одном (едином плане)... За много лет до революции возник план действий, имеющий целью разрушение идеи монархии»[31]. Первым большевистским лидером, официально признававшим то, что убийство было осуществлено по решению Совнаркома и ЦК РСДРП(б) сверху, был Троцкий. Признание это сильно запоздало. Его дневник, где он об этом пишет, издан сравнительно недавно. Но исследователям давно уже стало ясно, кто руководил убийством.

Вопрос о судьбе Романовых неоднократно поднимался

на заседаниях Совнаркома и Президиума ВЦИК. Об этом свидетельствуют данные биохроники жизни Ленина за первую половину 1918 года. Правда, там только констатируется рассмотрение этого вопроса, но мало говорится о его решении. Это и понятно, содержание вопроса было очень деликатное. Ведь речь шла о последних представителях законной власти в России. Пока была жива царская семья, руководители большевиков чувствовали себя узурпаторами. Они-то были реалистами и понимали, что власть захвачена военной силой и их пребывание у руля далеко не отражает мнение всего народа. Это продемонстрировали выборы в Учредительное собрание.

Идея царя, царской власти еще не умерла тогда у большей части крестьянства, и не только крестьянства. Да и вопрос принятия царской власти великим князем Михаилом Александровичем Романовым был совсем не закрыт. Ибо после отречения Николая Второго за себя и за своего сына власть переходила в пользу великого князя Михаила. Он тоже отрекся от власти, но с одной существенной оговоркой, что оставляет окончательное решение вопроса на усмотрение Учредительного собрания. А раз Учредительное собрание вопреки закону было разогнано большевиками, то, значит, великий князь Михаил Александрович при поддержке определенных сил мог поставить вопрос о возвращении власти.

Как известно, Временное правительство, а потом большевики готовили суд над Николаем Вторым и его окружением. Большевистским обвинителем должен был выступать Лев Троцкий. Но, разобравшись в материале, поняли, что настоящий гласный суд над Николаем Вторым не принесет им политического капитала, а, наоборот, подорвет их позиции. «Компромат» на царский режим, который собирала комиссия Временного правительства (он был в 20-е годы опубликован), показывает слабость власти, борьбу амбиций и интересов в окружении царя, но никак не позволяет расценивать его как преступника. «Кровавый террор» против населения России, который большевистская пропаганда приписывала Николаю Второму, не шел ни в какое сравнение с массовыми убийствами работников старого государственного аппарата, представителей других партий, священников, богатых людей, которые организованно совершали большевики. Например, в начале 1918 года два будущих убийцы великого князя Михаила — Марков и Колпащиков — схватили 12 поли-

цейских Перми (квартальных, городовых), затолкали их на маленький пароходик, отвезли по реке Каме на острова и там убили[33]. И это только один эпизод, а их в Перми было много, а сколько было по России...

О чем говорили руководители большевиков на заседаниях Совнаркома и Президиума ВЦИК, решая судьбу Романовых, мы не знаем и, возможно, никогда не узнаем. Воспоминаний они не оставили, ибо либо рано умерли, либо уничтожили друг друга.

Но факт есть факт, что после разгона Учредительного собрания в январе 1918 года представителей царской фамилии перевозят на Урал под око Уралсовета. В феврале великого князя Михаила конвоируют в Пермь, в конце апреля в Екатеринбург из Тобольска также перевозят Николая Второго, его жену и детей, в мае в Алапаевск под охраной привозят великую княгиню Елизавету Федоровну (старшую сестру императрицы), великих князей Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей, Сергея Михайловича и князя Владимира Павловича Палея. Вместе с ними в заключение едут их домочадцы. После сбора всей царской фамилии на Урале верховный режиссер трагедии Свердлов дал сигнал к первому акту. Закономерно им стало убийство самого законного претендента на власть в стране Михаила Александровича Романова. Конкретные исполнители отдельных ролей знали только то, что им положено. Действовало старое правило уральских боевиков, которое любил повторять Свердлов: «Говорить должно не то, что можно, а то, что нужно...»[34]

УБИЙСТВО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА

Перед октябрьским переворотом губернский город Пермь был самым процветающим городом на реке Каме. В нем насчитывалось 877 торговых предприятий, жило множество купцов и богатых людей. Работали крупные заводы — судостроительный, механический, кожевенный, фосфорный. Существовала развитая транспортная связь по реке и железной дороге, водопровод и электрическое освещение. В городе выходили свои газеты и журналы, имелось множество ученых, просветительных, религиозных, благотворительных и спортивных обществ, библиотек и театр.

Великий князь Михаил Романов

Королевские номера

Михаила Александровича Романова доставили сюда под конвоем по железной дороге. Первое, что он мог увидеть в Перми, красивое здание железнодорожного вокзала. Отсюда его привезли на Сибирскую улицу в так называемые Королевские номера (на самом деле их правильное название Королёвские — по фамилии владельца, но за роскошь и удобства к ним пристало название Королевские). По рассказам старого швейцара, работавшего здесь в то время, Михаила Александровича поселили на втором этаже. В угловой комнате с окнами, выходящими во двор, была спальня, рядом ванная комната, напротив — столовая. Всюду были ковры, портьеры, рассказывает старый швейцар, горничные ходили в бархатных платьях, каждый служащий имел по нескольку костюмов, говорили полушепотом, на этажах стояла мертвая тишина. Внутренний дворик утопал в зелени. В глубине его был гараж, в котором стояла машина Михаила Александровича «роллс-ройс», на ней он въезжал через ворота-туннель, украшенные красивой решеткой.

В Свердловском партархиве сохранились дневники Михаила Александровича за период с 8 мая по 11 июня[35]. Из них явствует, что в Пермь он приехал не один, с ним была его жена графиня Брасова (в дневнике — Наташа), полковник Знамеровский, личный секретарь англичанин Джонсон, камердинер Челышев, был и личный повар Митревели.

В дневнике рассказывается о встречах с жителями города, о прогулках по набережной, посещениях театра, даются оценки спектаклей. Иногда Михаил Александрович ходил в гости к некоторым жителям (после его гибели все они были расстреляны в ЧК). Много места уделено сводкам погоды (когда скучно и не о чем писать, пишут о погоде).

Первые месяцы Михаила Александровича заставляют каждый день ходить отмечаться в милицию, а в мае в губчека.

В конце мая по неотложным делам в Москву, а затем в Гатчину уезжает жена великого князя*. «С отъездом Наташи,— пишет Михаил Александрович,— стало так грустно, так пусто и все как-то кажется по-другому и комнаты стали другими».

7 июня. *«В чрезвычайном комитете я слегка сцепился с одним «товарищем», который был очень груб со мной».* Последние записи в дневнике говорят о том, что великий князь был очень болен.

И наконец, последний день 11 июня, вторник. «Сегодня боли были послабее и менее продолжительные. Утром читал. Днем я на час прилег. К чаю пришел Знамеровский и мой крестник Нагорский (правовед), он кушал с большим аппетитом, еще бы, после петроградского голода. Потом я писал Наташе в Гатчину. Доктор Шипицын зашел около $8^1/_2$. Вечером я читал. Погода была временами солнечная, днем шел недолго дождь... Вечером тоже. Около 10 зашел мой крестник, правовед Нагорский, проститься. Он сегодя же уезжает в Петроград».

Это были последние слова, минут через двадцать-тридцать в Королевские номера пришли пятеро убийц —

* Это, конечно, спасло ей жизнь. В дальнейшем ей удалось бежать за границу.

Иванченко В. А., Марков А. В., Жужгов Н. В., Колпащиков И. Ф., Мясников Г. И.

Проводилась очередная чекистская операция, инсценировался побег великого князя Михаила. Организаторы убийства — лица, которые по своей должности призваны охранять порядок в городе: Иванченко — комиссар по охране Перми, начальник милиции; Малков, исполняющий обязанности председателя губчека, заместитель Маратова-Лукоянова; Дрокин — один из руководителей ЧК. И убийцы, и организаторы — все члены горкома РСДРП, члены партии с 1904—1907 годов.

Из воспоминаний старого большевика, члена партии с 1906 года Маркова А. В. **«...Тов. Дрокину было поручено занять место тов. Иванченко по охране Перми и ждать указания от нас заняв место у телефона, что им и было сделано. Тов. Малков остался в ЧК, тов. Мясников ушел пешком к «королевским номерам», а мы четверо: т. Иванченко с т. Жужговым на первой лошади, я (Марков) с Колпащиковым на второй, около 11 часов подъехали к вышеуказанным номерам в крытых фаэтонах к парадному. Жужгов и Колпащиков отправились в номера, мы же с Иванченко остались на улице в резерве, но сейчас же потребовали подкрепления, так как Михаил Романов отказался следовать, требовал «Малкова»... чтобы его вызвали по телефону. Тогда я, вооруженный наганом и ручной бомбой (коммунистом) вошел в помещение, стража у дверей растерялась, пропустили беспрепятственно, как первых двоих, так и меня. Я занял место в коридоре недопуская никого к телефону (оборвал провода) вошел в комнату, где жил Романов, он продолжал упорствовать ссылаясь на болезнь, требовал доктора и Малкова. Тогда я потребовал взять его в чем он есть. На него накинули что попало и взяли, тогда он поспешно стал собираться, спросил — нужно ли брать с собой какие-либо вещи. С собой вещи брать я отказал, сказал, что ваши вещи возьмут другие. Тогда он просил взять с собой хотя его личного секретаря Джонсона,— это ему было предоставлено, так как это было уже раньше согласовано между нами. После чего он наскоро накинул на себя плащ. Жужгов тотчас взял его за шиворот и потребовал, чтобы он выходил на улицу, что он исполнил. Джонсон добровольно вышел из комнаты на улицу, где нас ждали лошади. Михаила Романова посадили на первую лошадь. Жужгов сел за кучера, а Иванченко рядом с Михаилом Романовым. Я посадил с собой Джонсона, а Колпащиков за кучера и таким образом в закрытых фаэтонах (к тому же моросил дождик) мы тронулись по направлению к Мотовилихе по тракту.**

Когда по расчетам мы должны быть уже за чертой города тов. Дрокин звонил официальным тоном в милицию, что в «Королевские номера» явились неизвестные личности и увезли по неизвестному направлению Михаила Романова и просит срочно направить по Сибирскому тракту и Казанскому конную милицию. Это же было сообщено и в Губчека. Это же сообщил по телефону заведующий номерами в губчека и в милицию.

Пока все это происходило мы уже были далеко от з. Мотовилихи.

Сначала похищенные нами вели себя спокойно и когда приехали в Мотовилиху стали спрашивать куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, там в особом вагоне их отправим дальше, причем я, например, заявил, что буду отвечать только на прямые вопросы, от остальных отказался. Таким образом, проехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что в 6 км от Мотовилихи. По дороге никто не попадал; отъехавши еще с версту от керосинового склада,— круто повернули по дороге в лес направо. Отъехавши сажен 100—120 Жужгов кричит: «Приехали — вылезай». Я быстро выскочил и потребовал, чтобы и мой седок тоже самое сделал. И только он стал выходить из фаэтона — я выстрелил ему в висок он качаясь пал, Колпащиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал тоже самое, но только ранил Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне прося проститься с секретарем. В то время у тов. Жужгова застрял барабан нагана (не повернулся вследствие удлинения пули от первого выстрела, т. к. пули у него были самодельные). Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Мих. Романову, отчего он свалился тотчас же. Жужгов ругается, что его наган дал осечку. Колпащиков тоже ругается, что у него застрял патрон в браунинге, а первая лошадь на которой ехал Иванченко испугавшись первых выстрелов понесла дальше в лес... Иванченко побежал ее догонять и когда он вернулся все было кончено. Начинало светать. Это было 12 июня, но было почему-то очень холодно. Зарыть нам нельзя было, так светало быстро и недалеко от дороги. Мы только стащили их вместе в сторону от дороги, завалили прутьями и уехали в Мотовилиху... Зарывать ездили в другую ночь тов. Жужгов с одним надежным милиционером, кажется Новоселовым... Когда ехали обратно, то я ехал с тов. Иванченко вместе, разговаривали по этому случаю, были оба очень хладнокровны...

Кроме самого Мих. Романова и его секретаря, с ними проживали два из его свиты. Одного я видел в форме моряка — пожилой, другого в штатском — тоже не молодой... В дальнейшем я узнал от т. Малкова, что они были тоже расстреляны чекистами.

15.11.24 года А. Марков»[36].

Немного погодя мы увидим, что «заслугу» Маркова в убийстве Михаила Романова серьезно и с доказательствами оспаривает другой участник убийства.

Вместе с этими воспоминаниями, хранящимися в Перм-

Убийцы великого князя Михаила Александровича: Марков, Жужгов, Мясников, Иванченко, Колпащиков

ском партийном архиве, имеется справка, подписанная председателем Пермской губчека Малковым, о том, что тов. Марков «был негласным сотрудником Пермской губчека и выполнял отдельные поручения по борьбе с контрреволюцией»[37]. О характере этих поручений свидетельствуют примеры, приводимые Марковым в своих воспоминаниях.

«Вспоминаю несколько фактов, как мы вчетвером: Колпащиков, Зенков и Сицилицын Алек-др и я увезли на маленьком пароходике 12 чел., арестованных бывших полицейских, вверх по Каме и на 2-х островах расстреляли их там. Один крестьянин рассказал мне, что за рекой Гайвой в лесу в землянке скрываются белые офицеры, дожидая прихода колчаковцев. Мы с Колпащиковым утром рано пришли туда, сняли их посты, а в землянку я бросил 2 бомбы и всех находящихся там засыпало землей. Почти перед самым отступлением наших войск мы с Колпащиковым расстреляли быв. нач. з-да Темникова, его сына офицера (нашли у них пулемет) и еще инженера Иванова (зав. снарядного цеха № 3) как служившего в охранке. Все это мы делали по решению ЧК и мотовилихинского Ревкома»[38].

Стоит немного подробнее рассказать о Маркове. Родился он в 1882 году в Мотовилихе, до 20 лет жил с родителями. Окончил железнодорожное техническое училище, работал машинистом. Был призван на военную службу, но в начале русско-японской войны дезертировал. В 1905 году был боевиком в дружине А. Л. Борчанинова, куда также входил его соратник по «мокрым» делам Иван Зенков. В 1907 году женился на учительнице, родился ребенок. Но тут Маркова арестовали по доносу агента полиции, вернулся он домой в Мотовилиху только в 1910 году. В марте — апреле Марков и его ребята разыскали бывшего агента полиции Бажина, к тому времени он уже несколько лет был монахом, и убили его. **«У нас на заводе и в гражданских учреждениях,— пишет Марков,— везде были расставлены свои люди. Большинство коммунистов и сочувствующих им были вооружены. Для охраны революционного порядка у нас в Мотовилихе создана была милиция из рабочих, куда входили мы активисты по борьбе с контрреволюцией тт. Зенков, Сицилицын, Жужгов, Марков, Колпащиков и др.»**[39]. В 1918 году Марков — комиссар по национализации имущества буржуазии и управлению культурно-просветительными учреждениями. Идут обыски и грабежи особняков, немало перепадает и нечистому на руку Маркову. В связи с национализацией церковных ценностей, рассказывает Марков, ЧК принимает «крутые меры». Расстреливаются архиереи и священники, купцы, предприниматели, просто неугодные граждане, от которых порой добивались фантастических признаний. **«Летом 1918 года мы с Колпащиковым по поручению Губчека, ездили в г. Оханск, где объявилась некая раба божья Мария, когда мы ее привезли в Пермь, то потом оказалось, что она черногорская Марица — фаворитка бывшего царя Николая*. Пришлось расстрелять ее»**[40].

Звездный час Маркова — встреча с вождем революции, во время которой он рассказывает ему об убийстве великого князя Михаила. **«Будучи в командировке по работе в Москве в 1918 году, я по делу пришел к товарищу Свердлову Я. М., он меня привел к В. И. Ленину, который спрашивал меня о ликвидации Михаила Романова, я рассказал ему, что сделано было чисто, он сказал: «Ну вот и хорошо, правильно сделали»**[41].

Когда белые взяли Пермь, Марков и его жена с фальшивыми паспортами бежали в Иркутск, а затем во Владивосток. Животный страх возмездия за преступления преследовал его постоянно. Этот страх не покидал его до смерти. Передавая директору Пермского партархива Аликиной свои воспоминания в середине 1960-х годов, Марков взял с нее слово никому не рассказывать о них

* Конечно, на самом деле это была никакая не фаворитка (у последнего русского царя не было фавориток), а просто преданный идее царской власти человек.

до его смерти, «добавив при этом, что он всегда, всю жизнь опасался расправы со стороны монархистов»[42].

Марков возвращается в Мотовилиху в начале 20-х годов и как герой гражданской войны занимает разные руководящие должности местного масштаба. В начале 30-х годов он приезжает в Москву, работает домоуправом в Киевском районе и, судя по всему, сексотом в НКВД. В 1957 году награждается орденом Трудового Красного Знамени (за что, неясно). Персональный пенсионер союзного значения. Умер в 1965 году, похоронен на Новодевичьем кладбище. Кстати, после убийства секретаря Михаила Романова Марков взял себе его серебряные часы[43].

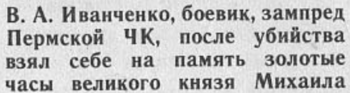
А вот лицо другого убийцы — Иванченко Василия Алексеевича. Своего сына, родившегося после совершения убийства, видимо, в память его он назвал Михаилом. В фондах Пермского краеведческого музея я видел фотографию, где снята вся его семья. Иванченко нежно обнимает своего сына.

Иванченко появился на свет в 1874 году в семье высланного по суду контрабандиста из города Кишелевки Бессарабской губернии. Закончил три класса школы, работал на Мотовилихинском заводе. С 1902 года становится членом РСДРП, в 1905 году является боевиком боевой организации. В 1906 году выполняет поручение Свердлова по созданию кружков. Одно время Свердлов жил на квартире у Иванченко. В 1907 году Иванченко вступает в шайку «лесных братьев», где выполняет роль «начальника по оружию» (не исключено, что по поручению Свердлова). За эту деятельность получает пять лет тюрьмы и два года ссылки.

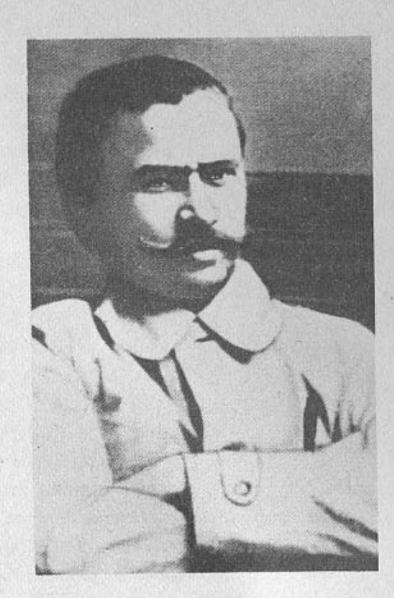
В 1916 году работает в Лысьве, где близко сходится с руководителем будущего Уралсовета Белобородовым. После 1917 года — комиссар по охране порядка Перми, начальник милиции (позднее, в начале 20-х годов, зам. пред. Пермской губчека)[44]. После убийства Михаила Романова Иванченко завладел его золотыми часами[45]. Похоронен в Мотовилихе на горе Вышка у памятника борцам революции (ум. 1938 г.). Есть в Мотовилихе и улица его имени.

Несколько слов о жизни третьего убийцы — Николая Васильевича Жужгова. Родился он в 1877 году в семье мотовилихинского рабочего. После четырех классов училища поступает на Мотовилихинский завод. Сам он пишет,

В. А. Иванченко, боевик, зампред Пермской ЧК, после убийства взял себе на память золотые часы великого князя Михаила

Ганька Мясников

что революционной деятельностью стал заниматься в 1902 году, а в 1905 году принял участие в вооруженном восстании в качестве боевика. Эти сведения оспариваются исследователями[46]. Достоверно известно его пребывание в шайке «лесных братьев». В 1906 году во время пьяной пирушки Жужгов затевает со своими «лесными братьями» драку с перестрелкой, в которой был ранен он сам и один из «лесных братьев». В больнице во время допроса из чувства мести или из-за страха Жужгов донес на стрелявшего в него, который в результате был схвачен и повешен. Позднее Жужгов сдается в руки полиции и становится ее осведомителем[47]. На суде выясняется, что в банде «лесных братьев» Жужгов выполнял роль рэкетира, то есть лично ходил к состоятельным гражданам с письмом от шайки с требованием дать деньги, угрожая физической расправой. Отбыв наказание в Амурской области, Жужгов после Февральской революции возвращается в Мотовилиху героем. Близкая связь с Мясниковым, с которым они «работали» вместе в 1905 году, способствовала его назначению на руководящие должности. **«В 1918 году,— пишет он**

сам в своей автобиографии,— занял место пом. начальника милиции мотовилихинского завода, начальником милиции тогда был эсер — доверия ему было мало и все важные дела поручались мне как-то: аресты провокаторов, контрреволюционеров, эсеров, а также расстрелы. Мною были лично арестованы и расстреляны Михаил Романов, Андроник и много других»[48]. Как мы видим, Жужгов выступает вторым (хотя и не последним) претендентом на «историческую заслугу» собственноручного убийства Михаила Романова. Аресты, обыски, конфискации, расстрелы — вот стихия Жужгова. По мнению некоторых исследователей, Жужговым убиты десятки человек. Жужгов к своей «работе» подходил ответственно и даже изобретательно[49]. Уместно привести его воспоминания, касающиеся убийства пермского архиепископа Андроника (его организаторами были Иванченко, Малков и Мясников):

«Поехали по Сибирскому тракту за 5 верст, свернули в лес на левую сторону, отъехали сажень сто, остановили лошадей. Я приказал дать Андронику лопату, отвязали ее от пролетки и дали ему в руки. Я приказал ему копать могилу. Андроник выкопал сколько полагается (четвертей 6)... Затем я сказал: «давай ложись». Могила оказалась коротка, он подрыл в ногах, лег второй раз, еще коротка — еще рыл — могила готова. Теперь дайте мне помолиться, я разрешил, он помолился на все стороны минут 10, я ему не мешал. Затем он сказал — я готов. Я сказал, что расстреливать не буду, а живым закопаю, пока ты не снимешь постановление (о забастовке.— *О. П.*), **но он сказал, что это не сделает и не будет того, чтобы я не шел против большевиков. Затем мы его забросали землей и я произвел несколько выстрелов»**[50].

Жужгов, судя по всему, был большой специалист по уничтожению священников. Охотно выезжал в разные командировки для совершения убийств. В списке убитых и замученных церковнослужителей и монашествующих Пермской губернии, опубликованном в № 1 за 1919 год «Пермских Епархиальных Ведомостей», немало и его жертв. Кроме Андроника, в списке епископ Феофан (викарий Соликамский), после истязания и многократного погружения утопленный в Каме, далее имена 10 протоиереев, 41 священника, 5 диаконов, 4 псаломщиков, 36 монашествующих Белогорского монастыря и Серафимовского скита. Против каждого имени метод его убийства — «утоплен», «исколот штыками», «избит прикладами», «задушен епитрахилью», «прострелен» и «заморожен», «изрублен саблями», а чаще всего «расстрелян», «расстрелян», причем нередко встречается: «сам рыл себе могилу», «утоплен после долгих мучений»[51].

После захвата Перми белыми Жужгов временно лишается работы и возобновляет ее в 1919 году уже с повышением в должности, как заместитель начальника губернской милиции. Тут он развернулся так ретиво, что даже среди своих готовых на все соратников был подвергнут острой критике «за неисполнение партпоручений, хулиганство», грубое обращение, использование служебного положения (воровал казенное имущество), пьянство. Было решено считать его из партии выбывшим[52]. Но из жизни он не выбыл. В Свердловском партархиве мне попалось в руки уважительное письмо, адресованное ему Истпартом ВКП(б) с просьбой прислать свои воспоминания о расстреле Михаила Романова, датированное 1928 годом. В конце 1928 года он пытается вступить в члены Общества старых большевиков, но тут-то и выясняется его роль как осведомителя полиции[53]. Дальнейшая его судьба нам не известна.

Откуда же поступил сигнал убить Михаила Александровича Романова? Мы полагаем, что он поступил от Свердлова, через Белобородова к Иванченко и, возможно, Мясникову. И Свердлов, и Белобородов знали этих людей в «боевом» деле и доверяли им. Непосредственным исполнителям Жужгову, Маркову и Колпащикову не было известно, откуда пришел сигнал. Это было представлено как инициатива Мясникова (о чем и написал в своих воспоминаниях Марков). Да, собственно, сам Мясников (известный в истории как руководитель «антипартийной рабочей группы») в своем письме Ленину проговаривается об этом деле. В 20-е годы он понял, что был орудием в руках политических честолюбцев, стремящихся удержаться у власти любыми средствами, прежде всего подавляя всякое инакомыслие: **«Если я хожу на воле, то потому, что я коммунист 15 лет... и ко всему этому меня знает рабочая масса, а если бы этого не было, а был бы я просто слесарь — коммунист того же завода, то где же бы я был? В ЧЕКА или больше того, меня бы «бежали», как некогда я «бежал» Михаила Романова, как «бежали» Люксембург, Либкнехта»** (выделено мною.— *О. П.*). Здесь Мясников раскрывает метод. ЧК было поручено «убрать» человека, и его убирали под видом «побега». Кстати, пришло время, и Мясникова все-таки убрали: в 20-е годы ему удалось бежать за границу, но после войны его выманили в СССР и расстреляли[54]. За границей Мясников никому не проговорился о своей роли в убийстве Михаила Романова. Не упоминает о

своей роли в убийстве великого князя и Иванченко. В своих записках и автобиографии он об этом не говорит ни слова. Как здесь еще раз не вспомнить правило боевиков: **«говорить следует, что нужно, а не то, что можно».**

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ

Совершив убийство, его исполнители начинают заметать следы.

Прежде всего фальсифицируется дата преступления. Ведь все говорило о том, что оно совершено в ночь на 12 июня (и последняя запись в дневнике сделана 11 июня, и воспоминания Маркова говорят о том, и письмо милиционера Новоселова — о нем речь впереди).

Официальная телеграмма, посланная 13 июня, разносит в несколько адресов большевистского синедриона радостную весть о смерти их врага. К этому сообщению они, видимо, были готовы. Скорей всего, она передавалась на условном языке и искажение даты преступления носило какой-то определенный смысл. Позднее мы увидим, что и в телеграмме, сообщающей об убийстве Николая Второго и его семьи, дата была тоже смещена, только не на день вперед, а на день назад[55].

«13 июня 1918 г.

Москва. Совнарком. Чрезком. Петроградская коммуна Зиновьеву. Копия Екатеринбург Облсовдеп. Чрезком. Сегодня ночью неизвестными [в] солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов, приняты самые энергичные меры. Пермский Округ Чрезком».

Несмотря на заявления об энергичных мерах, никаких реальных шагов к поиску великого князя Михаила не предпринималось. И вообще, как отмечали очевидцы, странной была вся обстановка вокруг этого дела. Удивляло, что не было сделано никаких обысков[56]. А это означало, что и в центре, и в Перми прекрасно знали, как реально обстоят дела. Представьте себе, какой шум поднялся бы, если великий князь действительно сбежал. Ведь Михаил Александрович был опасен прежде всего для центральной власти, и то, что она не всполошилась, свидетельствовало о том, что ей было прекрасно известно, что ее политический оппонент лежит, надежно закопанный в лесу между Мотовилихой и Левшином.

Пермские власти осуществляют целенаправленную операцию по дезинформации населения. В газете «Известия Пермского Окружного исполнительного комитета Совета рабочих и армейских депутатов» от 15 июня 1918 года публикуется сообщение, в котором датой «побега» называется ночь с 12 на 13 июня, а направление, куда убийцы увезли Михаила, намеренно указывается не к Мотовилихе, а к Обвинской. **«Похищение Михаила Романова: В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в Королёвские номера, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской. Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую коммуну и в Уральский областной Совет. Производятся энергичные розыски»**[57].

И опять, несмотря на заявление об энергичных розысках, на самом деле меры не принимаются. Зато вовсю распространяются разные нелепые слухи. Многие из них формируются большевиками целенаправленно, чтобы легализовать убийство великого князя Михаила. 18 сентября 1918 года один из организаторов этого убийства руководитель ЧК П. Малков публикует в «Известиях Пермского уездного Совдепа» откровенную ложь о поимке Михаила Романова и его секретаря Джонсона. Приводим ее полностью, потому что она прекрасно характеризует стиль работы цареубийц:

«*После побега бывшего великого князя Михаила Романова* контрразведкой Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссией были разосланы агенты по всем направлениям для задержания Михаила Романова. 12 сентября в [10] верстах от Чусовского завода, по [Па]шийскому тракту, одним из посланных агентов было обращено внимание на [двоих] проходящих по направлению к Пашийскому заводу лиц, которые держали себя довольно подозрительно. Один из них высокого роста, с русой бородой «буланже» особенно обратил на себя внимание. Агент потребовал от этих лиц предъявления документа. Последние показались ему сомнительными, а потому вышеуказанные лица были задержаны и препровождены в Пермскую Губернскую Чрезвычайную Комиссию для выяснения личности.

После ряда сбивчивых показаний при допросе, а также ненормальности лица (по наблюдению, лица у них были загримированы) им предложено было назвать свои фамилии и снять свой грим, что они сделать отказались. Ост[аваясь] уверенными, что спрашиваемые нами лица загримированы, мы силой заставили их снять грим. После снятия грима нами были опознаны в них бывший великий князь Михаил Романов и его секретарь Джонсон, каковые тотчас были заключены под сильную охрану.

По делу побега ведется в спешном порядке следствие, результаты допроса будут опубликованы. Председатель Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии П. Малков»[58].

О том, что дезинформация в этой газете согласовывалась с центром, свидетельствует параллельное сообщение РОСТА, переданное 20 сентября 1918 года по прямому проводу в Киев: **«Пермь 18 сентября. 12 [...] сентября 10 верстах от Чусовского завода агентом Пермского Губчрезкома задержаны Михаил Романов, его секретарь. Они препровождены в Пермь»**[59]. В 20-х числах сентября в Перми было расстреляно несколько человек, принадлежавших к прислуге великого князя Михаила и выданных за самого Михаила Александровича и его секретаря. Пермский чекист А. А. Шамарин в своей автобиографии, следуя этой чекистской легенде-дезинформации, пишет: **«...в доме б/в Торгового банка, угол Сибирской и Монастырской улиц, по постановлению Пермского Исполнительного Комитета и Губчека, Михаил Романов был расстрелян. Могучие волны реки-матушки Камы навсегда похоронили остатки царского трона России Романовых (в операции участвовали тт. Малкин, Барандохин М., Шамарин А., Воробцев)».** Как полагают некоторые исследователи, за великого князя Михаила тогда были выданы камердинер Челышев и шофер Борунов, а может быть, и другие лица[60]. В общем, игра велась по-крупному, согласно зловещему плану, разработанному в центре, а жизни невинных людей для игроков не представляли ценности.

КРАСНЫЙ ЛОГ

Наша машина двинулась в сторону Мотовилихи. Ее исторический центр мало изменился с 1918 года, правда, двухэтажные домики сильно обветшали (жить в них сейчас трудно), да и взорвали церковь. Завод на своем месте, напротив него бывший полицейский участок. Машина мчится по направлению к селу Левшину. По улице в основном одноэтажные, черные от старости рубленые деревянные домики. Наша цель — разыскать примерное место,

где было совершено убийство. Оказалось, что местным краеведам оно не известно. В записке Маркова указаны примерные ориентиры — верста после керосинового склада Нобеля, в лес от дороги направо. Несколько раз наша машина проезжает дорогу между Мотовилихой и Левшином. Рядом с шоссе тянется полотно железной дороги, ближе к Левшину дорога выходит на берег водохранилища, возле берега десятки лодок. Вдоль всей дороги никакого леса, а только искусственные посадки чахлых тополей. Наконец, останавливаемся в Левшине (позднее мы узнали, что это новое Левшино, а старое затоплено в начале 50-х годов) и начинаем расспрашивать стариков. Старожилов почти что нет, в основном приезжие. И только на Домостроительной улице знакомимся с настоящей старожилкой этих мест Анной Васильевной Кочевой (род. 1908). Расспрашиваем, как раньше шла дорога. «Примерно до завода Кислотный и даже немного дальше,— отвечает Анна Васильевна,— а потом на том месте, где шоссе проходит, под полотном железнодорожного пути, раньше оно шло ниже. Но это место сейчас затоплено в связи со строительством КамГРЭС.

— А где здесь был нефтяной склад Нобеля?

— На том месте, где Кислотный. А не так далеко от него был Красный лог. Страшное место. Там все людей убивали и расстреливали и в революцию, и в 20-е годы. Через это место ездили большими компаниями, по одному боялись. Так и стояли возле лога, поджидая, что кто-то еще поедет.

— А что там было, почему Красный лог?

— Там речушка текла, а через нее мост был, а бревна в красный цвет были покрашены, так и называли Красный мост, а место вокруг него Красный лог. Родители мне всегда говорили: не ходи туда, там опасно, плохие люди встречаются. В конце 20-х годов там убили моих дядю и тетку. Они с ярмарки возвращались ночью. На них напали, убили, все забрали, а тела сучьями закидали.

— А кто же занимался разбоем? Кого-нибудь поймали?

— Разное говорили. Рассказывали, что мотовилихинские — у них тут рядом покосы были, лихие люди. А место глухое, густой сосняк, только ближе к реке деревья были хилые и место болотистое.

— А насчет расстрелов великого князя Михаила разговоры среди крестьян были?

Современный вид места, где был убит Михаил Александрович

— Нет, не упомню. Вот в годы революции у нас тут в Левшино в железнодорожный тупик загнали вагон с царским имуществом, говорили, его из Екатеринбурга пригнали, стоял он некоторое время без охраны. Начали грабить. Потом начальство отогнало его в Пермь».

После рассказа Анны Васильевны стало ясно, почему боевики для убийства великого князя Михаила выбрали именно это место. Скорей всего, у них здесь была «наезженная тропка». Не первого человека привозили убивать. Окрестные крестьяне сюда ходить боялись, особенно ночью. Так что никто не мог помешать.

Возвращаемся в Мотовилиху. Засекаем расстояние по спидометру машины. От Мотовилихи до Кислотного 6—6,5 километра. Здесь, по словам Анны Васильевны, и стоял склад Нобеля, да и сегодня на этом месте склад нефтепродуктов и бензозаправка. Снова засекаем расстояние, тормозим машину через километр с небольшим. В 1918

году здесь был лес, сегодня проходят две дороги: шоссейная (дорога, которая шла в 1918 году, была узкая, конная) и железная на высокой насыпи. Вокруг шоссе растут тополя. Между шоссейной и железной дорогами в отдельных местах посажена картошка. Если расстояние Марковым было указано правильно и Анна Васильевна не ошиблась в расположении склада Нобеля, то место убийства находится ориентировочно под насыпью железной дороги. Хотя ручаться за это я бы не стал.

ИСПОВЕДЬ УБИЙЦЫ

Об убийстве Михаила Романова мы слышали немало устных, легендарных рассказов. Со слов одного старика, великий князь, запершись в ванной комнате, некоторое время отстреливался через окно, убив нескольких чекистов. Тогда они привезли пулемет и уложили его пулеметными очередями. По другой версии, великого князя Михаила вместе с секретарем схватили и живыми бросили в плавильные печи Мотовилихинского завода. Нет, сказали третьи, их убили в лесу, а тела сожгли на костре. А в печи кинули двух живых царских фрейлин. Нет, утверждал четвертый, фрейлин не сожгли, а расстреляли и похоронили на кладбище, а Михаила Александровича убили в лесу под Левшином.

Когда нам уже казалось, что ничего нового не узнаем, в Свердловском партархиве мы столкнулись с потрясающими документами, проливающими новый свет на эту трагедию.

Приводим их, как оговаривалось выше, с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.

«В Московскую центральную редакцию газеты «Правда» ВКП(б). Прошу поместить на страницах «Правды» под заглавием «Ищу правды».

Я член партии ВКП(б) с 1918 года и участник растрела великого князя Михаила Романова; в ночь с 11 го по 12 июня 1918 года Михаил Романов, после свержения с престола его брата проживал в г. Перми, бывш. номерах, т. е. королевских номерах.

По нелегальному постановлению Мотовилихинской организации ВКП(Б), т. е. участниками, Михаил Романов был взят и расстрелян в пределах Мотовилихинского района Уральской области, т. е. участники, которые взяли из королевских номеров М. Романова 1) Иванченко Василий Алексеевич, 2) Марков Андрей Васильевич, 3) Жужгов Николай Васильевич, 4) Колпачников* Иван Федорович и доставив его в

* Правильнее: Колпащиков.— *О. П.*

Мотовилихинский завод, а оттуда Романов был совместно со своим английско-подданным офицером увезен по шоссейной дороге к селу Левшино на расстоянии пять верст где был расстрелян, в расстреле Романова принимал участие 1-м Жужгов Н. В., и 2-м Я — Новоселов Иосиф Георгиевич, больше участия никто не принимал и труп расстрелянного Романова предали земле. Из участвующих никто не знает за исключением Николая Васильевича Жужгова в каком месте он закопан, это историческая могила хранится в моей памяти и тов. Жужгова. А те упомянутые участники расстрела Романова, Иванченко В. А.: был участником только на золотые часы шестиугольные, за что попал в историю, где имеется в печати о кончине Дома Романовых.

Я неоднократно писал в Центральный Истпарт ВКП(б), а также в Уральский Истпарт ВКП(б) кроме того в Пермский и Тобольский Истпарт ВКП(б) о своем историческом подвиге, но мне нет ни откуда никакого ответа.

Таким образом я все же решил искать правду, пусть будет на страницах нашей газеты «Правда» кто же действительно является прямым участником расстрела Михаила Романова.

Если это действительно расстрелял Иванченко В. А. и Марков А. В. Колпачников И. Ф. М. Романова, то пусть они найдут и докажут могилу расстрелянного Михаила Романова и докажут то, что я действительно не принимал участие в расстреле М. Романова, но пусть эти товарищи чужими историческими подвигами не пользуются, а совершают их сами.

Я сын крестьянина, проработал десять лет на ответственных участках, три с половиною года моей работы при особом отделе ВЧК в должности уполномоченного по контрразведке при штабе 3-й армии.

Шесть с половиной лет моей работы на Юридическом поприще должности старшего следователя Тюменского Ревтрибунала, а потом в должности народного судьи Дальнего Севера и упол. облсуда по Тобольскому округу

Я отдал все для советского строительства, но потеряв свое здоровье в настоящее время живу одиннадцатый месяц — совершенно безработным, словом выкинут на произвол судьбы со своим семейством и с потерянным здоровьем...

С сему подписуюсь

член ВКП(б) Иосиф Георгиевич Новоселов

3 августа 1928

с. Крестье Щадринского района

и округа Уральской области»[61]

«Правда» и не подумала публиковать это письмо, но зато Истпарт (которому она его переслала) попросил у Новоселова написать воспоминания об этом убийстве. Вот что он сообщил: в день убийства он — Новоселов, тогда мотовилихинский милиционер,— находился на дежурстве. Когда экипажи с жертвами проезжали через Мотовилиху, то Мясников остался, и вместо него на третьем экипаже поехали Новоселов и Плешков А. И. В первом экипаже везли Романова в сопровождении Жужгова и Иванченко, во втором — Джонсона, сопровождаемого Марковым и Колпащиковым, в третьем — Новоселов и Плешков. Отъехав около пяти верст от Мотовилихи в сторону Левшина, свернули вправо в густой лес сажень на 50. Первый выстрел в великого князя Михаила сделал Жужгов, но только ранил в плечо. «Михаил схватил Жужгова в охапку и они стали барахтаться. Я же видел эту драму в темноте пасмурной ночи... (малоразборчиво)... выстрелом в правый висок Михаил Романов был убит насмерть». Закопали в 10 часов на следующий день великого князя Михаила вместе с Джонсоном. «Когда мы закопали в землю я на одном из сосновых деревьев над могилой Романова вырезал своим перочинным ножом... четыре буквы... В.К.М.Р. что здесь расстрелян Великий Князь Михаил Романов.

Эту историческую могилу я в настоящее время *ище низабыл*»[62] (выделено мною.— *О. П.*).

Не получив ответа, Новоселов пишет новое письмо, на этот раз в Истпарт. Он глубоко возмущен, что ему, настоящему убийце великого князя Михаила, нет никакого почета, а всю «честь» взял на себя тов. Марков.

«Истпарт. Ц.К. В.К.П. (б)

Копии: Уралоблистпарт ВКП(б)

Новоселова Иосифа
Георгиевича, проживающего
в селе Крестовском
Щадринского района
и округа Урала

Заявление

...Для меня только в настоящее время раскрылись глаза, в чем тут дело что здесь есть полная несправедливость, как наши члены партии ВКП(б) умеют говорить несправедливость нашему Истпарту ЦК ВКП(б).

Как они указывают, что я лишь только был приглашен на второй день для закрытия расстрелянных глубже. Это совершенно не верно, мне приглашение никто не делал, а я выполнил в силу партийной дисциплины свой долг коммуниста.

Да я действительно совместно с тов. Жужговым Н. В. зарыл в землю расстрелянного Михаила Романова и его камердинера и мне хорошо известна эта могила в настоящее время.

Далее я как член партии ВКП(б), то я должен сказать всю истину, если из воспоминаний установлен один из активных участников расстрела Михаила Романова тов. Марков А. В.— это наглая ложь. В то

Коллектив Пермской ЧК

время принимал самое активное участие в расстреле М. Романова тов. Жужгов Н. В. и в настоящее время расстрелянный белыми начальник Мотовилихинской милиции Алексей Иванович Плешков и я Новоселов, а не чуть тов. Марков А. В.

Тов. Марков А. В., Иванченко В. А. и Колпачников И. Ф. принимали участие в расстреле камердинера английского подданного офицера, а не Михаила Романова.

Для меня только в настоящее время стал ясен вопрос, что наши тов. участники расстрела М. Романова ... (пропуск)... вопрос, что я не имел участие в ночь с 11-го на 12-ое июня 1918 г. в расстреле М. Романова.

Я прошу Истпарт Ц.К. ВКП(б) и Уралоблистпарт ВКП(б) обратить самое серьезное внимание на 3 основных вопросах.

1) Во время совершения расстрела Михаила Романова кто был первым из участников расстрела Романова — 1-м принимал участие тов. Жужгов Н. В. он первым выстрелом ранил Михаила Романова в правое плечо, а когда не стал работать наган у тов. Жужгова, то в это время кто оказал содействие. Содействие оказал первым упомянутый начальник милиции Плешков А. Ив. и Новоселов. В этом сам тов. Жужгов Н. В. подтвердит.

2) После совершения расстрела Михаила Романова по возвращении управление Мотовилихинской милиции, когда производился раздел вещей расстрелянных между участниками, то 1-му Иванченко В. А. были отданы с расстрелянного Михаила Романова золотые шести угольчатые именные часы червонного золота, с надписью на одной из крышек Михаил Романов, которые в настоящее время у т. Иванченко. Это Вам будет в 2-м доказательством.

Как эти часы в настоящее время имеют ценность и должны сдать в исторический музей.

3) С расстрелянного Романова также было снято золотое именное кольцо и пальто и штиблеты — бывшему расстрелянному начмилиции А. Ив. Плешкову. А с расстрелянного камердинера вещи разделены между Марковым и Колпачниковым И. Ф.

Вот на этих то основаниях 3-х пунктах я ставлю полное опровержение на основе первых сведений, имеющихся в воспоминаниях и таким образом прошу Истпарт ЦК ВКП(б) который дал бы со своей стороны свое соответствующее распоряжение Урал облистпарту ВКП(б). Последний сделал бы между нами участниками расстрела М. Романова (очную ставку), ведь нас осталось в живых 4 человека, а все мы проживаем в пределах уральской области.

Тов. Марков А. В. и Иванченко В. А. проживают в г. Перми где состоят на учете.

Тов. Жужгов Н. В. проживает в Невьянском заводе свердловского округа по Тульской ул. № 8.

Только при очной ставке Уралоблистпарт ВКП(б) установит истину.

Я пред лицом партии ВКП(б) не только прошу очную ставку, а требую. Я ищу правду и должен найти, пусть те тов. участники докажут что я действительно принимал участие в расстреле Михаила Романова.

О Вашем решении прошу меня поставить в известность.

К сему Новоселов
член ВКП(б)

Село Крестовское Щадринского района и округа Уральской области»[63].

Новоселов рассылает письма и в другие инстанции. Партийные органы не знают, как им отделаться от своего соратника, который требует справедливости и возвращения вещей, украденных убийцами у своих жертв. Рассердившись, партийные боссы привычно переписывают историю. Они «отказывают» Новоселову даже в чести «зарытия» трупов, хотя об этом говорится в воспоминаниях Маркова. Нач. милиции эсер Плешков тоже считается недостойным разделить «честь» убийства с большевиками. Торжествует традиционная большевистская справедливость!

«Секретно

Уралобком ВКП(б) Зав Истпартом тов. Моисееву

Истпарт Отдел ОК ВКП(б) в отношении Новоселова сообщает следующее. С большим трудом, наконец, была выявлена роль его в деле убийства Михаила Романова. При похищении Михаила Романова проездом через Мотовилиху был захвачен с лопатой и дежурный в Мотовилихе милиционер Новоселов, который проездил напрасно до места расстрела, так как в тот день Мих. Романова не зарывали, а зарыли на другой день сами участники похищения без участия Новоселова.

Разрешение вопроса об отобрании именных вещей Романова Истпарт Отдел ОК ВКП(б) не может взять на себя, т. к. вещи Мих. Романова находятся по рассказам у многих работников, не только участников расстрела живущих в разных местах СССР.

Зав. Истпартом ОК ВКП(б) Ольховская

12 дек. 1928»[64].

Летом 1964 года директор Пермского партархива Н. Аликина, будучи в Москве, встречалась с А. В. Марковым. Во время беседы она обратила внимание на его наручные серебряные часы необычайной формы, на ее взгляд, очень древние. Они напоминали дольку срезанного крутосваренного яйца. На вопрос, откуда такие часы, Марков ответил ей, что они принадлежали личному секретарю Михаила Романова англичанину Брайану Джонсону, и

Сотрудники Пермской ЧК, второй справа — Иванченко В. А.

Екатеринбург. Общий вид

он взял их себе на память, сняв с руки Джонсона после расстрела.

«С тех пор не снимал с руки,— сказал ей Марков и добавил: — Идут хорошо, ни разу не ремонтировал, только отдавал в чистку несколько раз»[65].

Сейчас эти часы, вероятно, перешли наследникам Маркова. Возможно, и у наследников Иванченко сохраняются золотые часы Михаила Романова. Его «крестник» Михаил Иванченко (1918—1919 года рождения), может, еще жив? Интересно знать, не жгут ли эти часы руки наследников?..

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ТРАГЕДИЯ

В начале XX века город Екатеринбург, несмотря на свой уездный статус в составе Пермской губернии, принадлежал к лучшим и красивейшим городам Европейской России и по справедливости назывался «столицей Урала». Да и населения здесь было раза в два больше, чем в губернском центре. Располагался он по берегам реки Исети, в историческом центре — обширное озеро-пруд, а рядом на широких площадях стояли великолепные храмы, ровными проспектами, по-петербургски, шли улицы. В городе была сильно развитая промышленность,

обширная сеть предприятий торговли и обслуживания, десятки учебных, культурно-просветительных, благотворительных и религиозных учреждений. В общем, до 1917 года это был богатый и процветающий город, конечно, со своими проблемами, социальными контрастами и противоречиями.

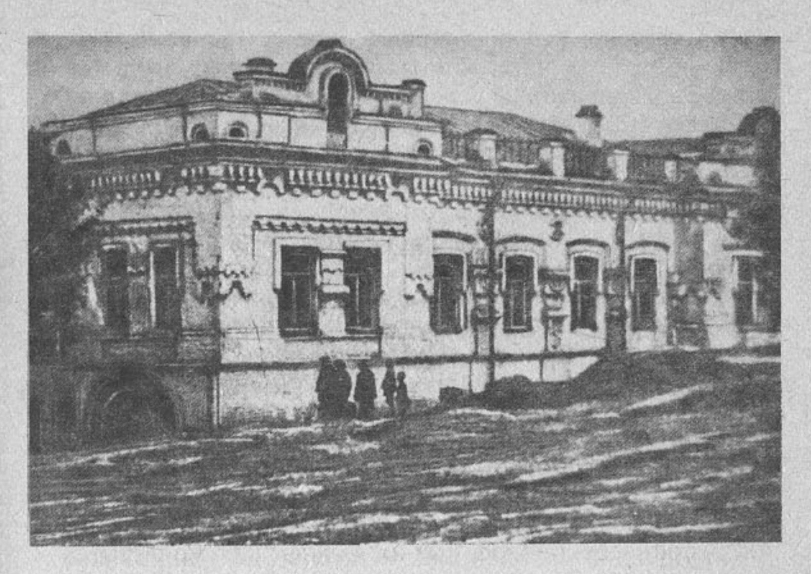
К марту — апрелю 1918 года в столице Урала устанавливается абсолютная диктатура Уралсовета и ЧК*. Жесточайшим образом подавляется любое противодействие большевикам. Не прекращаются аресты, расстрелы и конфискации. Готовятся к выпуску специальные деньги с изображением вооруженных солдата и матроса. Большевики чувствуют себя полными хозяевами. В один из апрельских дней инженеру Ипатьеву, владельцу маленького особнячка на Вознесенском проспекте, предлагают его освободить, оставив самую необходимую мебель, а прочие вещи перенести в кладовые. В короткий срок дом обносится двойным забором с будками для часовых. В таком виде он получает название «Дом особого назначения».

Утром 30 апреля 1918 года сюда под строгим конвоем привозят трех человек. В этот же день из Екатеринбурга в Москву уходит телеграмма: «ВЦИК Свердлову пред. Совнаркома Ленину Тридцатого апреля 11 часов я принял от комиссара Яковлева бывшего царя Николая Романова бывшую царицу Александру и дочь их Марию точка все они помещены в особняк запятая охраняемый караулом точка Белобородов». 23 мая в особняк под конвоем привозят еще четверых — мальчика и трех девушек. Царская семья собирается вместе. Отсюда они уже не выйдут. Здесь им предстоит провести пятьдесят три дня в полной изолированности от окружающего мира, в атмосфере грубых издевательств, с чувством безнадежности своего положения.

В особняке царской семье было выделено четыре комнаты: *«спальня угловая, уборная, рядом столовая с*

* Состав Президиума Уралсовета на середину 1918 года был таков: Голощекин, Сафаров, Войков, Хотимский, Чуцкаев, Краснов, Поляков, Юровский, Сыромолотов, Тунетул, Сакович, Анучин, Уфимцев, Дидковский. Из четырнадцати человек русских было только три-четыре.

Состав руководства ЧК на июль 1918 года: председатель — Лукоянов-Маратов, зам. пред.— Юровский и Сахаров, члены коллегии — Горин, Радзинский, Кайгородов, казначей — Никулин, начальник «отряда палачей» — Шиндер, секретарь — Яворский.

Дом Ипатьева

окнами в садик и с видом на низменную часть города и, наконец, просторная зала с аркой без дверей». «Разместились,— пишет Николай Второй в своем дневнике,— следующим образом: Аликс, Мария и я втроем в спальне, уборная общая, в столовой — Н. Демидова, в зале — Боткин, Чемодуров и Седнев. Около подъезда комната караульного офицера. Караул помещался в двух комнатах около столовой. Чтобы идти в ванную и W. C., нужно было проходить мимо часового у дверей караульного помещения. Вокруг дома построен очень высокий досчатый забор в двух саженях от окон; там стояла цепь часовых, в садике тоже». Окно в столовой было снаружи завешено ковром, а через несколько дней маляр закрасил окна во всех комнатах известью. «Стало похоже,— пишет Николай Александрович,— на туман, который смотрится в окна». В комнатах стало тускло.*

Нет, их не морили голодом, питание им приносили регулярно из столовой, постели у них тоже были. Но режим был установлен тюремный. Двери в комнаты не закрывались, в любой момент входила охрана. Прогулки во дворе были очень коротки. Охрана постоянно пьянствовала.

* Позднее караул был помещен в подвальном этаже, а эти две комнаты отдали царской семье.

Когда княжны шли в уборную, охранники наблюдали за ними, на стенах писали разные нецензурные выражения, забирались на заборы перед царскими окнами и горланили неприличные песни. Запрещалось смотреть в окно. Однажды одна из дочерей царя, забыв об этом, стала выглядывать в окно, сразу раздались выстрелы.

Однажды рядом с домом взорвалась граната. Охранники самым беззастенчивым образом воруют вещи у царской семьи. *«В сарае,— пишет Николай Второй,— где находятся наши сундуки, постоянно открывают ящики и вынимают разные предметы и провизию из Тобольска. И при этом без всякого объяснения причин. Все это наводит на мысль, что понравившиеся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно!»* Еще раньше у царской семьи и у всех бывших с ней отобрали «лишние деньги» якобы для хранения у казначея Областного Совета! Охрана крала у царской семьи не только имущество и деньги, но и большую часть припасов, приносимых им из женского монастыря.

В мае 1918-го в Сысерти проводился подбор людей для охраны Дома особого назначения. Уже 9 мая их размещают в доме караульной команды напротив дома Ипатьева. До этого дом охранялся только рабочими Злоказовского суконного завода. Команду вооружили винтовками, ручными гранатами и четырьмя пулеметами. Пулеметы были установлены: один — на вышке дома Ипатьева, дуло направлено на Вознесенскую площадь; второй — на колокольне Вознесенской церкви, также дулом на площадь; третий — на верхней террасе дома, дулом к переулку; четвертый — на нижнем этаже дома, дулом в сад, где совершались прогулки царской семьи. Караульные будки были снабжены телефонами[66].

На прогулку выводили в сад два раза: в 10 часов и днем в 4 часа — на полчаса каждый раз. Караульный Стрекотин оставил описание этих прогулок[67]. Редко на прогулку выходили домочадцы Романовых — Боткин, Демидова, Харитонов и Трупп. Редко выходила царица, да и то ненадолго. Высокая, стройная, всегда серьезная, гордая и молчаливая, она шла, придерживая сбоку свое длинное темное платье.

Император выходил в полковничьей форме с кокардой на фуражке. Движения его были быстры и порывисты. Царевич носил также военную форму. Его черные глаза были всегда невеселы. Он был болен и не мог ходить.

Выносил его на прогулку сам царь. **«(Он)... осторожно поднимал его, прижимая к своей широкой груди, а тот крепко обхватит руками короткую толстую шею отца... Так царь вынесет его из дома, усадит в специальную коляску, потом катает его по аллеям. Остановится, наберет камешков, сорвет для него цветов или веточек с деревьев — даст ему, а тот как ребенок кидается ими в кусты. В саду для них были гамаки, но ими пользовались только четыре царские дочери. Две из них блондинки с серыми глазами, среднего роста и очень похожие одна на другую. Они были всегда вместе и обе казались быть всегда веселыми и разговорчивыми. Вторые обе барышни не похожи одна на другую. Одна из них Татьяна, полная, на вид здоровая красивая брюнетка. Вторая, то есть старшая из всех Ольга, выше среднего роста, худощавая, бледнолицая, на вид — болезненная, она также мало гуляла в саду и ни с одной из своих сестер не общалась, находилась больше около брата».**

Дочери очень скучали, говорили, что им в Тобольске было веселее. Пытались даже разговаривать с охраной. «Отгадайте, как зовут эту собачку?» (Они всегда гуляли с собачками.) Но в ответ сталкивались с грубостью и прямым хамством.

По праздникам в доме устраивались богослужения. Во время службы царская семья участвовала в церковном пении. И в обычное время княжны иногда пели духовные песнопения, «Херувимскую песнь», а однажды грустную светскую, на мотив песни «Умер бедняга в больнице военной». Уже после убийства в доме Ипатьева было найдено Евангелие, в которое было вложено написанное рукой великой княжны Ольги стихотворение «Молитва».

МОЛИТВА

Пошли нам, Господи, терпенья
В годину буйных, мрачных дней,
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С твоею кротостью встречать,
И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель помоги!
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас

И дай покой душе смиренной
В невыносимый, страшный час,
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы —
Молиться кротко за врагов[68].

Николай Александрович, члены его семьи и домочадцы часто хворали. Особенно часто болел сын Алексей, проводивший большую часть времени в постели. Чувство безнадежности все сильнее и сильнее охватывает царскую семью. Каждодневный характер записей в дневнике Николая Второго прерывается 7 июня. С этой даты записи в дневнике отсутствуют по 2—3 дня, а то и по неделе. 10 июня Николай Александрович записывает: *«Внешние отношения... за последние недели... изменились: тюремщики стараются не говорить с нами, как будто им не по себе, и чувствуется как бы тревога или опасение чего-то у них! Непонятно!»*

В начале июля 1918 года комиссар Голощекин уезжает в Москву, где живет на квартире у Свердлова. В эту поездку назначается конкретный срок убийства царской семьи, ибо уже 4 июля первый комендант дома Ипатьева Авдеев под предлогом злоупотреблений смещается и заменяется Янкелем Юровским (его заместителем назначается Никулин). Начинается организованная подготовка к убийству. Прежде всего Юровский сменяет значительную часть караула, во внутреннюю охрану вводятся иностранцы (из числа военнопленных или, как их тогда называли, «латыши»). Членам караула запрещается разговаривать с узниками под страхом расстрела. Из посторонних лиц дом посещают **только Голощекин и Сафаров.**

С караулом проводятся специальные занятия, целенаправленно внушается чувство ненависти к царю. Юровский умело играет на низменных инстинктах охранников, например, разжигает зависть, наводит на мысли: почему царю была дана неограниченная власть? Почему он утопает в роскоши и богатстве? Даже теперь, когда он уже не царь, у него все равно много богатства. Здесь, во дворе дома, все склады загружены его имуществом (это имущество Юровский специально афиширует, «поджигая» команду). Вы всю жизнь гнули спины, а у вас ничего нет. А сколько людей погибло из-за этого проклятого царя и в тюрьме и на каторге.

Николай Второй в заточении

Императрица Александра Федоровна (из последних фотографий)

Наследник в матросской форме

Царские дочери

Царскую семью необходимо расстрелять, все ее члены совершенно взрослые и сознательно вместе с коронованным палачом превращали Россию «в тюрьму народов». «Свинья не родит бобра — все они хороши и ни от кого из них добра не жди. Пусть долг платежом красен будет».

Одним из охранников внутреннего караула Юровским был назначен Нетребин Виктор Никифорович, восемнадцатилетний парень, написавший в середине 20-х годов об этом событии воспоминания. Примерно за две недели до его расстрела. **«Я и еще несколько товарищей,— пишет он,— был взят с (военных) занятий тов. Юровским. Вскоре нам было объяснено, что мы взяты для охраны во внутреннем карауле б. царя и что возможно нам придется выполнить казнь б. царя, и что мы должны держать строго в тайне все могущее совершиться в доме заключения б. царя»**[69].

Внутренний караул состоял из нескольких смен по 5 человек. Та смена, в которой служил Нетребин, включала двух «латышей». Комната Юровского размещалась на

одном этаже с узниками, в ней находилось множество бомб.

«Получив объяснение от т. Юровского, что нужно подумать о том, как лучше провести казнь,— продолжает Нетребин,— мы стали обсуждать вопрос. Не помню кто-то из нас предложил следующее. Запереть заключенных в комнату угловую, она была занята ими же и бросить две бомбы. Так мы и решили. Чтобы решить кому кидать бомбу мы бросили жребий. Жребий выпал на двоих старшему латышу и мне. День, когда придется выполнить казнь, нам был неизвестен, но все же мы чувствовали, что скоро он настанет. Прошло несколько дней... Мы снова обсудили о методе казни и решили его изменить. Мы решили расстрелять из наганов в находящейся внизу комнате»[70].

Юровский готовился к убийству тщательно. 11 июля он вместе с Ермаковым бродит возле деревни Коптяки в районе Ганиной ямы, подыскивая место для тайного захоронения. 15 июля Юровского встречают в этих местах еще один раз. П. Л. Войков подготавливает серную кислоту, керосин, спирт, сукно для заворачивания трупов, привлекается «специалист» по сжиганию, некто чекист Павлушин. На окнах устанавливаются решетки.

Еще 4 июля Юровский переписывает все царские драгоценности и оставляет их на столе в опечатанном ящике, предупреждая царскую семью, что будет приходить и проверять ежедневно.

Конечно, работа ведется не одним Юровским. Для подготовки убийства создается специальная комиссия. Об этом пишет в своей автобиографии председатель Уральской областной чека Федор Лукоянов[71]. В комиссию входили, кроме Лукоянова, Голощекин, Сафаров, Войков, Сосновский, Белобородов, Быков, возможно, и другие лица. **«На предварительном совещании в областном совете,— писал П. Быков,— был намечен порядок расстрела и способ уничтожения трупов»**[72].

Судя по всему, с самого начала разрабатывается несколько вариантов убийства. И убийство как расстрел, и убийство как попытка к бегству. Уже в 60-е годы бывший член Уральской ЧК И. Родзинский (в некоторых источниках — Радзинский) сообщил, что Уральской ЧК тогда было сфабриковано несколько писем по-французски с предложением Николаю бежать из заключения за подписью «офицер»*. Составил эти письма пламенный рево-

* Вот текст одного из этих писем: «...Мы группа офицеров русской армии, которая не потеряла совести, долга перед царем и отечеством

люционер Пинхус Лазаревич Войков (Вайнер) так искусно, что царь им даже поверил[73]. По-видимому, прорабатывался вариант «побега». Чекисты хотели спровоцировать царя на побег, добиться того, чтобы он ответил согласием этому фальшивому «офицеру», а затем организовать спектакль с бегством, во время которого ликвидировать царскую семью, предъявив всем письменные доказательства заговора царя. Царь на провокацию не поддался*. И поэтому пламенным революционерам оставалось только прямое убийство.

16 июля из Москвы через Пермь «была получена телеграмма на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых»[74]. Об этом сообщает в своих воспоминаниях Юровский. Хотя у него и говорится о телеграмме из Перми, но ясно, что пермские органы, подчинявшиеся Уралсовету, не могли ему приказывать, следовательно, приказ шел из Москвы через Пермь.

Недавно Э. Радзинский обнаружил в архиве телеграмму от 16.7.1918 года, в которой Екатеринбург через Петроград запрашивал у Москвы подтверждение разрешения на убийство царской семьи.

Телеграмма за подписью Зиновьева Г. Е. гласила: **«Москва, Кремль Свердлову, копия Ленину из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите Москву, что условленного с Филипповым суда по военным обстоятельствам не терпит отлагательства, ждать не можем. Если ваше мнение противоположно сейчас же вне всякой очереди сообщите. Голощекин, Сафаров. Снеситесь по этому поводу сами с Екатеринбургом»**[75].

Филиппов, «товарищ Филипп» — партийная кличка Голощекина. «Суд» — кодовое обозначение намеченного злодейского убийства. Из телеграммы ясно, что оно готовилось с участием Ленина и Свердлова и было одобрено всем большевистским синедрионом.

своим. Мы вас не информируем насчет нас детально по причине, которую вы хорошо понимаете, но ваши друзья Д. и Г., которые уже спасены, нас знают. Час освобождения приближается и дни узурпаторов сочтены. Во всяком случае армии словаков приближаются все ближе и ближе к Екатеринбургу... Не забывайте, что большевики в последний момент будут готовы на всяческие преступления. Момент настал, нужно действовать. Ждите свистка к 12 ночи — это и будет сигналом. Офицер».

* Надежда на вызволение теплилась у царской семьи до самых последних дней. 27 июня в царском дневнике запись, что узники провели тревожную ночь и бодрствовали одетыми. «Все это произошло от того, что на днях мы получили два письма, одно за другим, в которых нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми! Но дни проходили, и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны».

В тот же вечер Янкель Свердлов отправил человека на телеграф на Мясницкой улице, вручив ему телеграмму с приказом на убийство, и сказал: «Поосторожней отправляй», это значит, что обратно надо было принести не только копию телеграммы, но и ленту.

«Когда телеграфист передал телеграмму (в Екатеринбург.— *О. П.*),— пишет исполнитель этого поручения,— я потребовал от него копию и ленту. Ленту он мне не отдавал. Тогда я вынул револьвер и стал угрожать телеграфисту. Получив от него ленту, я ушел»[76].

Вечером руководитель этого преступления Голощекин дает приказ Юровскому убить царскую семью. Юровский к этому уже давно готов.

Команда уже готова, в нее входят сам Юровский Я. Х., Ермаков П. З., Медведев П. С., Никулин Г. П., Ваганов С. и семь иностранных наемников (привлеченных сладким пайком и возможностью помародерствовать). За их спиной стоят охранники из караульной команды Стрекотин, Нетребин и другие. Угловую комнату в подвальном этаже (что как раз под комнатой княжен) освобождают от мебели. Эту комнату выбирают не случайно, а потому, что в ней одна стена с деревянной оштукатуренной перегородкой, что позволяет избежать пулевых рикошетов. Команда убийц прячется в смежной комнате и затихает. Но возникает задержка: Ермаков, которому, кроме участия в расстреле, поручено **«спрятать трупы так, чтобы никто не нашел»**, опаздывает на полтора часа, а он должен пригнать машину для отвоза трупов. Наконец Ермаков приехал. Машина с работающим мотором поставлена во дворе, ее шум и хлопки должны заглушить выстрелы и крики.

Юровский нажимает электрический звонок, выходит царский врач Боткин, он спал недалеко от двери. Юровский просит его разбудить всех остальных. **«Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Романовых из верхнего этажа в нижний»**. Семья одевалась и умывалась около получаса. Затем Юровский свел их по лестнице в подготовленную комнату. В комнате бывший император Николай Александрович (род. 1868), бывшая императрица Александра Федоровна (род. 1872), их сын наследник престола четырнадцатилетний царевич Алексей, их дочери: двадцатитрехлетняя Ольга, двадцатиоднолетняя Татьяна, девятнадцатилетняя Мария и семнадцатилетняя Анастасия, личный врач царской семьи Евгений Сергеевич Бот-

кин, личный повар Харитонов, царский лакей Трупп и комнатная девушка царицы Анна Демидова. В комнате нет мебели, и Александра Федоровна просит принести стулья. Приносят два стула. На один усаживают ее саму, на другой — царевича Алексея. На некоторое время устанавливается напряженное молчание. По установленному сигналу входят двенадцать человек. Юровский зачитывает смертный приговор. И сразу гремят залпы, начинается бойня. Николай и Александра пали первыми. Другим предстоит испытать еще страшные муки. **«Алексей, три из его сестер, фрейлина и Боткин были еще живы,— пишет Юровский.— Их пришлось пристреливать. Это удивило... (меня)... т. к. целили прямо в сердце. Удивительно было и то, что пули от наганов отскакивали от чего-то рикошетом и как град прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсаж»**[77]. (Позднее, когда начался грабеж и убийцы стали раздевать свои жертвы, выяснилось, что на девушках были надеты корсеты с зашитыми в них бриллиантами, о них и рикошетили пули. Царь с царицей знали, что им отсюда живыми не выйти, но надеялись на спасение своих дочерей, которым передали свои драгоценности.)

Так излагал события сам Янкель Юровский. Но дадим слово и другим участникам. Охранник Стрекотин вспоминает, что в ту ночь к нему подошел начальник караула Медведев и подал ему револьвер.

«— Для чего он мне? — спросил я Медведева.

— Скоро будет расстрел,— сказал он мне и быстро удалился.

Вскоре вниз спустился с Медведевым Никулин и еще кто-то не помню. Зашли в одну из комнат и вскоре ушли обратно. Но вот вниз спустилась неизвестная для меня группа людей, человек 6—7. Никулин ввел их в эту комнату, в которой он только что был перед этим. Теперь я окончательно убедился, что готовится расстрел. Но я не мог представить — когда, где и кто будет исполнителем. Вверху послышались электрозвонки, потом шорох ходьбы людей (звонками будили царскую семью) наконец слышу шаги людей, вниз спускалась вся семья Романовых и их приближенные. Тут же идут Юровский, Никулин, Медведев и Ермаков, последнего я знал по дутовскому фронту...

Все арестованные были одеты по обыкновению чисто и нарядно. Царь на руках несет своего сына... Царевна дочь Анастасия, несет на руках маленькую курносую собачку, эксимператорша под ручку со своей старшей дочерью — Ольгой...

Никулин* вскоре вышел обратно, проходя мимо меня он сказал:

* Стрекотин по ошибке называет Никулина Окуловым (наверно, по ассоциации с акулой). Всюду в тексте мы исправили эту ошибку.

для наследника понадобилось кресло, видимо, умереть он хочет в кресле. Ну что ж, пожалуйста, принесем. Когда арестованные были введены в комнату, в это время группа людей, что раньше вошла в одну из комнат и направилась к комнате, в которую только что ввели арестованных. Я пошел за ними, оставив свой пост. Они и я остановились в дверях комнаты.

Юровский коротким движением рук показывает арестованным, как и куда нужно становиться и спокойно, тихим голосом — пожалуйста вы встаньте сюда, а вы вот сюда, вот так в ряд.

Арестованные стояли в два ряда, в первом вся царская семья, во втором — их лакеи, наследник сидел на стуле. Правофланговым в первом ряду стоял царь. В затылок ему стоял один из лакеев. Перед царем, лицом к лицу стоял Юровский — держа правую руку в кармане брюк, а в левой держал небольшой листок, потом он читал приговор...

Не успел он докончить последние слова, как царь громко переспросил — как, я не понял?

— прочитайте еще раз.

Юровский читал вторично, при последнем слове он моментально вытащил из кармана револьвер и выстрелил в упор в царя. Сойкало несколько голосов. Царица и дочь Ольга пытались осенить себя крестным знаменем (так в тексте.— *О. П.*), но не успели.

Одновременно с выстрелом Юровского раздались выстрелы групп людей, специально призванных для этого,— царь не выдержил единственной пули нагана, с силой упал навзничь. Свалились и остальные десять человек. По лежащим было сделано еще несколько выстрелов. Дым заслонил электрический свет и затруднил дыхание. Стрельба была прекращена, были раскрыты двери комнаты с тем, чтоб дым разошелся.

Принесли носилки, начали убирать трупы, первым был вынесен труп царя. Трупы выносили на грузовой автомобиль, находящийся во дворе, когда ложили на носилки одну из дочерей, она вскричала и закрыла лицо рукой. Живыми оказались также и другие. Стрелять было уже нельзя, при раскрытых дверях выстрелы могли быть услышаны на улице. По словам товарищей из команды, даже первые выстрелы были слышны на всех внутренних и наружных постах. Ермаков взял у меня винтовку со штыком и доколол всех, кто оказался живым. Когда были вынесены трупы и ушла автомашина, только после этого наша смена была сменена с дежурства»[78].

«Арестованные уже все лежали на полу, истекая кровью, а наследник все еще сидел на стуле,— дополняет Стрекотин в другом варианте своих воспоминаний.— Он почему-то долго не упадал со стула и оставался еще живым. Впритруть начали ему стрелять в голову и грудь, наконец, и он свалился со стула. С ними вместе была расстреляна и та собачка, которую принесла с собой одна из дочерей...

Трупы выносили на грузовой автомобиль, находящийся во дворе. Второй на носилки стали ложить одну из дочерей царя, но она оказалась живой, закричала и закрыла лицо рукой. Кроме того, живыми оказались еще одна из дочерей и та особа, дама, которая находилась при царской семье. Стрелять в них было уже нельзя, так как двери все внутри здания были раскрыты, тогда тов. Ермаков видя, что я держу в руках винтовку со штыком, предложил мне доколоть оставшихся в живых. Я отказался, тогда он взял у меня из рук винтовку и начал их докалывать. Это был самый ужасный момент их смерти. Они долго не умирали, кричали, стонали, передергивались. В особенности тяжело умерла та особа — дама. Ермаков ей всю грудь исколол. Удары штыком он делал так сильно, что штык каждый раз глубоко втыкался в пол. Один из расстрелянных мужчин, видимо, стоял до расстрела во втором ряду и около угла комнаты, и когда их стреляли он упасть не мог, а просто присел в угол и в таком положении остался умершим» [79].

«Последней пала,— пишет в своих записках восемнадцатилетний участник убийства Нетребин Виктор Никифорович,— (горничная царицы Демидова.—*О. П.*), которая защищалась подушечкой, находящейся у ней в руках. Но очень долго были признаки жизни у бывшего наследника, несмотря на то, что он получил много выстрелов. Младшая дочь б/царя упала на спину и притаилась убитой. Замеченная тов. Ермаковым она была убита выстрелом в грудь. Он, встав на обе (ее.— *О. П.*) руки, выстрелил ей в грудь» [80].

Свою версию событий дает Ермаков П. З. По ней, он был главным организатором и исполнителем убийства всех членов царской семьи и лично сам убил царя. О подоплеке этой версии мы еще расскажем позднее, а сейчас слово Ермакову.

«...Когда позвали меня,— пишет он,— то мне сказали: — на твою долю выпало счастье — расстрелять и схоронить так, чтобы никто и никогда их трупы не нашел, под личную ответственность. Сказали, что мы доверяем как старому революционеру.

Поручение я принял и сказал, что будет выполнено точно, подготовил место куда вести и как скрыть, учитывая все обстоятельства важности момента политического.

Когда я доложил Белобородову, что могу выполнить, то он сказал: «сделай так, чтобы были все расстреляны, мы это решили». Дальше я в рассуждения не вступал, стал выполнять так, как это нужно было.

Получил постановление 16 июля в 8 часов вечера, сам прибыл с двумя товарищами и др. латышем, теперь фамилии не знаю, но который служил у меня в отряде, в отделе карательном. Прибыл в 10 часов ровно в дом особого назначения, вскоре пришла моя машина малого типа грузовая. В 11 часов было предложено заключенным Романовым и их близким, с ними сидящим спуститься в нижний этаж. На предложение

сойти вниз были вопросы для чего? Я сказал, что вас повезут в центр, здесь вас держать больше нельзя, угрожает опасность, как наши вещи спросили, я сказал ваши вещи мы соберем и выдадим на руки, они согласились, сошли к низу, где для них были поставлены стулья вдоль стены. Хорошо сохранилось у меня в памяти, 1 фланга сел Николай, Алексей, Александра, ст. дочь, Татьяна, далее доктор Боткин сел, потом фрейлина и дальше остальные.

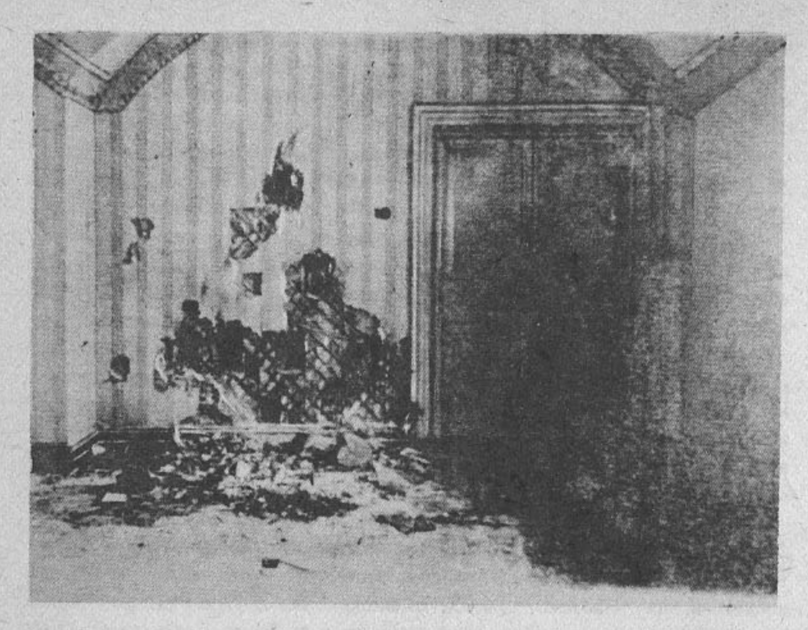
Когда все успокоилось, тогда я вышел, сказал своему шоферу: действуй, он знал, что надо делать, машина загудела, появились хлопки, все это нужно было для того, чтобы заглушить выстрелы, чтобы не было звука слышно на воле, все сидящие чего-то ждали, у всех было напряженное состояние, изредка перекидывались словами, но Александра несколько слов сказала не по-русски, когда все было в порядке тогда я коменданту Юровскому дал в кабинете постановление областного исполнительного комитета, то он усомнился почему всех, но я ему сказал, надо всех и разговаривать нам с вами долго нечего, время мало пора приступать.

Я спустился книзу совместно с комендантом, надо сказать, что уже заранее было распределено кому и как стрелять. Я себе самого взял Николая, Александру, дочь, Алексея потому, что у меня был маузер, им можно верно работать (выделено мною.— *О. П.*), остальные были наганы. После спуска в нижний этаж, мы немного обождали, потом комендант предложил всем встать, все встали, но Алексей сидел на стуле, тогда стал читать приговор-постановление, где говорилось по постановлению Исполнительного комитета расстрелять.

Тогда у Николая вырвалась фраза: так нас никуда не повезут? Ждать дальше было нельзя, я дал выстрел в него в упор, он упал сразу, но и остальные также. В то время поднялся между ними плач, один другому бросался на шею, затем дали несколько выстрелов и все упали.

Когда я стал осматривать их состояние, которые (так в подлиннике.— *О. П.*) были еще живы, то я давал новый выстрел в них. Николай умер с одной пули, жене дано две и другим также по несколько пуль...» [81]

Недавно опубликованы материалы о существовании еще одного претендента на «честь» убийцы царя. Всплывает некто Михаил Александрович Медведев, член Уральской коллегии ЧК. Ранее это имя нигде не фигурировало. Был известен Павел Спиридонович Медведев, соратник Юровского, начальник караула. О нем упоминает Стрекотин, они оба были земляки, родом из Сысерти. При бегстве красных Медведев попал в плен, был опознан, допрошен следователем Соколовым. Ему он сообщил много подробностей убийства, утаив свое участие в нем (во время убийства его якобы посылали на улицу послушать, не слышно ли выстрелов). При обыске у Медведева были

Комната, где было совершено злодеяние

обнаружены вещи царской семьи. В общем, чтобы спасти свою шкуру, Павел Спиридонович честно «раскололся», заложив всех своих соратников. Умер он в тюремной больнице от тифа в 1919 году. И вот другой Медведев — участник убийства. Биограф Николая Второго Э. Радзинский записал беседу с сыном этого «нового» Медведева.

«— Значит, царя убил ваш отец?! И вы знали об этом?

— Разумеется. Отец рассказывал. И не только отец... у нас часто собирались участники Екатеринбургского дела.

— Но ведь была, наверное, какая-то договоренность заранее — кто в кого должен стрелять?

— Разумеется, была. И договоренность была такая: Петр Ермаков, верхисетский комиссар, получил право застрелить царя, царицу — Юровский, Никулин должен был стрелять в Алексея, отец в Марию... Но когда они реально вошли в комнату, отец оказался как раз напротив царя, Никулин напротив Алексея, Юровский напротив царицы... И когда Юровский закончил, отец выстрелил в царя и убил его первой пулей. Кстати, свой браунинг он сдал потом в Музей Революции»[82].

Еще один претендент на «честь» быть убийцей царя —

матрос Хохряков. Об этом он сам рассказывал, показывая револьвер системы кольт, из которого им был убит император. После смерти Хохрякова, убитого на фронте, этот револьвер попал к начальнику интернационального отряда в Перми Оржеховскому, который дорожил им как историческим[83].

Итак, четыре лица заявляют о своей личной причастности к убийству царя — Юровский, Ермаков, Медведев и Хохряков.

Кто же из них в самом деле был «физическим» убийцей?

Но вот что сразу же бросается в глаза: сведения об убийстве царя Юровским даются не только в его записках, но и в воспоминаниях охранников караула.

Сведения об убийстве царя Ермаковым, кроме его записок, не подтверждаются никем. Да и сами записки относятся к позднему времени. Об убийстве царя Медведевым известно со слов его сына и подтверждается Никулиным уже в 60-е годы. Об участии Хохрякова известно только со слов его товарищей.

В начале 30-х годов Юровский выступает с воспоминаниями перед старыми большевиками (сохранилась стенограмма), в зале сидят живые участники событий и люди, знавшие о них из первых рук. Юровский прямо заявляет, что именно он убил царя. Где-то рядом сидит Ермаков. Если это неправда, почему он молчит?

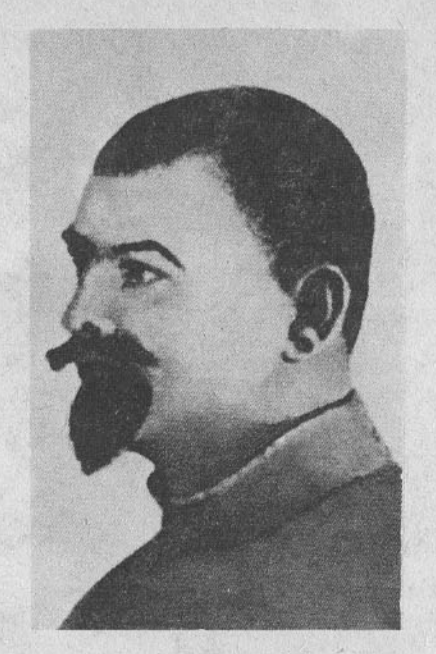
А молчит он потому, что еще не настало время переписывать историю. Оно приходит тогда, когда большая часть организаторов екатеринбургского убийства оказывается в числе осужденных за участие в троцкистской оппозиции, за связь с Троцким. Не умри Юровский раньше (тяжелая болезнь спасла его от смерти в лагере), и его бы закопали в одну яму с Голощекиным, Сафаровым, Белобородовым, Сосновским, как их старого соратника. Упоминание о нем тянет ниточку к ним. Поэтому о нем следует забыть, что и происходит вплоть до конца 50-х годов, когда память о нем реанимируется усердием его детей.

Мы еще расскажем, как перед самой войной с Ермаковым «будут работать» люди Берии. И версия Ермакова закрепится в его официальных воспоминаниях (в то же время записка Юровского исчезнет из хранилища Музея Революции). Новую трактовку событий поддержат и силы, заинтересованные представить дело так, что убийство русского царя совершил русский рабочий, а не Янкель Юровский.

Хотя Юровский соединял в себе ненависть к России с призванием палача, он был только первым (но далеко не самым главным) в галерее убийц царской семьи. А она в 1918 году протянулась от Екатеринбурга до Москвы. Давайте пройдем по ней.

Юровский Янкель Хаимович, сорок лет, мещанин г. Каинска Томской губернии, из семьи сосланного за кражу в Сибирь, дед был раввином. Образование — полтора года школы. В юности искал богатства и, по словам брата Лейбы, был богат. По характеру вкрадчивый, жестокий человек[84]. В 1905 году участвовал в боевых отрядах, познакомился со Свердловым. После разгрома восстания бежал в Берлин и там, изменив вере отцов, перешел в лютеранство, вероятно, из-за каких-то выгод. Родственники его не любили. Родной брат Лейба говорил: «Он любит угнетать людей», а жена Лейбы — Эле Лея добавляла: «Яков — деспот и эксплуататор». Историк Мельгунов характеризует его «самым отпетым преступником», а Сидней Гибс — «хладнокровным палачом»[85].

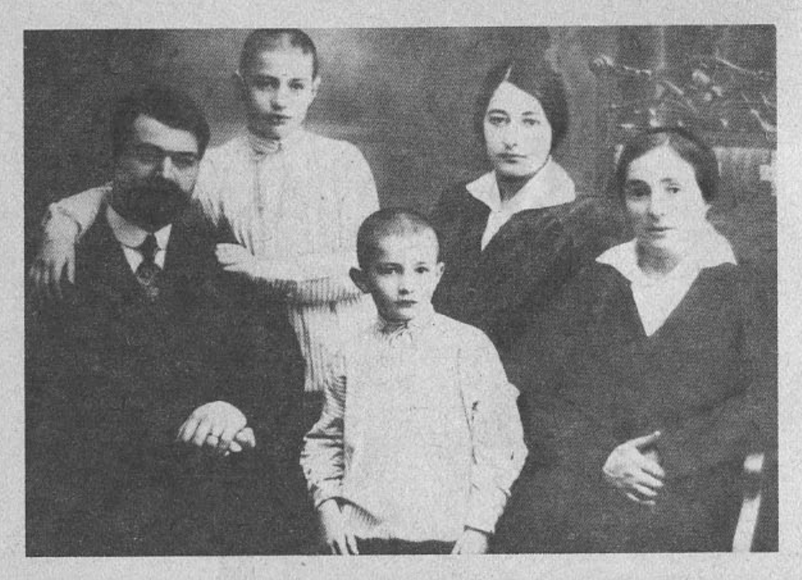
В 1912 году Юровский открывает собственную фотографию в Екатеринбурге. Делает фотоснимки многих богатых жителей города, представителей администрации, духовенства. Позднее эти фотографии, как и адреса клиентов, становятся основой картотеки ЧК. По ней ЧК совершает свои налеты на квартиры граждан города. Свердлов доверяет Юровскому, останавливается у него на квартире. Листаем личное дело Юровского в Свердловском архиве[86]. После убийства царя Юровский назначается заведующим Московской районной ЧК и членом коллегии МЧК, а с 1919 года работает председателем Екатеринбургской губернской ЧК, знаменуя свое назначение десятками новых расстрелов. Ленин считает Юровского «надежнейшим коммунистом»[87]. В Екатеринбурге ему с семьей выделяется шикарный особняк в трехстах метрах от Ипатьевского дома (сейчас Музей комсомола). С ним живет жена — руководитель партийной организации города и дочь — руководитель комсомольской организации, особенно прославившаяся акциями по разрушению православных храмов, ее именем позднее назовут улицу. В дальнейшем партия кидает его на разные не очень высокие, но хлебные посты в Москве: Гохран (зав. управлением), Резинотрест (нач. отдела), завод «Красный бога-

Юровский

тырь» (зам. директора), секретарь партячейки Русаковского трамвайного парка и, наконец, директор Политехнического музея (это с образованием в полтора года школы!)[88]. В 1938 году успевает умереть от рака, не попав в костедробильный механизм своих соратников, в 40-м году его бумаги и исторические пистолеты изымаются из Музея Революции, куда он их передал на хранение.

Голощекин Шая Исаакович, сорокадвухлетний мещанин из Невеля Витебской губернии, закончил зубоврачебную школу, никогда не работал, в партии с 1903 года, личный друг Свердлова, шесть лет провел в ссылке. Историк революционного движения В. Бурцев, знавший Голощекина лично, характеризовал его так: «Палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации»[89]. С 1918 года — секретарь ЦК партии (то есть первое партийное лицо) по Уралу и Сибири. Многие годы — член коллегии ЧК — ГПУ, член ЦК партии. С 1924 года Голощекин работает первым секретарем Компартии Казахстана. Приехав в Казахстан, он провозгласил там «гражданскую войну»

Янкель Хаимович Юровский — один из самых страшных преступников своего времени, собственноручно проливший кровь многих людей. После совершения убийства царя и его семьи получил в свое пользование богатый особняк в трехстах метрах от Ипатьевского дома. Чувствовал себя хозяином Екатеринбурга, да и был им на самом деле, возглавляя ЧК, его жена получила пост секретаря горкома, а дочь — вожака комсомола

Голощекин

и «маленький Октябрь», в результате чего люди умирали целыми семьями, «а трупы штабелями складывали и снегом до весны присыпали, потому как не было у людей сил долбить мерзлую землю».

«Степняки называли его: Ку Жак. В переводе это: Голые Щеки. Голое рыло...»[90]

С 1933 года Голые Щеки — главный арбитр СНК СССР, «творит большевистскую справедливость» во всесоюзном масштабе до тех пор, пока не был убит без суда во дворе Орловской тюрьмы 11 сентября 1941 года[91].

Войков (Вайнер) Пинхус Лазаревич, тридцати лет, мещанин города Керчи*, член партии с 1903 года, участник боевой организации, в 1907 году бежал из России, учился в Женевском университете, по профессии химик, впервые применил свои знания при уничтожении трупов. В 1917 году прибывает в Россию вместе с Лениным в «пломбированном вагоне», в июле 1918 года — комиссар продовольствия Уралсовета. При подготовке убийства отвечал за «хозяйственные вопросы». После убийства снял с одного трупа перстень с большим рубином и носил его (даже похваляясь). Убит в 1927 году в Варшаве.

Другой пассажир «пломбированного вагона» Сафаров Георгий Иванович наряду с Голощекиным был партийным куратором этого убийства. Последние две недели только им разрешалось посещать этот дом. Двадцатисемилетний Сафаров (Вольдин) был близок Троцкому и во многом подражал ему. Поддержка Троцкого позволила ему стать одним из руководителей Коминтерна и позднее вожаком советского комсомола. Но как член «объединенной троцкистской оппозиции» в 1927 году был смещен со всех постов, посажен, хлебнул всех прелестей нового правопорядка и был уничтожен в 1941 году[92].

Его друг и соратник по екатеринбургскому злодеянию Сосновский Лев Семенович, тридцатидвухлетний партийный публицист, сторонник Троцкого, прославился сборниками своих статей, проникнутых ненавистью к России, глумлением над русской историей (например, книга «Рассея»). В 1927 году разделил путь Сафарова (хотя и называл его мелким жуликом). В 1937 году уничтожен (Минувшее. № 7. С. 285).

* Отец Войкова был фельдшером на Надеждинском заводе, где начинал свою карьеру боевика Белобородов.

Белобородов Александр Григорьевич*, двадцати семи лет, образование начальное, в 1905—1907 годах мальчик на посылках у боевиков и «лесных братьев». В 1908 году арестован и судим за помощь боевикам. После разгона Учредительного собрания становится председателем Уралсовета. Пойман за руку на краже крупной суммы денег. Однако дело оставлено без последствия и он даже сохраняет свой пост[93]. Позднее становится членом ЦК партии. Организует трудовые армии. С 1923 года — народный комиссар НКВД, активно строит «новый правопорядок». В 1927 году вместе с коллегами по Екатеринбургу Сафаровым и Сосновским слетает со всех постов. В 1938 году уничтожен соратниками по духу.

Весьма характерно, что, когда организаторы убийства царской семьи в звериной борьбе за власть сами попали в созданный ими зловещий механизм убийств и насилия, то они повели себя подло и низко.

Все эти сафаровы, сосновские, зиновьевы, белобородовы, голощекины, как и их соратники бухарины, каменевы, розенгольцы и прочие представители ленинской гвардии, залившие Россию морем крови, охотно давали показания, чтобы спасти свою жизнь, соглашались подписать любую нелепость, любой вздор, лишь бы только выжить.

Партийный куратор убийства царской семьи Сафаров, чтобы спасти себя, заложил всех, кого ему подсказали «заложить», и причастных, и непричастных.

Он сообщил суду, далее цитируем, **«многочисленные факты о подпольной контрреволюционной деятельности «московского центра» (сфабрикованная чекистами подпольная организация.—** *О. П.*) **и, в частности, Зиновьева...». Он же подтвердил «многочисленные попытки «московского центра» организовать в разное время контрреволюционный блок с различными антисоветскими группами в целях развернутой борьбы против Советской власти».**

Хотя бы один из них показал стойкость, хотя бы один покончил жизнь самоубийством. Всеми ими владело господствующее чувство выжить любой ценой. Тот же Сафаров пишет под диктовку, например, такие слова:

* Существует версия, что настоящая фамилия Белобородова — Вайсброт. Однако разыскания в архивах ее не подтверждают. Белобородов — обыкновенный деклассированный элемент с уголовным прошлым.

Оперативные руководители злодейства: Толмачев, Белобородов, Сафаров, Голощекин

«Все (наши) мысли и идеи сводились к идеологическому оформлению буржуазно-реставраторской реакции против социализма... Политически в антипартийное подполье слилось в одну сплошную реакционную массу все контрреволюционные, антипартийные группировки. Мы стали конденсаторами контрреволюционной злобы и ненависти остатков эксплуататорских классов...»[94] Как эта демагогическая фразеология похожа на ту, которую он использовал в своей статье «Николай Кровавый» в июле 1918 года.

Теперь о Сыромолотове Федоре Федоровиче. Этот боевик и руководитель боевой организации был одной из ключевых фигур, которые вершили темные дела в Екатеринбурге в 1918 году. Родился он в 1877 году. Отец сильно пил. Сыромолотову с детства пришлось заниматься мелкой торговлей, непродолжительное время работал рабочим, а затем на среднетехнических должностях (закончил горное училище).

Близкий соратник Свердлова, в 1905—1907 годах — начальник сводной боевой дружины, куда входили большевики, эсеры и анархисты. Активно участвует в грабежах и убийствах. Часто живет на нелегальном положении, прерываемом кратковременными отсидками. Постоянно связан со Свердловым. В 1910 году подготавливает его

бегство из тюрьмы. В 1912 году живет с женой Троцкой Х. А. в Екатеринбурге. Однако вскоре ее, как еврейку, выселяют вместе с ребенком по месту жительства родителей в Петербург. Сыромолотов едет вслед за ней.

В 1917 году Сыромолотов возвращается в Екатеринбург, где становится одним из главных партийных боссов Урала, а позднее, уже в 1918 году,— комиссаром финансов. В советское время занимал крупные хозяйственные посты.

Наконец, самый молодой организатор убийства Лукоянов Федор Николаевич, двадцатичетырехлетний председатель Уралчека, из семьи чиновников, с юридическим образованием, любивший выступать в печати под именем Маратов. Фигура очень любопытная. С фотографии 1917 года (из фондов Пермского музея) на нас глядит совсем мальчишечка с круглыми щечками, а через два года почти не похожее лицо с жесткими чертами. В 1917 году Лукоянов — редактор газеты «Пролетарское знамя», а в 1918-м, как он сам пишет в автобиографии, **«создал на Урале ряд чрезвычайных комиссий и работал... сначала председателем Пермского Губчека (до июля 1918 года, а затем председателем Уральского областного чека (Екатеринбург). Был членом комиссии, судившей и руководившей расстрелом семьи Романовых»**[95]. Какие же «молодецкие» подвиги мог совершить Лукоянов, если в среде таких матерых пермских головорезов, как Иванченко, Жужгов, Марков, Колпащиков, Малков и Дрокин (о которых мы уже рассказывали), он сумел стать главарем?!

Во всяком случае в бюллетене № 1 Пермского окружного чрезвычайного комитета, который он возглавлял (а бюллетень выпускала его жена К. А. Будрина), говорилось:

«Пермский Окружной Чрезвычайный комитет предупреждает всех, кто будет вести агитацию против советской власти и распространять ложные нелепые слухи, что они будут преследоваться Чрезвычайным комитетом путем самых суровых мер и, в случае поимки на месте преступления, будут беспощадно расстреливаться»[96].

В 20-е годы Лукоянов занимает множество разных постов по линии печати, подобно Юровскому постоянно перекидывается с одного места на другое. Одно время является председателем газетного объединения и Комитета по делам печати, служит в Наркомторге личным консультантом Микояна. Сын своего времени, по зову

Председатель Уралчека Лукоянов. Прославился массовыми убийствами мирных граждан, согласно его приказам любое неподчинение большевистской власти наказывалось расстрелом.

сердца пишет доносы на своих партийных товарищей, о чем особо указывает в автобиографии. **«...Имел ряд конфликтов с Бухариным и его ставленниками Цыпиным и Лямом. Подал 2 заявления на Бухарина в ЦК ВКП(б)... и ЦК Союза работников печати и на ставленников его в райком ВКП(б)... Вредительское руководство «Известий» в лице Таля отказалось использовать меня на производстве...»**[97] По приходе в Отдел печати ЦК Мехлиса Лукоянов становится редактором журнала «Мукомолье». Умер в Москве в 1947 году.

В галерее убийц царской семьи видное место занимают члены оперативного руководства акцией Чуцкаев Сергей Егорович (1876—1946) — боевик и соратник Свердлова, увезенный в ГУЛАГ с поста председателя Комитета по устройству трудящихся евреев; Дидковский Борис Владимирович (1883—1938) — соратник Войкова, вместе учились в Женеве, уничтожен единомышленниками; Ефремов Михаил Иванович — старый боевик, один из первых руководителей Уралчека; Быков Павел Михайлович (1888—1953) — «летописец» злодеяния, председатель Екатеринбургской ЧК; Герцман Михаил Аронович (1888—1938) — хранитель оружия боевой дружины в 1905-м, один из партбоссов Екатеринбурга, уничтожен соратниками; и, наконец, Мячин (он же Яковлев, он же Стоянович) Константин Алексеевич (1886—1938) — уполномоченный ВЦИК по перевозке царской семьи из Тобольска, готов был лично уничтожить царя.

В галерее убийц Константин Алексеевич Яковлев занимает особое место. О нем можно было бы написать не одну книгу. Авантюрист и искатель приключений по призванию, он бурно прожил жизнь, закономерно закончив ее от пули. Мы уже рассказывали, какие кровавые «подвиги» он совершал, будучи одним из руководителей уральских банд — групп боевиков. В 1908 году ездил в Швейцарию на совещания боевиков. В 1909 году после очередного грабежа скрывается на Капри (Италия) у Горького. В 1917 году он — один из организаторов Всероссийской ЧК, член ее коллегии и даже был избран первым товарищем председателя ЧК. В начале 1918 года — один из руководителей акции по разгону Учредительного собрания, а также ответственный (по поручению Ленина) за выключение всей телефонной сети Москвы в день разгона Учредительного собрания (обо всем этом он геройски сообщает в своих автобиографических записках)[98].

Вот такому-то надежному человеку в определенный момент хотели поручить ликвидацию царя, и он был готов это выполнить.

В своих воспоминаниях Яковлев рассказывает, что однажды его вызвал Свердлов и как старому боевику задал шутливый вопрос: много, мол, народу перестрелял? Таковы были у них шутки, и, когда они вволю посмеялись, Свердлов сказал, что хочет, мол, поручить ему задание государственной важности. И, уловив в глазах Яковлева нетерпеливый блеск авантюриста, почувствовав его азарт, сказал: **«Ты заветы уральских боевиков не забыл еще? Говорить должно не то, что можно, а то, что нужно...»**

В общем, Свердлов поручает Яковлеву перевезти царя из Тобольска по маршруту, который будет сообщен дополнительно.

«Чтобы окончательно убедиться в правильности понятых мной инструкций,— пишет Яковлев,— я переспросил (Свердлова): «груз» должен быть доставлен живым? Тов. Свердлов взял мою руку, крепко пожал ее и резко отчеканил: «Живым. Надеюсь, выполнишь инструкции в точности. Все нужные телеграммы отправлены. Действуй конспиративно»(Урал. 1988. № 7. С. 151).

И вот начинается какая-то странная игра, разработанная, по-видимому, Свердловым. Поезд, в котором едут царь с царицей и с одной из дочерей, по распоряжению Свердлова следует сначала в Тюмень, затем в Омск, а потом направляется в Екатеринбург. Тайный маршрут царского поезда почему-то становится известен уральским большевикам. Проносится слух, что царь бежал. Объявляется всеобщая тревога. До сих пор в этой истории много неясного, но, скорее всего, в этой суматохе царя и царицу собирались просто убить, как бы при попытке к бегству, или устроить исчезновение, подобное «побегу» Михаила Романова. Какие-то вооруженные люди несколько раз намеревались напасть на поезд. Но что-то им помешало.

Можно только догадываться, что собирался сделать с царской семьей Свердлов, о чем он не мог сообщить в телеграмме, которую направил Белобородову и Голощекину (хранится в ЦГАОР). В ней говорилось: **«Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мной приказа. Сообщу подробности специальным курьером (выделено мною.—** *О. П.*). **Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте он действует согласно полученным от меня сегодня в 4 утра указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз никакого вмешательства. Свердлов»**[99].

В середине мая 1918 года Яковлев едет в Москву с отчетом, где его назначают командармом Урало-Оренбургского фронта (без протекции Свердлова и Троцкого получить такой пост было нельзя), а затем командируется в Уфу на формирование Второй армии.

Арестовывается белыми и таинственным образом спасается от смерти, недоброжелательные соратники утверждают, что ценой предательства. Бежит в Китай, где выполняет поручение НКВД. По возвращении в Москву в 1928 году арестован. Тут-то и начинается его тяжба с соратниками за лавры в деле убийства царской семьи.

В письме «Моим старым товарищам боевикам» Яковлев жалуется на «циническую обстановку», которая создана вокруг его имени некоторыми организаторами убийства Романовых, в частности Авдеевым и Быковым. **«Мое неожиданное возвращение,— пишет он,— для этих игравших в моем деле «героев общественного мнения», не в меру расхваставшихся, как спасали они революцию во время перевозки Романовых. Ошеломленные «герои» забегали, заметались... (ведь)... придется расстаться с наградой и доходами и сесть за клевету на скамью подсудимых».** А суть дела была в том, что Быков и Авдеев, чтобы поднять себе цену в деле убийства царя, объявили, что Яковлев пытался его спасти и только их вмешательство помешало ему осуществить это намерение. Но наверху, видимо, знали характер игры, которую вели Свердлов и Яковлев, и оставили навет без последствий. Правда, Яковлева все-таки посадили, но уже по другой статье. С 1929 по 1933 год он сидит на Соловках и строит Беломорканал, в 1933 году досрочно освобождается со снятием судимости и снова зачисляется в родные органы НКВД, где занимает руководящие должности по линии тюрем и лагерей. Сначала он становится начальником Осиновской группы 2-го отделения Сиблага ОГПУ, с 1936 года получает назначение в Томск на должность начальника Томского распредпункта НКВД, а затем начальника Анжерской КМР[100]. В 1938 году уничтожен соратниками по духу.

Теперь непосредственные исполнители. Самой зловещей, конечно, после Юровского, фигурой здесь является тридцатичетырехлетний Ермаков Петр Захарович, своего рода прототип Федьки Каторжного из «Бесов» Достоевского. Когда смотришь на его детскую фотографию, невольно возникает мысль о волчонке, готовом укусить руки родителей, стоящих вокруг своего «меньшенького». Второе фото — он в темной косоворотке, наглухо застегнутой, лежит на траве, длинные волосы, как у Махно, взгляд дикий и неприятный. В 23 года (в 1907 году) у него три пистолета, он уже убил, по крайней мере, одного человека — отрезал ему голову. Его арестовывают по подозрению в убийстве, но вину берет на себя другой боевик, которого по суду присуждают к виселице. А Ермаков снова на свободе, участвует в нападениях на транспорт с деньгами, занимается рэкетом. Всюду за ним тянется кровавый след. В 1910 году его ссылают в Вельск. В 1917 году он сколачивает отряд-шайку для изъятия земель и имущества крупных землевладельцев, первые безнаказанные расстрелы «контры». Ермакова с его отрядом направляют на подавление крестьянских восстаний — и снова расстрелы, главарей он убивает лично, о чем говорит в воспоминаниях. В июне 1918 года он подавляет восстание на Верхне-Исетском и Невьянском заводах. **«Были пойманы главари Аранс и учитель Пелеков и ряд других глава-**

П. З. Ермаков (1918)

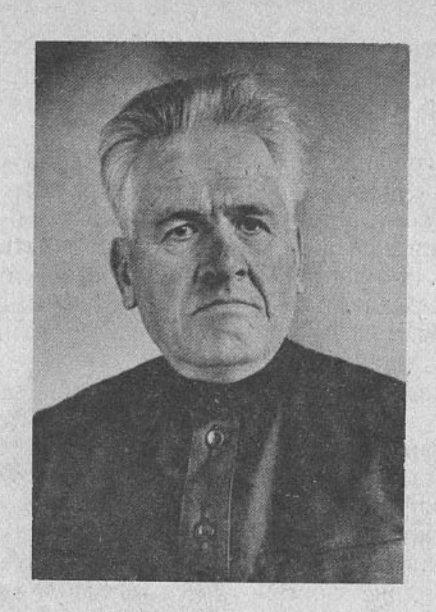
рей. Последние мной были уничтожены»[101]. К моменту убийства царской семьи руки Ермакова были обагрены кровью десятков жертв. Неудивительно, что именно ему поручили уничтожение тел.

На фотографии 1918 года у Ермакова бравый вид: гимнастерка с ремнями крест-накрест, галифе, офицерские сапоги, на боку маузер в деревянной кобуре. Снимок сделан в солидной фотографии (может быть, делал сам Юровский), на фоне декорации экзотических растений и камней. Взгляд дикий, разбойничий и по-прежнему вызывающий. Волосы покороче, чем в юности, но и сейчас издалека за Махно сойдет.

В 20-е годы Ермаков служит начальником милиции в разных городах, а с 1927 года становится одним из руководителей мест заключения в Уральской области — закономерная карьера легендарного боевика-террориста. Рассказывают, что в начале 30-х годов он лично казнил наиболее важных лиц, приговоренных к расстрелу. Тогда было арестовано более двух тысяч руководителей области, из них примерно треть — расстреляна. Как не помочь в любимом деле!

В 20—30-е годы Ермаков охотно встречается с коллективами трудящихся, рассказывает о подробностях расстрела царской семьи и о своей особенной роли в нем. Те, кто знали его, отмечают за ним страсть к алкоголю. Выпив, он становился особенно болтлив. **«Я лично расстрелял царя, царицу и наследника,— кричал он,— я впервые на Урале устроил крематорий»,**— часто повторял Ермаков[102]. Говоря о крематории, он имел в виду сжигание тел представителей царской семьи. На фотографии конца 30-х годов мы видим типичного чекиста-начальника тех лет, располневшего, в гимнастерке с ремнем, в сапогах, из гимнастерки торчит приличное брюшко. Вид самоуверенный, взгляд, как и в юности, неприятный и даже отталкивающий.

Был он, если судить по воспоминаниям, очень тщеславный, падкий на славу и похвалу. Любил, чтобы его отличали и награждали. Но вот что меня удивило: за такие «большие заслуги» он не был награжден орденами и медалями. Я просмотрел его личное дело — правительственных наград у него нет. Вот только в воспоминаниях Ермаков пишет, что в 1930 году рабочие Верх-Исетского завода, профбюро и партбюро милиции преподнесли ему как стойкому ленинцу браунинг, а в 1931 году присвоили

П. З. Ермаков, чекист в отставке

звание почетного ударника и выдали грамоту за выполнение пятилетки в три года[103].

К концу 30-х годов распоряжением свыше ему запретили выступать с рассказами о своих «подвигах». Родственники вспоминают, что перед самой войной постучались люди Берии, взяли Ермакова под руки, посадили на самолет, привезли в столицу, разместили в гостинице «Москва». Не разрешали выходить, и три дня он писал воспоминания о расстреле царской семьи. Вернулся из Москвы радостным, так как не чаял остаться живым. Нравы своих соратников знал. Но язык с тех пор прикусил. Хотя, по свидетельству очевидцев, во время войны, бывало, выступал с рассказами в некоторых военных частях*. Умер Ермаков в 1951 году, похоронен с почестями возле памятника героям гражданской войны, именем его названа улица Свердловска.

* В 1941 году в Свердловск приезжала жена пламенного революционера Свердлова — Новгородцева и встречалась с Ермаковым. На фотографии этого времени изображены два старых большевика после вечера воспоминаний своих исторических заслуг[104].

Ермаков имел большой отряд, состоявший преимущественно из деклассированных уголовных элементов. Ближайшими сподвижниками Ермакова были: беглый кронштадтский матрос Степан Ваганов, Александр Болотов, Василий Леватных, Александр Костоусов, Алексей Грудин, Александр Рыбников.

Ваганова впоследствии растерзали родственники и близкие тех людей, которых он зверски убивал и грабил. Такая же участь, конечно, ждала и главаря шайки Ермакова, но он вовремя исчез.

Зашел я в дом старых большевиков, где с 30-х годов жил этот пламенный революционер. Когда-то здесь было спецраспределение и спецобслуживание. Но всему приходит конец. Дом, построенный в духе конструктивизма, сильно обветшал, квартиры требуют ремонта. В квартире Ермакова живут другие люди, его не знают. Не помнят его и в квартирах рядом. С час хожу по двору, расспрашиваю стариков. Нет, никто не помнит...

О Никулине (род. 1894) — подручном Юровского — узнать удалось мало. Известно, что посылала его ЧК на задание в качестве сексота в Академию Генерального штаба, которая в 1918 году находилась в эвакуации в Екатеринбурге. Никулин исправно сообщал в ЧК обо всех делах. Добросовестно участвовал в расстрелах*. Этим, видимо, и заслужил благоволение Юровского. Сильно «подружились» они, умирая, Юровский сделал его своим доверенным лицом[105]. В архиве я видел фотографию — оба с женами на берегу моря, на курорте. В 20-е годы Никулин работал начальником Московского уголовного розыска, а позднее — в коммунальном хозяйстве столицы. После войны избирался депутатом местного Совета. В 60-е годы записал на магнитофонную пленку воспоминания. Умер как почтенный человек.

Активными организаторами и участниками убийства были чекисты Сахаров, Горин, Радзинский, Павлушин, начальник милиции Екатеринбурга Петров Алексей Николаевич (1886—1962). О последнем родственники говорили, что он сам рассказывал о своем участии в убийстве царской семьи. Со слов родственников, «жестокий был. В Вятке попов в проруби топил ночью». В архивном деле — фотография «коллектива» Екатеринбургской милиции

* Никулин даже имел кличку «Пулеметчик» за участие в массовых расстрелах.

того времени. Подвыпившие, с бандитско-дегенеративным выражением лица милиционеры наслаждаются своей властью над городом. Один из них вытащил пистолет и наставляет его на фотографа. Рядом с самим начальником Петровым женщина в шикарной шубе с чужого плеча (может быть, даже получила ее при дележе царского имущества). Петров состоял в ВКП(б) с 1905 по 1924 год. Выбыл по собственному желанию[106].

Теперь иностранные наемные убийцы. Их в галерее семеро:

Андреас Вергази
Ласло Горват
Виктор Гринфельд
Имре Надь
Эмил Фекете
Анзелм Фишер
Изидор Эдельштейн.

Иностранные наемники старательно отрабатывают свой паек. А после убийства первыми принимаются грабить трупы.

В чекистских делах 1918 года немало документов, посвященных военнопленным, протоколы допросов, доносы. Военнопленные стараются вырваться на родину, а большевики им всячески препятствуют. Боятся пропустить их как через Сибирь, так и через Центральную Россию, вдруг они выступят на стороне белых. Среди военнопленных немало доносчиков, которые за плату регулярно сообщают в ЧК о том, что думают и делают их товарищи по плену. Особенно усердствует некто Иоган Тийк. По его доносу ЧК арестовывает целый ряд военнопленных[107].

По-видимому, из таких же типов была сколочена и эта семерка*.

Кроме основных участников убийства, существовало еще несколько десятков подручных из караульной команды, возглавляемой Павлом Спиридоновичем Медведевым[108]. Вот фамилии некоторых из них:

Стрекотин Андрей Андреевич (1891—1918)

* Большой вопрос о дальнейшей судьбе этих наемных убийц. Куда они делись, почему никто из них не оставил воспоминаний? Не исключено, что их товарищи-чекисты тогда сами устранили, по крайней мере, пятерых. В окрестностях «Ганиной ямы» были обнаружены трупы пяти мужчин, носивших австрийскую военную форму.

Летемин Михаил Иванович (ум. 1918)
Попов Николай Иванович (род. 1894?)
Талапов Иван Семенович (1900—1920)
Старков Иван Андреевич (ум. 1918)
Зайцев (ум. 1918—1919)
Чуркин Алексей Иванович (1897—1919?)
Садчиков Николай Степанович (род. 1897)
Добрынин Константин Степанович (1896—1920)
Орлов Александр (1899—1932)
Проскуряков Филипп (род. 1900)
Подкорытов Николай (род. 1899)
Черепанов
Старков Андрей Семенович (инвалид)
Сабуров Александр Федорович (род. 1901)
Турыгин Семен Михайлович (род. 1899)
Сафронов Вениамин Яковлевич
Котегов Иван Павлович
Емельянов Федор (род. 1898)
Стрекотин Александр Андреевич (род. 1897)
Якимов Анатолий
Нетребин Виктор Никифорович (род. 1900)
Клещеев Иван Николаевич (род. 1897).

Расскажем немного о последнем. Иван Николаевич Клещеев родился в 1897 году, учился плохо, был исключен из училища, с детства воровал, перед Февральской революцией ушел из дома под предлогом поиска работы, жил среди босяков, приворовывал. В конце 1917 года он уже числился в красногвардейцах по «отобранию и реквизиции имущества» у частных владельцев. В феврале 1918 года со своими товарищами ночью ворвался в дом к бывшему хозяину фабрики и, размахивая револьвером, требовал денег и имущества. С апреля 1918 года Клещеев служил охранником Дома особого назначения, приезжая на побывку домой, привозил разные ценные мелкие вещи, украденные у царской семьи. Напившись, ходил по заводу и бахвалился среди рабочих фабрики, что женится на одной из дочерей Николая Второго и что если она не пойдет за него добровольно, то он силою возьмет ее. После убийства царской семьи Клещеев служил в охране интендантских складов, украл сукно и при попытке его продать попался. Его судили и послали на 6 месяцев на принудработы[109].

Большая часть охранников были выходцы из города Сысерти. Я долго задавал себе вопрос: почему именно из

Сысерти вышло столько подручных для этого зверского убийства.

Какое-то значение, наверное, имел тот факт, что будущая жена Свердлова Новгородцева (р. 1876 г.) работала учительницей в народном училище. Она имела здесь учеников, которые потом были на партийной и государственной работе (правда, они плохо кончили: так, Гребнев Л. А. выбросился в 1936 году из окна 4-го этажа, а Старков А. Ч. в этом же году был посажен). По некоторым данным, бывал здесь и сам Я. Свердлов, для его боевиков в Сысерти делали оболочки для бомб[110].

В ноябре 1917 года отряд из сысертцев, не желавших работать, участвовал в подавлении крестьянского восстания в с. Багаряк, сопровождавшемся массовыми убийствами и грабежами. Добровольные каратели привезли из этого похода немало сельхозпродуктов, чем и похвалялись.

Я был в этом городе, бродил по нему, разговаривал с жителями, копался в фондах музея, интересовался историей. Рабочие до 1917 года жили здесь зажиточно, лучше, чем сейчас. Зарабатывали хорошо, имели справные хозяйства. Каждый двор все равно что крепость. Высокие ворота, открываешь — замкнутое пространство, двор, замощенный большими гранитными плитами. Все в одном дворе — и дом, и склад, и погреб, и баня, и конюшня, и хлев. Задняя калитка ведет на огород. В общем, мой дом — моя крепость. В Центральной России такого не было. Задаю вопрос: почему все-таки сысертцы были в подручных у царских убийц? Мнутся старики, молчат. Некоторым вопрос не по душе, отвечать не хотят, некоторым, вижу, совестно. «Деньги у нас здесь здорово рабочие любили, да и в церковь редко ходили. Когда революция началась, управляющего заводом Макроносова в Екатеринбург увезли и там расстреляли. А главное даже не в этом,— сказал мне один старичок,— я так понимаю, что их кровью повязали. Я-то запомнил то время, когда добровольцев скликали казнить царя, всякие блага обещали, 400 рублей в месяц, паек хороший. Но вначале никто не шел. И тогда партейные другой разговор повели. Вспомнили нашим мужикам из отряда, особенно, кто поактивнее был, как они ходили крестьян подавлять, которые были с советской властью не согласны, много человек поубивали. «Вот,— говорили они,— если вернется

старая власть, придется и нам и вам, всем отвечать за эти дела, спросят, кто убивал?»

Кровью повязали — не здесь ли ответ на многие вопросы! И чтобы понять трагедию царской семьи, надо еще раз перечитать «Бесов» Достоевского. Горстка нигилистов, без корней и без морали, сеет смуту в глухом провинциальном городе России. Верховенские и Шигалевы (Свердловы и Голощекины) с помощью деклассированных уголовных элементов типа Федьки Каторжного (Петра Ермакова или Маркова) создают систему террора и насилия. Придуманная Шигалевым новая система организации мира и есть практика большевизма. Политическим «новаторством» большевизма (отличием его от других политических движений) было смелое вовлечение в сферу политики деклассированных и бандитских элементов, активное использование уголовных и аморальных методов борьбы. Кровью Шатова нигилисты хотели скрепить круговой порукой кучку своих сообщников. А ведь и скрепили ряды своих боевиков еще в 1905—1907 годы и кровью убитых повязали, попробуй выйти из организации, ведь ты тоже участвовал в убийствах! Убив царя и царскую семью, большевики теперь уже намертво скрепили кровью свою организацию.

Отражая мнение верхушки большевиков, Лев Троцкий писал в своем «Дневнике»: «...Казнь царской семьи была нужна не просто для того, чтобы напугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что впереди полная победа или полная гибель»[111] (выделено мною.— *О. П.*).

Решение об убийстве царской семьи было принято наверху, и Троцкий откровенно признается в этом. «Белая печать,— пишет он,— когда-то очень горячо дебатировала вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья... Постановление вынесено было в Москве (здесь и далее выделено мною.— *О. П.*). В один из коротких наездов в Москву я мимоходом заметил в Политбюро, что, ввиду плохого положения на Урале, следовало бы ускорить процесс царя. Я предлагал открытый судебный процесс. Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если б было осуществимо. Но... времени может не хватить. Прений никаких не вышло. Ленин в тот период был настроен довольно сумрачно, но очень верил тому, что удастся построить армию... Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом: «Да, а где царь?» — «Кончено,— ответил он,— расстрелян».— «А семья где?» — «И семья с ним».—

«Все?» — спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.— «Все!— ответил Свердлов.— А что?» Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил. «А кто решал?» — спросил я. «Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам их живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях». Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразно, но и необходимо. Суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем...»[112]

Итак, галерея убийц царской семьи, начавшаяся в Екатеринбурге, неизбежно выводила к Москве. Ленин, Свердлов, Троцкий — верховные руководители убийц, и потому их деятельность не может расцениваться в категориях политики, а только по статьям Уголовного кодекса. Даже если бы больше они не совершили ни одного преступления (а их была тьма), убийства царской семьи им достаточно для полного бесчестья, для отторжения их от цивилизованного мира, для предания их уголовному суду.

Убийство царской семьи было закономерным актом сложившейся большевистской антирусской, антинародной системы. Она не могла развиваться, не убивая своих политических оппонентов и соперников, главными из которых были тогда члены царской семьи. Приняв в свои арсеналы уголовные мафиозные методы борьбы (убийства, запугивание, шантаж и т. п.), большевизм еще в 1905—1907 годах кончился как идейное течение и превратился в уголовную мафию под тонкой идейной оболочкой, орудие разрушения русского государства. Среди большевистских лидеров не найдется ни одного, который бы не был замешан в самых кровавых и злодейских преступлениях. Их роль в убийстве царской семьи — яркий пример этому. ГУЛАГ был закономерным развитием большевизма, так же как и взаимное уничтожение соратников по борьбе. Мораль есть функция социальных интересов, следовательно, функция политики, любил повторять Троцкий. А значит,— политическая цель оправдывает любые самые кровавые и жестокие средства, что и осуществлялось в жизни, пока режим, слава Богу, не обескровил сам себя.

Говорят, что убийц всегда тянет на место преступления, особенно перед собственной смертью. Наверно, это правда.

В апреле 1922 года Ленин рвется в Екатеринбург, точнее, в местечко Шарташ, в 4 км от Екатеринбурга,

«местность, которую (по словам М. И. Ульяновой.— *О. П.*) ему расхвалили уральские товарищи (большое озеро, сосновый лес)». «Уральские товарищи,— продолжает М. И. Ульянова,— наспех приводили в порядок домик, где должен был поселиться Владимир Ильич, а мы начали готовиться к отъезду» (Известия ЦК КПСС. № 2. 1991. С. 134). Однако резкое ухудшение здоровья, а затем и смерть не позволили сбыться желанию вождя пламенных революционеров.

ОГРАБЛЕНИЕ

Сразу же после убийства царской семьи (трупы еще лежали теплые) начался грабеж. **«При выносе трупов,— отмечает Стрекотин,— некоторые из наших товарищей по команде стали снимать находящиеся при трупах разные вещи, как то: часы, кольца, браслеты, портсигары и другие вещи... Юровский... предложил нам добровольно сдать... вещи. Кто сдал полностью, кто часть, а кто и совсем ничего не отдал»**[113]. То же самое пишет Юровский: «Тут начались кражи: пришлось поставить трех надежных товарищей для охраны...»[114] Ценности Юровский приказал передавать ему.

С рассветом команда начала рыться в вещах убитых. Кто-то глумился, зачитывая фразы из царского дневника, кто-то копался в женском белье, давая похабные комментарии, кто-то со смехом демонстрировал интимные принадлежности жертв. Дан приказ искать ценности. **«Один из товарищей,— пишет В. Н. Нетребин, восемнадцати лет,— просматривая нательное белье, предназначавшееся для стирки и принадлежащее бывшим княжнам, со смехом тряс таковое. В белье он нашел пояс из черного бархата. Этот пояс был обшит пуговицами, тоже из черного бархата, но имеющий в середине что-то твердое, наподобие дерева. Пояс очень похожий на кучерский. «Что это Николай в кучера готовился, что ли, ребята»,— сказал товарищ, нашедший пояс, и решил его подвергнуть той же участи, что и иконы. (Иконы они свалили в одну кучу со всяким хламом, предварительно разбив об пол.—** ***О. П.*****) «Кидай вон на Николу Святителя»,— предложил кто-то из ребят, указывая на вблизи валявшуюся икону Николая Святителя, большого размера. Пусть, мол, он подпоясывается, продолжал смеяться тот же товарищ. Пояс полетел. Через некоторое время товарищ, кинувший пояс, снова поднял его и разорвал на одной из пуговиц бархат. Вместо мнимого дерева оттуда блистал бриллиант. Мы все стояли как вкопанные, пораженные неожиданным раскрытием этих дьявольских хитростей»**[115].

Перетряхивая все вещи в доме, охрана обнаружила много золота и драгоценностей. Долго рылись в десятках сундуков царской семьи, лежащих в кладовой. **«У каждого члена семьи была отдельная связка ключей и свой порядковый номер на таковых. Полный таз подходящей величины был наложен ключами. В сундуках мы не встретили ценностей. Тут была «всячина» начиная с многочисленных портретов Распутина и кончая полным сундуком разных... (интимных принадлежностей)»**[116].

После такого погрома и перетряски вещей **«комната была сплошь покрыта солидным слоем, самый большой процент которого составляли иконы, флаконы, пустые и заполненные многочисленными сортами духов и одеколона, карточками и портретами...»**[117].

Из имущества царской семьи команде были выделены различные вещи, папиросы, сигареты и другое[118].

Но самое главное, что они нахапали сами. Это не поддавалось учету. Начальник караула Медведев, из сысертских рабочих, украл, видимо, больше всех, но обнаружить удалось только небольшую часть — деньги, серебряные кольца, разные ценные безделушки. Его «боец» Летемин, тоже сысертец, украл около ста вещей, дневник царевича Алексея и собаку царевича Джой[119].

Все столы в комнате Юровского были завалены грудами золотых и серебряных вещей. Постоянно в этой комнате вертелся Медведев.

Юровский и Медведев подавали пример во всем. На встрече со старыми большевиками в 1934 году (стенограмма хранится в Свердловском партархиве) Юровский рассказывал, как после убийства царской семьи они, чтобы развлечься, надевали военные мундиры царя и весело маршировали. «Свой» мундир Юровский отдал сторожу. Много вещей и одежды было роздано родственникам подручных убийц, что было обнаружено следственной комиссией Соколова.

По данным, полученным следователем Соколовым, предуралсовета Белобородов тоже получил свою долю. Участвовал он и в дележе вещей убитых близких придворных императора — генерала Татищева, Долгоруковой, фрейлин Гендриковой и Е. А. Шнейдер, хранившихся в помещении Волжско-Камского банка.

Шая Голощекин по дороге в Москву раздавал вещи, принадлежавшие царской семье. Так, некоей Голубевой, служившей казначейшей при исполкоме, Голощекин подарил пуховую подушку царицы и женские ботинки на

пуговицах, очень хорошей мягкой кожи. Член Уралсовета Дидковский подарил своей любовнице сапожки, принадлежавшие одной из великих княжен. Один из руководителей Уралчека Валентин Аркадьевич Сахаров получил золотое кольцо с бирюзой, снятое с руки великой княжны Анастасии Николаевны.

После ухода большевиков в Ипатьевском доме не осталось ничего ценного, ни одной вещи из носимого жертвами белья, платьев, обуви и верхней одежды. В Москву было вывезено, кроме золота и бриллиантов, три вагона вещей царской семьи. Эти вещи распределялись между работниками и членами семей большевистского аппарата. Бухарин в одном из недавно опубликованных писем замечает, как жены народных комиссаров жаждали владеть бриллиантами и драгоценностями, принадлежавшими царской семье.

Полное ограбление царской семьи было задумано высшим эшелоном большевистской власти еще за несколько дней до убийства. 13 июля 1918 года Совет Народных Комиссаров принимает декрет «О национализации имущества низложенного российского императора и членов бывшего императорского дома». Этот декрет, опубликованный уже после убийства царской семьи (19 июля), гласил:

«1. Всякое имущество, принадлежащее низложенному революцией российскому императору Николаю Александровичу Романову, бывшим императрицам Александре и Марии Федоровнам Романовым и всем членам бывшего российского императорского дома, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось, не исключая и вкладов в кредитных учреждениях, как в России, так и за границей, объявляется достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

2. Под членами бывшего российского императорского дома подразумеваются все лица, внесенные в родовую книгу бывшего российского императорского дома: бывший наследник цесаревич, бывшие великие князья, великие княгини и великие княжны и бывшие князья, княгини и княжны императорской крови.

3. Все лица и учреждения, знающие о месте нахождения имущества, указанного в статье 1-й настоящего декрета, обязаны в двухнедельный срок со дня опубликования настоящего декрета представить соответственные сведения в Народный Комиссариат по Внутренним Делам. За умышленное несообщение указанных в настоящей статье сведений виновные подлежат ответственности, как за присвоение государственного достояния.

4. Уполномоченные Российской Социалистической Федеративной Советской Республики за границей обязаны немедленно по опубликовании настоящего декрета приложить все старания к получению сведений о месте нахождения имуществ лиц, указанных в 1-й статье декрета. Находящиеся за границей российские граждане обязаны предоставить известные им сведения о местонахождении имуществ, указанных в ст. 1-й декрета, соответственным уполномоченным Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

5. Указанные в статье 1-й имущества, находящиеся в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, кроме денежных ценностей, поступают в ведение Народного Комиссариата по Внутренним Делам. Денежные ценности сдаются в доход казны — в Казначейства или в учреждения Народного Банка; находящиеся же за пределами Республики, в том числе и в заграничных банках, поступают в ведение соответствующих уполномоченных Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич.

13 июля 1918 г.» (Известия ВЦИК 19 июля 1918).

Сам факт принятия этого декрета 13 июля, а опубликования 19 июля лишний раз свидетельствует о том, как тщательно готовились к убийству большевистские руководители. Пройдет еще немного времени, и жены руководителей большевистского режима и советских послов будут щеголять украденными драгоценностями царской семьи. Кстати, еще сам убийца Юровский, став одним из руководителей Гохрана, будет крайне удивлен исчезновением неизвестно куда значительной части царских драгоценностей (о чем у него завяжется достопамятная переписка с Ильичем). Но это потом, а сейчас Юровский складывает в свой баул залитые кровью драгоценности царской семьи стоимостью в десятки миллионов рублей.

Вошедший в дом 25 июля представитель белой армии увидел невероятный хаос. Во всех комнатах были разбросаны по полу, на столах, диванах, за шкафами и ящиками различные цельные, помятые, разломанные и скомканные вещи и вещицы, принадлежавшие царской семье. Больше всего их было в комнате первой слева от вестибюля, где размещался Юровский. Валялись порванные, смятые и обгорелые записки, обрывки писем, фотографий, картинок, разбросаны книжки, молитвословы, Евангелия; были кинуты на пол иконы, образки, крестики, четки, обрывки цепочек и ленточек, на которых они подвешивались, а икона Феодоровской Божией Матери, с которой царица никогда, ни при каких обстоятельствах путешествия не расставалась, была брошена в помойку во дворе, со срезанным с нее очень ценным венчиком из крупных бриллиантов.

Брошенными валялись пузырьки и флакончики со святой водой и миром, вывезенные, как значилось по надписям на них, еще из Ливадии, Царского Села и костромских монастырей; разбросанными, изломанными валялись всюду шкатулки, узорные коробки, рабочие ящики для рукоделий, дорожные сумки, саквояжи, сундучки, чемоданы, корзины и ящики и вокруг них вывороченные оттуда вещи, предметы домашнего обихода и туалета. Как выразился профессиональный юрист, увидевший эту картину: «Здесь произошло убийство и ограбление».

ЗАМЫВАЮТ СЛЕДЫ

Зверское убийство одиннадцати человек в небольшой комнате превратило ее в страшное место — лужи крови на полу, стены обрызганы кровью. Анфилада комнат, ведущих к выходу, вся в крови. Пьяные мечущиеся убийцы с окровавленными руками и в одежде, запачканной кровью. Руки вытирают прямо об обои. Кто-то проходя сорвал покрывало с одной из кроватей, вытер окровавленные руки и бросил его. Надо замывать следы. На это дело бросают всех, кроме уехавших хоронить трупы и постовых. Об этом рассказывает участник событий Филипп Проскуряков. **«На другой день, после получки жалованья,— сообщает он следователю,— значит, во вторник 16 июля до 10 часов утра я стоял на посту у будки около Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Егор Столов, с которым я вместе жил в одной комнате, стоял тогда в эти же часы на посту в нижних комнатах дома. Кончив дежурство мы со Столовым пошли попьянствовать на Водочную улицу, к милиционеру 2-й части по имени Адольф, потому что, как мы знали от него самого, у него был денатурат. Напились мы со Столовым денатурату и под вечер пришли домой, так как нам предстояло дежурить с 5 часов. Медведев увидел, что мы пьяны, и посадил нас под арест в баню... Мы там и уснули.**

...Спали мы до 3-х часов ночи. В 3 часа ночи к нам пришел Медведев, разбудил нас и сказал нам: «вставайте, пойдемте». Мы спросили его: куда? Он нам ответил: «Зовут, идите». Я потому говорю, что было

это в 3 часа, что у Столова были при себе часы, и он тогда смотрел на них. Было именно 3 часа.

Мы встали и пошли за Медведевым. Привел он нас в нижние комнаты дома Ипатьева. Там были все рабочие-охранники, кроме стоявших тогда на постах. В комнатах стоял как бы туман от порохового дыма и пахло порохом. В задней комнате с решеткой в окне, которая рядом с кладовой, в стенах и в полу были удары пуль. Пуль особенно было много в той стене, что напротив входной двери, но были следы пуль и в других стенах. Там, где в стенах и полу были пулевые отверстия, вокруг них была кровь; на стенах она была брызгами и пятнами; на полу — маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови и во всех других комнатах, через которые нужно было проходить во двор дома Ипатьева, где были следы от пуль. Были такие же следы крови и во дворе к воротам на камнях. Ясное дело, в этой именно комнате с решеткой незадолго до нашего со Столовым прихода расстреляли много людей. Увидев все это, я стал спрашивать Медведева и Александра Стрекотина, что произошло? Они мне сказали, что только что расстреляли всю царскую семью и всех бывших с нею лиц, кроме мальчика.

Медведев приказал нам со Столовым убирать комнаты. Стали мы все мыть полы, чтобы уничтожить следы крови. В одной из комнат было уже штуки 4—5 метел... По приказанию Медведева Кронидов принес из-под сарая со двора опилок. Все мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь. Кровь на стенах, где был расстрел, мы смывали мокрыми тряпками. В этой уборке принимали участие все рабочие, кроме постовых. И в той именно комнате, где была побита царская семья, уборку производили многие. Помню я, что работали тут человека два «латышей», сам Медведев, отец и сын Смордяковы, Столов. Убирал в этой комнате и я. Но были еще и другие, которых я забыл. Таким же образом, то есть водой, мы смывали кровь во дворе и с камней...»

НАДПИСИ НА МЕСТЕ УБИЙСТВА

Комната, где было совершено злодеяние, была тщательно вымыта. Но следы крови все равно оставались. На всех стенах отверстия от пуль, на полу следы пуль и штыка. А на стене были начертаны две зловещие надписи, которые выражали духовное и эмоциональное состояние организаторов или участников убийства.

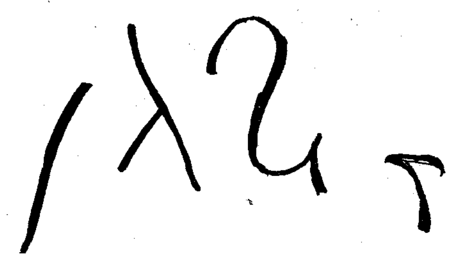
Кто написал эти слова, мы можем только догадываться. Но ясно одно, что он понимал роль царя и царской власти в России. Осознавая последствия убийства — крушение тысячелетних духовных структур российской государственности. И с радостью констатировал, что он приветствует крушение исторической России. В одной надписи проводится историческая параллель России и Вавилона, Николая Второго и вавилонского царя Валтасара. Валтасар обижал израильского Иегову и его последователей и за это поплатился жизнью. После убийства Валтасара пало и Вавилонское царство, после убийства Николая Второго падет русская держава.

Надпись была по-немецки:

Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht.

Эти строчки из стихотворения Г. Гейне «Валтасар». По-русски они переводятся так: «В эту самую ночь Валтасар был убит своими слугами (холопами)».

Другая надпись, состоящая из четырех каббалических знаков,

дает основание считать, что кто-то из убийц придавал убийству ритуальный религиозный характер.

В Британском музее находится книга Энеля «Жертва», в которой он дает расшифровку этой каббалической надписи. «Полное раскрытие тайного значения надписи,— пишет он,— выражается так: **«Здесь, по приказанию тайных сил, царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы»**[120] (выделено мною.— *О. П.*).

Конечно, это были надписи идеологов убийства, которые знали, что делают и на что идут. Но в доме было оставлено и множество других надписей, которые отражали «духовное» состояние босяцких, уголовных элементов, охранявших царскую семью. «Дух» Верховенского и Федьки Каторжного пронизывал всю атмосферу дома Ипатьева. Верховенский — Юровский мог изъясняться на плохом немецком. Социально близкие ему элементы — федьки каторжные (Ермаков, Летемин, Клещеев) говорили на привычном им языке Хитрова рынка и уголовных при-

тонов. Стены всех комнат нижнего этажа, где квартировали охранники-палачи; наружная стена дома на террасе, где дежурили часовые; будка дежурного часового на углу были испещрены «многочисленными разнообразными циничными и похабными надписями, порнографическими рисунками, безграмотными хулиганскими стихами и хитровскими изречениями». Тесный союз Верховенского и Федьки Каторжного проявился в доме Ипатьева наиболее прочно и взаимовыгодно.

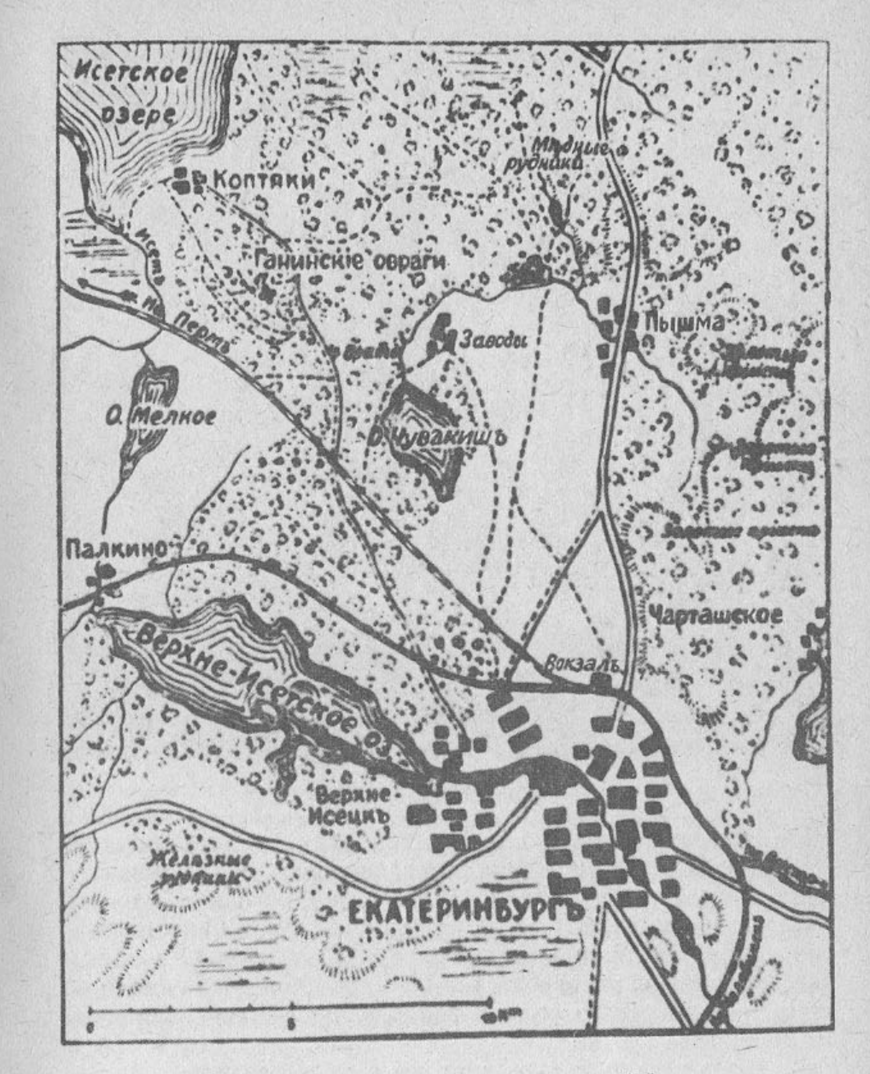
ЦАРСКИЕ ЯМЫ

Помните, как говорили большевистские боевики: **«Акт совершить нетрудно, главное, замести следы».**

В 1918 году место, куда убийцы везли тела расстрелянных, представляло страшную глухомань. От переезда железнодорожной линии по густому, сильно заросшему лесу шла узкая конная дорога. На расстоянии 3 верст от переезда дорога раздваивалась на две ветки возле урочища «Четыре брата». Название это оно получило от когда-то росших здесь из одного корня четырех могучих сосен. В 1918 году от этих сосен оставалось только два развалившихся пня. Как раз за этими пнями главная ветка дороги шла к северу, проходя ряд луговин, носящих общее название «Большой покос», именно она вела на Коптяки.

Другая ветка дороги от урочища «Четырех братьев» шла к югу через заболоченные места и использовалась преимущественно зимой. Местное название ее было «дорога на плотинку», так как на высоте «Большого покоса» пересекала на плотинке очень топкое болото. Гать по этой плотинке уже в то время была совершенно развалившаяся и непроезжая, а проходимая только зимой, когда болото замерзало.

Верстах в двух севернее «Большого покоса» и плотинки обе ветки соединялись и, таким образом, ограничивали обширный район, который в 1918 году носил название района «Ганиной ямы». Общая его протяженность составляла приблизительно 5 верст. Примерно в середине этого района, недалеко от главной ветки и в полутора верстах от «Четырех братьев», имелся маленький прудик, собственно и называвшийся «Ганиной ямой». От этого прудика к «Четырем братьям» тянулись ста-

Карта местности, где заметали следы убийцы

Коптяковский лес

рые заброшенные рудничные разработки, представлявшие собой сеть завалившихся шахт, шурфов, обвалившихся больших и малых котлованов. Следователь Соколов, обследовавший это место со своими многочисленными помощниками, нашел здесь более 30 шахт, большое количество шурфов и котлованов. Обследование затруднялось тем, что это место сильно заросло травой, кустарником и деревьями.

...Наша машина еле идет по сырому захламленному лесу, в 2 километрах от деревни Коптяки. Недавно прошли дожди, лесная дорога, и так разбитая тракторами и тяжелыми машинами, превратилась в непроходимое болото. Даже наш вездеход на двух ведущих мостах с пониженной передачей не справляется с ней. Часто приходится объезжать стороной, по разбитым отвороткам, цепляясь за деревья и кусты. Преобладают два вида деревьев —

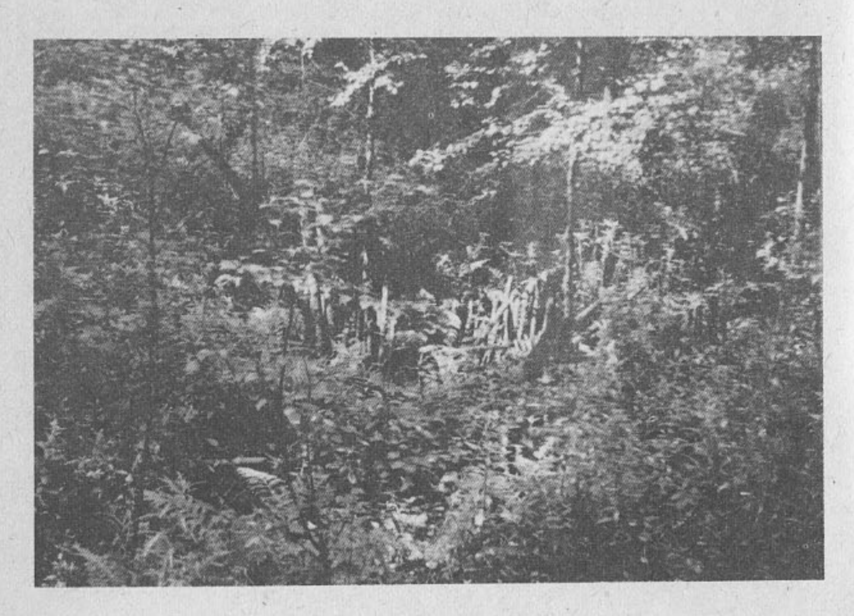
береза и сосна, причем березы больше. Мы ищем место, куда привезли для захоронения тела. Долго блуждаем. Обращаемся к старожилам. И наконец, нас привозят на это место, которое у старожилов сейчас называется Царской ямой (или Царскими ямами). От основной лесной дороги, если двигаться в сторону Коптяков, влево ведет незаметная отворотка, которая спускается как бы в лог. От основной дороги метров 150—200. Отворотка упирается в небольшую поляну размером примерно 80 на 50 метров. По краям — березы и сосны. В левом углу среди кустов шахта в виде двух смежных колодцев. Шахта давно уже осыпалась, только крепежные деревянные конструкции, довольно хорошо сохранившиеся, точно указывают ее месторасположение.

Сюда утром 17 июля привезли трупы царской семьи. **«Удаление трупов и перевозка,— пишет Юровский,— лежала на обязанности т. Ермакова... Около трех часов выехали на место, которое должен был приготовить Ермаков за Верхне-Исетским заводом. Сначала предполагалось везти на автомобиле, а после известного места — на лошадях (т. к. автомобиль дальше проехать не мог, местом выбранным была брошенная шахта). Проехав Верхне-Исетский завод в верстах 5, наткнулись на целый табор — человек 25 верховых, в пролетках и т. д. Это были рабочие (члены Совета, исполкома и т. д.), которых приготовил Ермаков. Первое, что они закричали: «Что ж вы нам их неживыми привезли?!» Они думали казнь Романовых будет поручена им. Начали перегружать трупы на пролетки, тогда как нужны были телеги. Это было очень неудобно. Сейчас же начали очищать карманы — пришлось и тут пригрозить расстрелом и поставить часовых. Тут и обнаружилось, что на Татьяне, Ольге, Анастасии были надеты какие-то особые корсеты. Решено было раздеть трупы догола, но не здесь, а на месте погребения. Но выяснилось, что никто не знает, где намеченная для этого шахта. Светало. Комендант послал верховых разыскивать место, но никто ничего не нашел. Выяснилось, что вообще ничего приготовлено не было: не было лопат и т. д. Так как машина застряла между двух деревьев, то ее бросили и двинулись поездом на пролетках, закрыв трупы сукном. Отвезли от Екатеринбурга на одиннадцать с половиной верст* и остановились в полутора верстах от деревни Коптяки. Это было в 6—7 утра; в лесу отыскали заброшенную старательскую шахту (добывали когда-то золото) глубиной три с половиною аршина. В шахте было на аршин воды. Комендант (так называет себя**

* В варианте записок Юровского, хранящихся в ЦГАОР (опубликованы в «Огоньке», № 21, 1989), указано шестнадцать с половиной верст.

Ганина яма в 1918 г.

Царская (бывшая Ганина) яма в 1990 г.

Юровский.— *О. П.)* **распорядился раздеть трупы и разложить костер, чтоб все сжечь. Кругом были расставлены верховые, чтоб отгонять всех проезжающих. Когда стали раздевать одну из девиц, увидели корсет, местами разорванный пулями,— в отверстии видны были бриллианты. У публики явно разгорелись глаза. Комендант решил сейчас же распустить всю артель, оставив на охране несколько человек, часовых и 5 человек команды. Остальные разъехались. Команда приступила к раздеванию и сжиганию. На... (царице)... оказался целый жемчужный пояс, сделанный из нескольких ожерелий, зашитых в полотно. ...Сложив все ценное в сумки, остальное найденное на трупах сожгли, а сами трупы опустили в шахту. При этом кое-что из ценных вещей (чья-то брошь, вставная челюсть Боткина) было обронено, а при попытке завалить шахту при помощи ручных гранат, очевидно, трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части... Но Романовых не предполагалось оставлять здесь — шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения. Кончив операцию и оставив охрану, комендант часов в 10—11 утра (17 уже июля) поехал с докладом в Уралисполком, где нашел Сафарова и Белобородова»**[121]

Итак, на поляне горит большой костер, пламенные революционеры раздевают догола женщин, копаются в их белье, кидая все ненужное в огонь. Я думаю, слукавил Юровский, заявив, что это место было выбрано как временное. Он его сам нашел вместе с Ермаковым (есть показания свидетелей). Скорее всего, от этого места пришлось отказаться, потому что оно стало известно слишком многим. Если место временное, зачем пытались засыпать шахту ручными гранатами? После доклада Сафарову и Белобородову они, видимо, получили нагоняй за недобросовестное выполнение задания. А почему так получилось? Потому, что большая часть подручных, не исключая Ермакова, были сильно пьяны да к тому же увлеклись мародерством. Зря ли Войков выписал в аптеке большое количество спирта? Лопаты забыли, место, куда должны ехать, потеряли (а ведь заранее готовили), прямо на глазах Юровского стали воровать.

О том, что преступники были сильно пьяны, говорит также и множество пулевых промахов на месте убийства. Преступники убивали своих жертв «впритруть», на близком расстоянии, но не могли попасть. Большая часть пулевых следов в комнате была от пуль, не проходивших через тело.

А почему опоздал Ермаков, ведь из-за него все «дело» было отложено на полтора часа. Да потому, что гулял со своими «корешами» и, судя по всему, пообещал им привез-

ти царскую семью для расправы живой. Иначе почему эти люди, которых он приготовил у Верхне-Исетского завода, начали возмущенно кричать: **«Что же вы нам их неживыми привезли?!»** Некоторые старики, с которыми нам приходилось беседовать в Свердловске, рассказывали, что в первые годы революции ходили слухи об убийстве царской семьи пьяными до скотского состояния бандитами. Но слухи эти пресекались как белогвардейская клевета.

О месте захоронения царской семьи оставили воспоминания несколько свидетелей, которые считали, что оно произошло именно в Ганиной яме. Прежде всего это один из большевистских руководителей П. Быков. **«Трупы расстрелянных,— пишет он,— были положены на грузовой автомобиль и той же ночью отвезены в лес, за В.-Исетским заводом, по большой Коптяковской дороге в район старых рудников. Здесь вблизи заброшенных шахт «Ганиной ямы» трупы были частично (в подлинной рукописи Быкова зачеркнуто) сожжены... остатки трупов были отвезены в сторону и закопаны в болоте»**[122]. **То же пишет Стрекотин: «...Трупы были сожжены в Ямах около деревни Коптяки»**[123]. Аналогичную версию приводит в своей официозной книге «Двадцать три ступени вниз» Касвинов (1979).

Целую «повесть» о первом захоронении оставил Ермаков. **«Около часу ночи,— пишет он,— автомобиль с трупами направился через В.-Исетск по направлению дороги Коптяки, где мною было выбрано место для зарытия трупов, но я заранее учел момент, что зарывать не следует, ибо я не один, а со мной есть еще товарищи. Я вообще мало мог кому доверить это дело и тем паче, что я отвечал за все, что я заранее решил их сжечь, для этого приготовил серную кислоту и керосин, все было устроено, но не давая никому намека сразу, то я сказал, мы их спустим в шахту... Я велел всех раздеть, чтобы одежду сжечь и так было сделано, когда стали снимать с них платье, то у самой и дочерей были найдены медальоны, в которые вставлена голова Распутина, дальше под платьем на теле были особо приспособленные лифики двойные, подложена внутри материала вата и где были уложены драгоценные камни и простежено. Это было у самой и четырех дочерей. Все это было передано члену Уралсовета Юровскому. Что там было я вообще не поинтересовался на месте, ибо было некогда, одежду тут же сжег, а трупы отнесли около 50 метров и спустили в шахту, она была неглубокая, около 6 сажень (больше 12 метров.—** *О. П.*), **ибо все эти шахты я хорошо знаю для того, чтобы можно было вытащить для дальнейшей операции с ними, все это я проделал, чтобы скрыть следы от своих лишних присутствующих товарищей.**

Когда все это было закончено, то уже был полный рассвет, около

Поляна возле Царской ямы

4-х часов утра. Это место находилось совсем в стороне от дороги около 3-х верст. Когда все уезжали, то я остался в лесу, об этом никто не знал. С 17 на 18 июля я снова прибыл в лес, привез веревку, меня спустили в шахту, я стал каждого по отдельности привязывать, по двое ребята вытаскивали. Когда все вытащили, тогда я велел класть на двуколку, отвезли от шахты в сторону, разложили на три группы дрова, облили керосином, а самих серной кислотой, трупы горели до пепла, и пепел был зарыт. Все это происходило в 12 часов ночи с 17 на 18 июля 1918 года. После всего 18-го я доложил»[124]. Как относиться к этой части воспоминаний Ермакова: как к пьяному бреду или как кем-то специально продуманной легенде с целью замести настоящие следы? Ведь говорить следует то, что нужно, а не то, что можно?

После отступления красных 25 июля 1918 года по делу об убийстве царской семьи проводится расследование. Уже 27 июля к следователям является поручик Шереметьевский и докладывает, что 17 июля в районе Коптяков наблюдалась подозрительная активность большевиков. Лес был оцеплен, раздавались взрывы ручных гранат. След сразу же привел к Ганиной яме. Еще хорошо сохра-

нялись следы двух кострищ — одно у шахты, другое — на лесной дороге, под березой. В пепелище были найдены корсетные планшетки, множество пуговиц и крючков, военная пряжка детского размера, обгоревший изумрудный крест и бриллиант. Кроме того, в кустах и в траве нашли и другие мелкие вещи, принадлежавшие царской семье. Откачали воду из шахты. Подняли землю со дна, просеяли ее и промыли. Обнаружили отрезанный палец, жемчужную серьгу, застежку для галстука и вставную челюсть доктора Боткина. Кроме того, около шахты были обнаружены порванные страницы анатомического трактата на немецком языке и немецкая газета. Тщательно были обследованы все окрестности, но ни тел, ни их останков обнаружено не было. Следователь Соколов, проведший огромную работу по розыску жертв убийства, приходит к выводу, что они были уничтожены до пепла при помощи огня, 400 галлонов керосина и 400 фунтов серной кислоты. Предварительно тела были расчленены, а головы отрезаны и увезены в Москву.

«Мы вашего Николку и всех там пожгли»,— заявляли крестьянам пьяные красноармейцы из отряда Ермакова, когда отступали на Тагил. Аналогичную версию высказал захваченный белыми большевик А. Валек. Сведения о полном уничтожении царской семьи путем сжигания наиболее распространены и среди старожилов деревни Коптяки и прилегающих к ней населенных пунктов.

Прежде чем этот же вывод сделал Соколов, он подробно обследовал Ганину яму и ее окрестности. Все следы вели к шахте № 7. Чем ближе к ней, тем больше находок различных предметов и кусочков вещей, принадлежавших царской семье. Возле шахты сохранились остатки большого кострища с непрогорелыми дровами крупного диаметра (бревнами). Большая часть его была разбросана по окрестности. Уже при приближении красных летом 1919 года Соколову удалось обследовать шахту, которая состояла из малого и большого колодцев. М. К. Дитерихс дает полный перечень предметов, найденных при обследовании шахты. Прежде всего малый колодец.

При выборке засыпки, оказавшейся в малом колодце шахты, на глубине трех вершков от поверхности лежал труп маленькой собачки, принадлежавшей великой княжне Анастасии Николаевне.

Затем вся засыпка из малого колодца была осмотрена и промыта на решетах, причем в ней оказались следующие предметы:

1) 12 кусков какого-то беловатого вещества, смешанного с глиной. Вещество издает сильный запах сала и легко крошится в руках. По внешнему виду очень похоже, что это растопленное со сжигавшихся тел сало, смешавшееся с глиной из-под костра.

2) 5 кусочков расплавленного свинца, вылившегося под действием огня из пулевых оболочек.

3) Серебряный, вызолоченный значок Уланского Государыни Императрицы полка, с датой 1803 $\frac{17}{V}$ 1903, поднесенный царице полком в день столетнего юбилея полка. Государыня носила этот значок на шейной цепочке.

4) Серебряная рамочка от маленького шейного образка одной из великих княжен и кусочки цинковой пластинки со следами краски, являющиеся остатками от самой иконки.

5) Осколок жемчужины прекрасного качества.

6) Кусочек какого-то золотого украшения, отрубленный рубящим оружием.

7) Топазовая бусина от ожерелья великих княжен.

8) Пистон от корсета, английская кнопка, два медных винтика от дорогой обуви, три тонких гвоздика от обуви, пять кусочков белого тонкого стеклышка от медальона, хорошая английская булавка. Все эти предметы подвергались действию огня.

9) Пять кусочков синей материи, цвета и свойства материи дорожных костюмов великих княжен.

Один кусочек черной материи с белыми полосками, характера материи от пальто доктора Боткина.

Два куска черной материи, один — светло-желтой и один — белой с розовыми полосками.

Все куски материи также носили следы горения.

10) Кусочек хорошей кожи от обуви со следами ожога.

11) Осколок ручной гранаты.

12) 7 обуглившихся кусков дерева, из коих три представляют собой большие головешки, позволяющие заключить, что огонь на костре разводился большой.

Таким же порядком был исследован ил, взятый со дна большого колодца шахты, где в августе 1918 года офицерами был найден отрезанный палец, по-видимому женский, и вставная челюсть доктора Боткина. Ныне при промывке ила найдено еще:

1) Девять обгорелых кусочков такой же синей материи, какая была найдена в засыпке малого колодца.

2) Два осколка стекла от пузырька нюхательных солей; три — зеленых, от флакона императрицы, и четыре белых осколка стекла, или от рамочки, или от медальона.

3) Три осколка ручной гранаты.

4) 20 кусков углей различной величины.

Все перечисленные предметы попали в шахту № 7 при разброске убийцами кострища, бывшего на глиняной площадке. Это подтверждалось как свойством грунта, из которого состояла засыпка малого колодца шахты, так и следами глины, сохранившейся на большинстве предметов; экспертиза установила полную их тождественность с грунтом глиняной площадки. Кроме того, характер, свойства и качества предметов, найденных в шахте, вполне соответствовали предметам, найденным при детальном исследовании поверхности земли в районе Старой березы, шахты № 7 и глиняной площадки.

Это последнее было произведено с большой осторожностью и детальностью. Работали ножами, была пересмотрена почва всей площади на глубину притоптанности верхнего ее слоя. Затем были сняты верхние слои земли из-под кострищ и с глиняной площадки и просеяны через решета и, наконец, как эта просеянная земля, так и земля, снятая вокруг шахты № 7, промывалась на системе решет. Первые работы были выполнены полностью; промывка же к 10 июля, дню перерыва работ, закончена не была; успели промыть землю из-под кострищ и примерно четверть земли с глиняной площадки.

В результате произведенного исследования были найдены следующие предметы:

А) В земле из-под кострищ у Старой березы:

1) Свинец, выплавившийся из пулевых оболочек.

2) Женские: простая пряжка от подвязок, 3 простых кнопки и 1 петля.

3) Мужские: большая пуговица, большие крючок и петля, по-видимому, от пальто, 2 пуговицы фирмы Лидваля от брюк и 1 большая кнопка.

4) Кусочки материи разного цвета и сорта, сильно прогоревшие.

5) Этикетка с надписью «Хим. Лаб. Стела».

Б) В земле из-под костра у шахты № 7, с глиняной площадки и в слое, окружавшем шахту № 7:

1) 30 обгорелых осколков от крупных костей. Некоторые куски имеют совершенно ясные следы отделения их рубящим оружием. Другие образовались под действием горения в огне.

2) 18 кусочков свинца, вытекшего из пулевых оболочек.

3) Одна пустая обожженная никелевая оболочка от пули нагана.

4) Две пули нагана, сильно деформированные в головных концах, как бывает при ударе пули о кость.

5) Три частицы золотых шейных цепочек от образков.

6) Обгорелые металлические кусочки пластинок от маленьких шейных образков.

7) 13 совершенно обуглившихся кусков какого-то вещества, сильно рассыпающегося при малейшем нажиме.

8) Осколок рубина «кабошона», наиболее вероятно, от того кольца, которое было подарено императором государыне, когда ей было еще 15 лет, и которое она всю жизнь носила на шейной цепочке с образками.

9) Два осколка сапфира «кабошона», тоже, вероятно, от кольца императора, подаренного ему государыней в 1891 году и с которым покойный император никогда не расставался.

10) 13 целых жемчужин и 4 осколка жемчуга очень хорошего качества. По свидетельству лиц, близко стоявших к царской семье, лучшие жемчуга были зашиты в Тобольске в мешочек, который надела себе на шею великая княжна Ольга Николаевна.

11) 17 топазовых бус и 2 осколка от таких же бусин. Топазовые ожерелья имели все великие княжны.

12) Два бриллианта очень хорошей воды, видимо, от какого-то украшения.

13) Рубин граненый, прямоугольной формы, высокого качества.

14) Осколок от крупного темного аметиста.

15) 14 осколков от изумрудных камней разной величины и хорошего достоинства.

16) Шесть золотых и платиновых кусочков, отрубленных от украшений. В одном платиновом кусочке сохранился бриллиант хорошей воды.

17) Обрывок золотой цепочки от браслета императрицы.

18) Золотая оправа от пенсне доктора Боткина.

19) Маленький флакончик с нюхательной солью, принадлежавший императору или великой княжне Ольге Николаевне.

20) Пять кусочков обгорелой лиловой материи, подобной той, из которой было платье императрицы.

21) Три кусочка обгорелой синей материи от дорожных костюмов великих княжен.

22) Три куска солдатского сукна от шинели. По качеству сукно похоже на то, из которого была сделана шинель наследника, которую ему шил портной Порденштрем. Куски сильно разлезаются, как бы разъеденные кислотой.

23) 8 разных пуговиц хорошего качества; 4 металлических петельки от одежды, из коих три — женских, очень хорошего качества. Все предметы обгорелые.

24) Лента черного бархата, скорее всего от шляпы. Шнурок, сплетенный государыней из ниток «Ириса». Несколько кусочков разной материи, цвет и качество коей почти невозможно определить, так как часть их сильно обгорела, а другая пропитана глиной.

25) 6 металлических корсетных костей, угольник от корсетной планшетки, части металла с обгоревших или обожженных кислотой корсетных планшеток и 14 корсетных пистонов.

26) Железная лента, вкладываемая в тулью военных фуражек хорошей работы. Другая такая лента была найдена еще в августе. Такие ленты были в фуражках императора и наследника.

27) 13 остатков обгорелой обуви. В некоторых сохранились винтики и гвоздики, по качеству и характеру которых эксперты заключают, что обувь была лучшего качества.

28) 57 осколков разных стекол: от портретной рамочки императора, от медальонов или образков, от пенсне доктора Боткина, от разных маленьких пузырьков и флакончиков. На одном из осколков зеленого стекла сохранилось оттиснутое по-французски слово «придворный».

29) 6 осколков и кусков от разных частей ручной гранаты. Использованная гильза от револьвера, кольта, такая же от браунинга и такая же от нагана.

30) Куски разорванной на части писанной карандашом записки. По соединении кусков оказалось, что записка представляла собой телеграмму военного комиссара Анучина комиссару Мрачковскому о спешной высылке в Екатеринбург Костромского пехотного полка.

Следственной комиссии белых удалось также установить, что 19 июля 1918 года Шая Голощекин выехал в Москву в отдельном вагоне-салоне. С ним было три «тяжелых не по объему ящика». Для прислуги вагона было удивительно видеть эти грубо сколоченные из досок ящики, перевязанные веревкой. Любопытным из числа своего окружения Голощекин говорил, что везет в этих ящиках образцы артиллерийских снарядов для Путиловского завода. В Москве Голощекин отправился вместе с ящиками в Кремль на квартиру к Свердлову. Что было в этих ящиках? По одной версии, в таком виде перевозились золото и драгоценности царской семьи. Однако существует и другая, страшная, но пока не опровергнутая версия. В конце июля 1918 года эта версия обсуждалась среди мелких служащих Совнаркома: Шая Голощекин привез в спирту головы бывшего царя и членов его семьи. Один шутник из Совнаркома якобы говорил: «Ну теперь, во всяком случае, жизнь обеспечена, поедем в Америку и будем демонстрировать в кинематографах головы Романовых...»

В Коптяковском лесу мы провели много времени, даже ночевали в нем, прямо в машине. Он таит в себе множество чащоб, ям и шахт. При желании в нем можно спрятать что угодно. Лес живет своей жизнью. Бродят грибники. Пастухи пасут стада коров на лесных опушках. Кстати, долгое время пасли скот и на этой поляне, а сама яма использовалась для водопоя скота вплоть до начала 50-х годов, когда вода из ямы ушла. Сейчас большая часть поляны завалена свежесрубленными сосновыми деревьями. Встретившийся нам грибник из местных сказал, что сосны готовят для постройки церкви в память об этой трагедии. На самом деле оказалось не так, а гораздо прозаичнее. Мы уже готовились ко сну, когда по лесной дороге в сторону Царских ям проследовал тяжелый грузовик и остановился прямо на поляне. Подошел туда и я. Двое крепких мужиков начали загружать сосновые стволы. Первая мысль была: воруют. Разговорились, и они объяснили, что этот лес срублен ими в порядке самозаготовки. Платят лесничеству по 12 рублей за куб, сами срубают, сами вывозят для строительства бани. Спрашиваю: «А знаете, что это за место?» Отвечают: «Знаем, Царские ямы, здесь царя сожгли».

ТАЙНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ

Однажды сразу же после убийства царской семьи Войкова спросили: «Почему так усиленно скрываются подробности смерти Николая Второго?» На что он отве-

тил: «Мир об этом никогда не узнает». Да, организаторы убийства сделали все, чтобы замести следы злодеяния.

Слухов о том, как была захоронена царская семья в Екатеринбурге 18-го, ходило много: «Сначала похоронили за Екатеринбургом 2-м, а потом перевезли к станции Богдановичи». «Сначала вырыли одну яму, фальшивую, для отвода глаз, а рядом вырыли уже настоящую, в которой и похоронили, залив всех цементом». «Сначала побросали всех в одну яму, а затем развезли по разным местам». «Сначала побросали всех в шахту, а потом вынули и потопили в болотах»...

А как же было на самом деле?

Днем 17 июля Юровский советуется с членами Уралсовета и ЧК. Предгорисполкома Чуцкаев предлагает ему похоронить трупы в глубоких шахтах, заполненных водой, на 9-й версте по Московскому тракту. Юровский отправляется к этим шахтам, чтобы убедиться лично. Шахты ему понравились. И он решает вести тела сюда, чтобы, привязав к ним камни, утопить. Шахты охраняются сторожами. Но для Юровского это не помеха. Надо вызвать автомобиль с чекистами,— размышляет он,— пусть они арестуют сторожей. На случай, если не удастся план с шахтами, Юровский предлагает похоронить трупы в «глинистых ямах, наполненных водой, предварительно обезобразив трупы до неузнаваемости серной кислотой».

Ночью с 17-го на 18-е команда по уничтожению трупов возвращается в Коптяковский лес. Весь район оцепляется войсками. Всех, кто вторгнется в район оцепления, приказано расстреливать на месте. Глубокая ночь сменяется рассветом, убийцы теряют терпение. Выдвигается предложение никуда не везти, а закопать прямо здесь, возле шахты. Начали рыть яму, да тут к Ермакову подошел знакомый крестьянин и увидел яму. Ермаков его от злости чуть не расстрелял. **«Пришлось,— вспоминает Юровский,— бросить дело... (и) ...везти трупы на глубокие шахты... Смогли отправиться в путь только в 9 вечера, пересекли линию ж. д. в полуверсте, перегрузили трупы на грузовик. Ехали с трудом, вымащивая опасные места шпалами и все-таки застревали несколько раз. Около четырех с половиной утра 19-го машина застряла окончательно. Оставалось, не доезжая шахт хоронить или жечь... Хотели сжечь Алексея и Александру Федоровну, но по ошибке вместо последней с Алексеем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же под костром останки и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копанья. Тем временем вырыли братскую могилу для остальных. Часам к семи утра яма аршина два с половиной глубины и три с половиной в квадрате была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой, как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была неглубока). Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранен вполне — этого места погребения белые не нашли»**[125].

Сохранились воспоминания и другого участника уничтожения трупов — чекиста Сухорукова Григория Ивановича. **«18 или 19 июля,— пишет он,— из (чекистского) отряда нас выбирают человек 12 и говорят: товарищи, вам вверяется тайна государственной важности, с этой тайной вы должны умереть, горе будет тому, кто не оправдает доверия. Мы говорим ...готовы на все. Тогда председ. Урал. обл. ЧК, если не путаю Лукиянов* Федор говорит: сегодня мы должны ехать хоронить семью Николая Романова. Она расстреляна... Ночью же выехали в сторону В. Исетского завода. Ехали на экипажах. Точно не помню сколько нас было человек, но многих помню. 1. Юровский комиссар города, 2. Наш комиссар Павлушин, из ЧК Горин Радзинский, потом не знаю фамилии мадьяр в сером костюме в последствии он его сожег серной кислотой. Ермаков. Из красноармейцев Тягунов Федор мой земляк убитый на Деникинском фронте. Лысьвенские рабочие: Боженов Алекс., Поспелов Никол. Влад., его брат Иван (они кажется сейчас в Перми). Самойлов Никол. (в Москве учится на красного професс.) Веселков Михаил (работает в Свердловском ГПУ). Эстонец Кют в последствии был в моей команде пул. взв. и попал в плен Колчаку с пулем. заставой. Кильзин тоже эстонец, тоже был в моей команде ком. пул. отд., убит под Новопаинским Оханск. уезд. Пономарев Дм. лысьвинский рабочий, Гурьев тоже оба попали в плен. Верхне-Туринские рабочие: Петров, Рябков Алекс., брат Рябковой, работающей в данное время кажется в ОБЛ РКИ (по мужу у нее вероятно фамилия другая). Яша фамилию забыл Рябкова его знает и я.**

Приехали утром к шахтам где были трупы, около шахты пепел... (от) ...костра братва начала рыться догадавшись, что здесь сжигали царскую одежду кое-кому попало изрядно например Поспелов нашел 2 крупных бриллианта оправленные платиной, Сунегин нашел бриллиантовое кольцо и т. д.

Время шло, работа ударная, нужно было приступить к извлечению трупов, кругом расставили конных и пеших патрулей и приступили к работе, первым спустился в шахту с веревкой в руке Сунегин Вл. и начал извлекать сначала дрова, цельными плахами, потом работа

* Правильно: Лукоянов.— *О. П.*

показалась нудной и длинной, решили взяться прямо за трупы... На подмогу Сунегину спустился я и первая попавшаяся нога оказалась *Николая последнего, который и благополучно был извлечен на свет божий,* а за ним и все остальные. Для точности можно отметить, что все были голыми за исключением наследника который был в одной матроске нательной, но без штанов. По извлечению трупы сложили недалеко от шахты и закрыли палатками, приступили к обсуждению куда девать? Сначала решили вырыть яму прямо на дороге закопать и сильно снова заездить, но грунт оказался каменистым и эту работу бросили, решили дождаться автомобилей и с соответствующим грузом потом отвести в В.-Исетский пруд.

Вечером пришли грузовые автомобили трупы были уже погружены на повозки и мы с повозок их снова перегрузили на автомобили и поехали. Недалеко была мочажина настланная шпалами ввиде моста и здесь-то задний грузовик почти проехавши застрял, все наши усилия ни к чему не привели и решили шпалы снять, выкопать яму, сложить трупы залить серной кислотой, закопать и снова наложить шпалы. Так было и сделано. Для того, что если бы белые даже нашли эти трупы и не догадались по количеству что это царская семья мы решили штуки две сжечь на костре, что мы и сделали на наш жертвенник первым попал наследник, и вторым младшая дочь Анастасия, после того как трупы были сожжены, мы разбросали костер насередине вырыли яму, все оставшееся недогоревшее сгребали туда, и на том же месте снова развели огонь и тем закончили работу. Приехали в Екатеринбург на вторые сутки усталые и злые, ночью того же дня выехал старшим конвоя для сопровождения в Пермскую ЧК дочь короля сербского Елену, жену одного из великих князей с ней сербская миссия, полковник Медичи, его холуй, и человек 20 свердловских буржуев. Всю эту честную компанию я доставил благополучно»[126].

Итак, и Юровский, и Сухоруков говорят о том, что тела членов царской семьи не были уничтожены у Ганиной ямы, а увезены и захоронены в другом месте, причем прямо на проезжей дороге. Кстати говоря, косвенно версию о захоронении тел на проезжей дороге подтверждает поэт Маяковский, побывавший на месте захоронения тел с председателем Свердловского исполкома Парамоновым, знавшим о нем из первых источников. В стихотворении Маяковского «Император» есть такие строчки (они не вошли в напечатанный текст, а сохранились в записной книжечке):

У корня, под кедром, дорога,
А в ней — император зарыт[127] (выделено мною.— *О. П.*).

Где же это место? Конечно, мы не ставили своей целью отыскать точное место захоронения*. Нам было важно проследить всю траекторию пути убийц, мечущихся, чтобы замести следы. Идем в Коптяки и другие окрестные селения, беседуем со стариками, чтобы точно представить себе расположение дорог в то время, записать все, что сохранилось в памяти старожилов об этих событиях. Но в памяти сохранилось не так много. «Долгое время, вплоть до пятидесятых годов,— рассказывают старики,— у нас об этом не принято было говорить. Своего рода заклятие не говорить на эту тему».— «Откуда оно пошло?» — «Да, запугали нас крепко,— признается еще не старый мужчина пенсионного возраста.— У нас такой случай был. Подросток из нашей деревни Коптяки под утро пошел разыскивать корову и столкнулся в лесу с вооруженными людьми, которые прогнали его прочь. Тогда он забрался на верхушку высокой сосны и невольно стал свидетелем странных событий у Ганиных ям. Правда, разглядел он мало, был туман. Громко матерились вооруженные люди. Горели большие костры. Вернувшись, он рассказал об этом в деревне. После прихода белых его вызывали на допрос. А с возвращением красных к ним как-то приехал чекист, отозвал его в укромное место, помахал маузером перед его носом и сказал примерно так: «Если ты, сволочь, скажешь еще кому слово об этом, не пожалеем». Чекисты ходили и к некоторым другим жителям деревни, рассказывавшим об этих событиях, и предупреждали «не болтать лишнего». Одного мужика вызывали в ЧК и долго держали. В общем, в деревне старались на эту тему помалкивать. И даже детям не рассказывали. Ведь они могли по молодости разболтать и попасть в беду. Правда, дорогу, по которой везли царя из Екатеринбурга, называли Царской, да и Ганины ямы были «переименованы» в Царские. Говорить на эту тему стали после смерти вождя, да и то всякие выдумки».— «А был ли слух, что царя похоронили в другом месте, а не в Ганиных ямах?» — «Что-то было, всякое говорили, мол, у Царских ям только шубы да платья зарыты, а тела их в болотах спрятаны».— «Да нет,— вступает в разговор Тамара Станиславовна,— царь был у Гати расстрелян и потоплен в болоте. Дядя Миша Криворотов, когда мы ходили со взрослыми на

* Тем более, нам было известно, что исследователь Г. Рябов, по его словам, нашел это место, хотя пока и держит в тайне.

покос возле поселка Гать (раньше там болото было, а через него шла гать, выложенная шпалами), все пугал нас костями царя и царицы. Все говорил, я знаю, где царь зарыт. Даже показывал колодец, из которого он пил воду, когда его везли на расстрел» (!!!).

Едем к поселку Гать. Вот это поле, бывшее болото, через него была гать, слань. В войну здесь находился танкодром. По этому болоту по настланным шпалам (отсюда и слань) испытывали танки.

«Я сейчас вам покажу могилу, где похоронены царь и его семья. Там сейчас есть надгробие,— говорит нам грибник, приехавший из Свердловска.— Вот царский лес, а рядом с железной дорогой рощица, а в ней бетонная пирамидка без указания, кто здесь лежит». Едем, смотрим — действительно чья-то заброшенная безымянная могила, каких много на Руси. Кто поставил бетонную пирамидку — полная тайна, кто под ней лежит — никто не знает, кого бы ни спрашивали. Только некоторые считают, что именно здесь покоится царская семья.

В общем, после всех поисков и расспросов пока никакой ясности нет. Необходимы точные описания, как проходила дорога в 1918 году. Обращаемся к работам Соколова и Дитерихса. Итак, от Ипатьевского дома дорога на Коптяки шла по Вознесенскому проспекту, поворачивала направо по Главной улице города и возле ипподрома выходила к Верхне-Исетскому заводу. Пройдя завод, дорога пересекала Казанский и Пермский железнодорожные пути и шла по густому смешанному лесу, тянувшемуся вплоть до Коптяков не менее 12 верст. Примерно в 3 верстах от Пермской железнодорожной линии дорога пересекала еще и разъезд № 120, горнозаводскую железнодорожную линию. Но до этого примерно на середине расстояния она раздваивалась и подходила к горнозаводской линии двумя ветками: северной — к переезду у будки № 184 севернее разъезда № 120, и южной — к переезду у будки № 185 южнее этого разъезда.

Кстати говоря, на северной ветке (об этом пишет Дитерихс), не доходя шагов 150 до железнодорожной линии, есть топкое болотистое место; здесь рано утром 19 июля возвращавшийся из Коптяковского леса к городу, в сопровождении конных ермаковских головорезов и 4—5 коробков (телег), грузовой автомобиль застрял в трясине, люди с автомобиля и ермаковские «ребята» ходили к будке № 184, взяли из сложенного у будки штабеля

шпалы и сложили на трясине помост, по которому и прошел грузовик. «Этот помост,— указывал Дитерихс,— оставался на месте еще в мае — июне 1919 года» (судя по описаниям, это место больше всего соответствует воспоминаниям Сухорукова).

Южная ветка Коптяковской дороги, перейдя через переезд у будки № 185, поворачивала налево вдоль полотна железной дороги и у будки № 184 соединялась с северной веткой. Собственно, здесь и начинался Коптяковский лес.

Итак, если информация Юровского и Сухорукова достоверна, то выезжать из Коптяковского леса преступники могли только здесь. Надо искать старожилов. Опрашиваем многих, никто не помнит или живут здесь недавно. В поселке Шувакиш знакомимся с толковым, основательным человеком, старожилом этих мест, который соглашается показать, как шли дороги в то время, его отец был здесь лесником. К нему мы выехали по лесной дороге от Царских ям. Возле Шувакиша дорога прерывается строительной площадкой какого-то предприятия, и здесь ее уже не найдешь. Нас интересует, как и где в 1918 году можно было пересечь железную дорогу в направлении к Московскому тракту, куда чекисты хотели увезти свои жертвы. Таких мест, по мнению старожила Ивана Афанасьевича, два. Дорога была накатанная, хорошая, но конная. На лошадях по ней возили древесный уголь из Коптяков (отсюда и Коптяки — коптили, жгли угли) в Верхне-Исетский завод. Один переезд был метров на 50 правее нынешнего, а другой на 100—150 метров левее. Но главная дорога, по его мнению, шла левее.

Рассматриваем место правого переезда. Влево от него проходит старая заброшенная дорога, ведущая в лес (ее пересекает полотно недавно построенной железной дороги), правее идет асфальт недавно построенного шоссе («Но в 1918 году здесь были лес и болота, а дороги не было»,— утверждает Иван Афанасьевич). Значит, если они пересекали здесь, то могли ехать только по ныне заброшенной дороге.

Выходим к месту левого переезда. Здесь еще после войны стояла сторожка путевого обходчика. Пересекаем рельсы, на том месте, где был переезд, отчетливо видно продолжение грунтовой дороги. Где они могли застрять? Не так далеко от дороги есть низкое место, оно называется Поросенков лог, проезд через него был устлан шпалами.

Место было очень глухое. В году 30-м путевого обходчика вместе с женой убили неизвестные, а в будке поселили военных. Если команда Юровского и застряла, то в Поросенковом логу, не так далеко от места возникшего в 80-х годах кладбища. Таково мнение Ивана Афанасьевича. Мы с ним соглашаемся, пожалуй, это самый вероятный вариант.

Г. Рябов утверждает, что место захоронения царя сейчас заасфальтировано. Но асфальт прошел по дороге, которая идет от нынешнего переезда, а она, по утверждению старожилов, построена недавно. Кому верить? Ведь нельзя исключить и то, что старая дорога была заброшена и старожилы о ней забыли.

Вопрос о месте захоронения царя остается пока открытым. Требуется создание авторитетной государственной комиссии, включающей топографов, судебных медиков, химиков, историков и других специалистов. Конечно, в Коптяковском лесу и его окрестностях возможны находки еще многих захоронений. По рассказам старожилов, чекисты возили сюда свои жертвы с первых месяцев советской власти. Расстреливали и поодиночке, и группами, и семьями*. Да и «оригинальная» мысль закапывать убитых людей прямо на проезжей дороге вряд ли возникла только при захоронении царской семьи. Сегодняшние зарубежные мафии приняли этот метод на вооружение. Но наши мафиози были первыми.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ЛОЖЬ

Закопать царскую семью на проезжей дороге — этого еще не достаточно, чтобы замести следы убийства женщин и детей. Требуется «сфабриковать липу», что они живы и здоровы и находятся в надежном месте.

Ленин и Свердлов начинают организованную ложь с обманом своих же соратников по Совету Народных Комиссаров.

Как мы помним, еще вчера они согласовывали убийство, а сегодня делают вид, что первый раз слышат о нем. Их соратник по борьбе В. Милютин передает этот спектакль:

* Первое известное нам убийство боевик П. Ермаков совершил в 1907 году в лесу в окрестностях Верхне-Исетского завода (см. его воспоминания), и не исключено, что именно в Коптяковском лесу.

«На заседании Совета Народных Комиссаров 18 июля Свердлов обычным ровным голосом сообщил, что в Екатеринбурге, по постановлению областного совета расстреляли Николая. Николай хотел бежать. Чехословаки наступали. Президиум ВЦИК постановил одобрить. Молчание всех»[128]. И сразу перешли к обсуждению другого вопроса, как будто эта весть не имела для них никакого значения. Тот факт, что никто из народных комиссаров не задал ни одного вопроса, уже свидетельствовал о том, что все, кто знал эту тайну, молчали, а те, кто не знал, боялись спросить об этом публично.

Телеграмма, переданная от имени Уралсовета, готовилась с целью спасти верхушку большевиков от справедливого возмездия в случае сильного резонанса этого преступления. Даже фальсификация даты убийства (с 17-го на 16-е), по-видимому, имела определенный смысл. Итак, Ленин и Свердлов как будто первый раз слышат, читают телеграмму из Екатеринбурга:

«Председателю Совнаркома тов. Ленину, председателю ВЦИК тов. Свердлову.

Из Екатеринбурга, у аппарата президиум обл. Совета рабоче-крестьянского правительства.

Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия ЧК большого белогвардейского заговора имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи точка документы в наших руках точка постановлению президиума областного совета в ночь на 16 июля расстрелян Николай Романов точка семья его эвакуирована в надежное место По этому поводу нами выпускается следующее извещение ввиду приближения контрреволюционных банд красной столице Урала и возможности того запятая что коронованный палач избежит народного суда скобки раскрыт заговор белогвардейцев пытавшихся похитить его самого и его семью и найдены компрометирующие документы будут опубликованы скобки президиум областного совета выполняя волю революции постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова запятая виновного в бесчисленных кровавых насилиях против русского народа в ночь на 16 июля 1918 года приговор этот приведен исполнение семья Романова содержавшаяся вместе с ним под стражей интересах охраны общественной безопасности эвакуированы из города Екатеринбурга точка Президиум облсовета точка просим ваших санкций редакции данного документа документы заговора высылаются срочно курьером Совнаркому и ЦИК извещение ожидаем у аппарата просим ответ экстренно ждем у аппарата...»

Документы о большом белогвардейском заговоре, которые упоминаются в телеграмме, и есть уже известные нам фальшивки Войкова. Именно их большевики в случае

чего готовы предъявить сомневающимся из своего лагеря, а если понадобится, и всему миру. Но дальше события развиваются очень круто, и в таких фальшивках необходимость отпадает. Наступает время, когда большевикам ничего не надо доказывать, достаточно просто декларировать свою правоту.

А тогда на всякий случай на основании только телеграммы, без изучения каких-либо документов и создания комиссии по изучению обстоятельств дела об убийстве бывшего главы государства, президиум ВЦИК одобряет это преступление:

«Протокол № 1 выписка из заседания ВЦИКа от 18.7.1918. Слушали: сообщение о расстреле Николая Романова (телеграмма из Екатеринбурга).

Постановили: По обсуждении принимается следующая резолюция: ВЦИК в лице президиума (сюда входили 10 человек, в том числе Свердлов Я. М., Аванесов В. А., Розинь (Азис) Ф. А., Смидович Г. Г., Сосновский Л. С., Теодорович Г. И., Розенгольц А. П.— *О. П.)* **признает решение облсовета правильным. Поручить т.т. Свердлову, Сосновскому, Аванесову составить соответствующее извещение для печати. Опубликовать об имеющихся во ВЦИК документах (дневник, письма). Поручить т. Свердлову составить особую комиссию для разбора».**

В газете «Уральский рабочий» во вторник, 23 июля 1918 года, в статье Г. Сафарова «Казнь Николая Кровавого» повторяется та же версия убийства, обильно разбавляемая большевистской демагогией о царстве справедливости, свободы и правосудия.

Официальное сообщение разносит на весь мир ложь о том, что расстрелян только «Николай Романов, а семья эвакуирована в надежное место». Более того, большевики продолжают вести официальные переговоры об отъезде семьи казненного Николая Второго за границу.

Эта же версия распространялась и в самом Екатеринбурге. Для симуляции увоза царской семьи 20 июля из Екатеринбурга в Пермь в отдельном вагоне с особыми мерами охраны и специально афишируемой секретностью были вывезены Шнейдер, Гендрикова, камер-лакей Волков и некоторые другие приближенные царской семьи. Они были расстреляны в лесу возле Перми (Волкову, к счастью, удалось бежать)[129]. В 20-х числах июля Голощекин в поезде на Петроград вел разговор о царской семье. И явно с намерением, чтобы его «подслушали», произнес такую фразу: «Теперь дело с царицей улажено». В том смысле, что она жива и находится в надежном месте.

В самом Екатеринбурге первое сообщение о казни царя делается 21 июля в городском театре во время «митинга по текущему моменту». Выступают Голощекин, Сафаров, Толмачев. При извещении о казни царя в театре раздаются крики ужаса и некоторые выбегают вон. Кстати говоря, дом Ипатьева охраняется, как будто там кто-то находится, вплоть до 21 июля.

Первоначально большевики планировали представить убийство царской семьи как гибель во время эвакуации. Это следовало из телеграммы, отправленной из Екатеринбурга 17 июля около 9 часов вечера, найденной и расшифрованной следователем Н. А. Соколовым (недавно она была выставлена на аукционе Сотби): **«Москва. Секретарю Совнаркома Горбунову обратной проверкой. Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации»**[130]. Но, по-видимому, у них что-то сорвалось, и версия о гибели царской семьи во время эвакуации не была использована.

В организованном порядке фальшивка распространяется за границей. Сосновский, Войков и им подобные подготавливают целый пакет дезинформации о судьбе царской семьи.

В газете «Нью-Йорк таймс» появляется статья некоего К. Аккермана, который со слов якобы спасшегося слуги Николая Второго рассказывает о последних днях царя. За день до казни царя, пишет Аккерман, над городом летало множество аэропланов и кидали бомбы. 15 июля Николая Второго пригласили на заседание Уралсовета, где вынесли ему смертный приговор и дали три часа на прощание с семьей.

Дальше хочется процитировать целый отрывок из этой статьи: **«Николай Александрович не возвращался долго, почти два с половиной часа. А когда вернулся, был очень бледен, подбородок его нервно дрожал.**

Дай мне, старина, воды, сказал он мне. Я принес, и он залпом выпил большой стакан. Что случилось,— спросил я. Они мне объявили, что через три часа я буду расстрелян,— ответил мне царь.

Вскоре после возвращения Николая Второго с заседания к нему пришла Александра Федоровна с цесаревичем, оба плакали, царица упала в обморок и был призван доктор. Когда она оправилась, она упала на колени перед солдатами и молила о пощаде. Но солдаты ответили, что это не в их власти».

Дальше Аккерман пишет, что, попрощавшись с близкими, царь сказал: **«Теперь я в вашем расположении»... Царя**

взяли и увели, никому не известно куда и только ночью он был расстрелян двадцатью красноармейцами».

На следующий день пришел председатель Уралсовета и сказал: **«Граждане Александра Федоровна и Алексей Романов вы будете увезены отсюда, вам разрешается взять самое необходимое не свыше 30—40 фунтов»**[131]. Судя по некоторым подробностям жизни царской семьи в последние дни, письмо было составлено теми, кто участвовал в убийстве, вероятно Пинхусом Войковым. Чуть позже подобная ложь была помещена в «Нью-Йорк трибюн» за подписью Г. Бернштейна, где он, ссылаясь якобы на судью Сергеева (он первым вел расследование этого убийства), заявил, что погиб только царь, а семья осталась жива[132]. Эта версия еще долго поддерживалась в западной печати.

Вот образец большевистской дезинформации, которая распространялась среди дипломатов. **«По сведениям Посланника,— пишет чиновник, вхожий в датское посольство,— уже после расстрела Государя Наследник умер от какой-то болезни. Императрица с дочерьми переведена из Екатеринбурга на Николаевский завод. Государь был расстрелян ночью, при этом когда его уводили, не было известно, куда и зачем его ведут; поэтому не было момента прощания»** (Нева. 1990. № 12. С. 199).

Внутри страны слухи об убийстве всей царской семьи расценивались как антисоветская пропаганда. В 1920 году по обвинению в клевете были расстреляны несколько эсеров за распространение слухов об убийстве большевиками царской семьи. Впрочем, из эсеров готовили козлов отпущения в том случае, если злодейство будет открыто. Предполагалось состряпать процесс и обвинить в убийстве царской семьи левых эсеров. Неофициально слухи об этом распространялись специальными органами.

Факт убийства всей царской семьи был признан большевиками только в середине 20-х годов.

АЛАПАЕВСКОЕ ЗЛОДЕЙСТВО

Передо мной лежит большой лист пожелтевшей бумаги — постановление о переводе великих князей в г. Алапаевск. «...Нам объявлено, и мы, нижеподписавшиеся, обязуемся быть готовыми к $9^1/_2$ часа утра для отправки на вокзал в сопровождении члена Уральской областной чрезвычайной комиссии 19 мая 1918 года»[133].

И подписи (крупные, аккуратные):

Елизавета Федоровна настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия

Князь Иоанн Константинович

Княгиня Елена Петровна

Князь Константин Константинович

Князь Игорь Константинович

Князь Владимир Палей

Сергей Михайлович Романов.

Всем подписавшимся (кроме Елены Петровны) предстоит крестный путь и мученическая смерть в шахте под Алапаевском.

Единственная «вина» этих людей состояла в том, что они принадлежали к фамилии Романовых. Никто из них не принимал участия в управлении страной.

Елизавета Федоровна (род. 1864), родная сестра царицы, жена великого князя Сергея Александровича. После убийства ее мужа боевиком-террористом Каляевым приняла монашеский постриг, стала настоятельницей Марфо-Мариинской обители милосердия, одним из духовных руководителей движения благотворительности в России. Добрые дела настоятельницы обители стали известны не только в стране, но далеко за ее пределами. Ей предлагали уехать из России, но она отказалась, чтобы продолжать свое дело в любых условиях.

Князья Иоанн (род. 1886), Константин (род. 1890) и Игорь (род. 1894) Константиновичи были сыновьями великого князя Константина Константиновича, известного русского поэта, писавшего под псевдонимом «К.Р.», дружившего с Достоевским, Чайковским, Фетом, Гончаровым и многими другими выдающимися деятелями русской культуры.

Восемнадцатилетний князь Владимир Павлович Палей, поэт, был сыном великого князя Павла Александровича от морганатического брака.

Великий князь Сергей Михайлович (род. 1869) ничем особенно не знаменит, известен своими либеральными взглядами.

...Сегодня Алапаевск — город удивительно запущенный (впрочем, как и многие уральские города). Пыльные, даже грязные улицы, обветшавшие дома, изуродованный почерневший собор в центре города (70 лет советской власти здесь была пекарня). В магазинах хоть шаром покати. Самое крупное предприятие в городе — станкозавод — славно тем, что продает свои новые станки

Старшая сестра царицы великая княгиня Елизавета Федоровна после убийства «революционерами» великого князя Сергея Александровича оставила мир и стала настоятельницей монашеской общины, прославилась милосердием и благотворительностью.

Елизавета Федоровна в монашестве

в Японию на металлолом. А ведь в начале века это был город с перспективами. Алапаевское железо с клеймом «старый сибирский соболь» имело мировую славу. Считалось, что оно могло стоять на крыше более 100 лет не ржавея. За свои изделия алапаевский завод неоднократно получал награды на всероссийских и всемирных выставках. В 1912 году Алапаевск был соединен железной дорогой с Нижним Тагилом и Екатеринбургом[134].

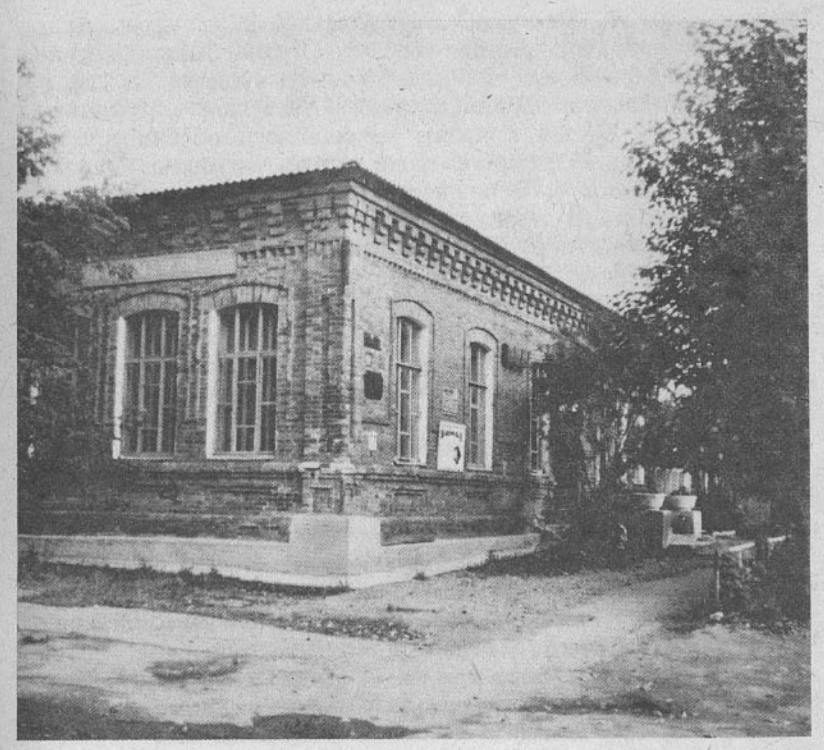
В 1905 году в Алапаевске создается Совет, председателем которого становится Ефим Соловьев. Осенью этого же года сюда приезжает Свердлов для налаживания боевой организации. Свердлов и Соловьев создают боевую дружину, куда, кроме Соловьева, входит Бессонов Г. Д., Ладейщиков Д. Н., Глухих И. Г., Павлов С. А. и др. Как и другие дружины, алапаевцы были хорошо вооружены, делали бомбы и были готовы выполнить любое задание партии. Летом 1906 года Свердлов снова прибывает в Алапаевск и проводит ряд встреч с боевиками.

Побывал Свердлов и в Верхне-Синячихинском заводе рядом с Алапаевском. Здесь была тоже создана тайная боевая организация, возглавляемая Перовским В. Д.

В Алапаевске, как в Екатеринбурге и Перми, боевики 1905—1907 годов становятся костяком партийной организации. К моменту прибытия в Алапаевск великих князей в городе устанавливается диктатура ЧК. Из Екатеринбурга постоянно поступает оружие: винтовки и револьверы, только в Верхне-Синячихинский завод поступило 250 винтовок.

На фотографии, сделанной в мае 1918 года, позируют все комиссары. Посередине начальственно развалился Г. П. Абрамов (из боевиков, но не местных), в фуражке и френче, с бородкой под Дзержинского. Подкручивает усы Ефим Соловьев, зам. Абрамова, комиссар юстиции; рядом его соратник по лихим делам Глухих И. Г., комиссар по конфискации имущества буржуев; Говырин Н. П., небольшого роста, в шляпе, похожий на ковбоя, в скором времени займет кресло председателя ЧК; Павлов С. А., военный комиссар; Смольников А. А., комиссар по промышленности; Останин, комиссар по коммунальному хозяйству; Перминов, секретарь исполкома[135].

Соловьев, Говырин, Глухих, да и не только они, ходят по городу с оружием, наводят революционный порядок. По ночам арестовывают людей. Соловьев лично застрелил

Напольная школа

местного священника — отца Удинцева[136]. Однажды Соловьев и Глухих, рассказывает их соратник П. Ветлугин, зашли в местный клуб **«в разгар бальных танцев сынков алапаевских кулаков, торговцев, зажиточных мещан».** Посмотрев на танцующих барских бездельников, Ефим Андреевич изрек: **«Всех разгоню к чертовой матери».** Идет беззастенчивый грабеж имущества зажиточных жителей города. Расхищенное распределяется между партийными активистами и членами их семей.

В Алапаевске великих князей разместили в недавно построенном здании Напольной школы, названной так потому, что она располагалась на окраине города возле поля. Здание небольшое, одноэтажное, с широкими окнами. Входим через главный ход — широкий коридор, а по левую сторону классы. В 1918 году в угловую комнату-класс поместили Елизавету Федоровну с монахиней Варварой, рядом Сергея Михайловича с его личным

врачом Ф. М. Ремезом. В остальных комнатах-классах поселили по двое великих князей. Школа была обнесена высоким деревянным забором. Узники входили со двора. За князьями наблюдали одетые в штатское сотрудники ЧК. Первое время князьям разрешалось посещать церковь, магазины, базар и даже гулять по полю. Однако это было недолго. В июне режим был резко ужесточен, превратившись в тюремный. Предоставим слово пламенному революционеру П. Ветлугину, оставившему записки под названием «Алапаевская партийная организация КПСС в борьбе за построение социализма и коммунизма»[137]. **«Все время,— пишет он,— великие князья занимались антисоветской деятельностью. Прикидывались очень набожными. Выпросили у Алапаевского исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов построить часовню во дворе школы*. В часовне князья по утрам и вечерам «молились». Громко распевали псалмы и молитвы. Делалось это для того, чтобы привлечь симпатии верующих. И действительно, местная буржуазия, кулачество ближайших деревень и алапаевские мещане наблюдали, как «усердно молятся» князья, выражали им свое сочувствие. По городу пошли слухи о «мучениках» за веру православную, попавших в руки «безбожников большевиков».**

Насколько гуманным и даже предупредительным было отношение алапаевской советской власти к Романовым,— продолжает старый большевик Ветлугин,— видно и по такому факту. По их просьбе князьям отпустили инструменты и достали семян различных цветов. Романовы сделали клумбы, посадили цветы. Но и цветоводство было организовано князьями для *замаскированной антисоветской агитации* **(выделено мною.—** *О. П.*). **Глядя, сквозь щели в забор школы как князья орудуют лопатами и лейками антисоветские элементы умилялись! Говорили «вот князья царского рода, а какие простые». «За что их только мучают изверги большевики». Всем этим агитационным «религиозным» и «цветоводческим» спектаклям пришел конец. Алапаевскую ЧК возглавил активный член партии с 1905 года Николай Павлович Говырин. Дело пошло активнее»**[138].

Примерно 20 июня охрана великих князей заменяется. Караул теперь несет вооруженный отряд алапаевского союза молодежи, возглавляемый А. Серебряковым. Устанавливается новый порядок. Князьям запрещается ходить не только по городу, но и по двору. Прогулки во дворе разрешаются только поодиночке и не более 2 часов в день.

* Скорее всего, Ветлугин путает. Часовня, наверное, находилась при школе с самого начала, еще до приезда великих князей. Так говорят и старики.

После 10 часов все должны быть в своих комнатах. Узнав о новых порядках, великий князь Сергей Михайлович в разговоре с начальником караула Федотовым возмущенно протестует: «Вы вводите тюремные, издевательские порядки».

Он пишет жалобу в Екатеринбург и, в частности, заявляет: *«Не зная за собой никакой вины, ходатайствуем о снятии с нас тюремного режима. За себя и за моих родственников, находящихся в Алапаевске, Сергей Михайлович Романов».*

В тот же день Ефим Соловьев запрашивает Екатеринбург:

«Военная. Екатеринбург. Област. Совет. Считать ли прислугу Романовых арестованными давать ли выезд основание 4227 Алапаевский Совдеп Отправитель Е. Соловьев».

Ответ Белобородова гласил:

«Алапаевск Совдеп. Прислугу ваше усмотрение выезд никому без разрешения Москву Дзержинского Петроград Урицкого Екатеринбург Областного точка Объявите Сергею Романову что заключение является предупредительной мерой против побега ввиду исчезновения Михаила Перми Белобородов».

Так, по «нотам», цинично разыгрывается очередной акт уральской трагедии. У великих князей отбирают вещи, деньги, одежду и обувь, оставляют самую малость, питание резко ухудшается.

Состояние, которое испытывали заключенные в Напольной школе, лучше всего выражают стихи одного из узников — князя Владимира Палея, написанные им еще в Вятке:

Немая ночь жутка. Мгновения ползут.
Не спится узнику... Душа полна страданья;
Далеких, милых, прожитых минут
Нахлынули в нее воспоминанья...
Все время за окном проходит часовой,
Не просто человек, другого стерегущий,
Нет,— кровный враг, латыш угрюмый и тупой,
Холодной злобой к узнику дышущий...
За что? За что? Мысль рвется из души.
Вся эта пытка нравственных страданий.
Тяжелых ежечасных ожиданий
Убийств, грозящих каждый миг в тиши,
Мысль узника в мольбе уносит высоко...
То, что гнетет кругом, так мрачно и так низко...
Родные близкие так жутко далеко,
А недруги так жутко близко[139].

Мария Артемовна Чехомова носила продукты для великих князей

Из-за недостатка питания князья вынуждены обращаться к окрестным крестьянам, которым время от времени разрешают приносить продукты — яйца, овощи, хлеб.

...Я сижу на лавочке возле старенького рубленого дома вместе с Марией Артемовной Чехомовой (род. 1908), крестьянкой тех мест. Ее дом находится в 100 метрах от Напольной школы, здесь прошла вся ее жизнь. В том 1918 году родители неоднократно посылали ее отнести великим князьям чего-нибудь покушать.

«— Бывало, мама соберет в корзиночку яичек, картошечки, шанечек напечет, накроет сверху чистой тряпочкой и посылает меня. Ты, говорит, по дороге им еще цветочков, ноготочков нарви.

— А часто к ним пускали?

— Нет, не всегда, но если пускали, то часов в одиннадцать утра. Принесешь, а охранники у ворот не пускают, спрашивают: «К кому ты?» — «Вот, матушкам покушать принесла».— «Ну ладно, иди!»

Матушка выйдет на крыльцо, возьмет корзиночку, а у самой слезы текут, отвернется, смахнет слезу. «Спасибо, девочка милая, спасибо!»

Когда последний раз я была у них, матушка вышла, взяла корзинку, подожди, говорит. Через несколько минут вернулась, возвращает корзинку (она так всегда делала), а в ней что-то лежит.

— Нам немного жить осталось, поминайте нас,— говорит матушка. А у самой слезы из глаз.

Прибежала я домой с корзинкой. Достали из нее сверточек, который матушка положила, а там отрез на платье, розовая ткань. Хоть и небогато мы жили, а мама говорит, отнеси обратно. Прибегаю, а калитка уже закрыта, не пускают.

Ночью стрельба, взрывы, крики «Имай, имай!». Люди на кóнях гоняют. Я проснулась, вижу родители к окну приникли и смотрят...»

За окном проходил последний акт злодейского спектакля. С одной стороны, несколько беззащитных людей, с другой — десятки вооруженных до зубов головорезов.

Акция была спланирована заранее. Для ее исполнения прибыл зам. пред. Уралсовета, уже известный нам Сафаров. Оперативное руководство осуществлялось председателем Алапаевской ЧК Говыриным, комиссаром юстиции Соловьевым, председателем Алапаевского совдепа Абрамовым, секретарем исполкома Перминовым. От Верхней Синячихи в акции участвовали партийный вождь Перовский Вячеслав Дмитриевич, а также Плишкин Николай Степанович и Черепанов Иван Емельянович[140]. Предположительно именно они подсказали место для убийства.

Кто совершал убийство? Участвовал весь большевистский актив Алапаевска. Как рассказывают старики, все участники убийства спрятались потом от белых на боровском болоте и в кукайском ельнике. Бандитствовали семейными кланами Абрамовы Г. П. и И. П., Говырины Н. П. и В. П., Серебряковы А. А. и И. А., Старцевы И. С. и П., Кабаковы Г., М. Н. и И., Останины М. Ф. и П. Ф. ...В этих же лесах и болотах прятались Соловьев, Глухих и другие комиссары.

В полдень 17 июля чекисты отбирают у великих князей последние вещи и велят им подготовиться к переезду в Верхне-Синячихинский завод. Когда стемнело, к Напольной школе подъехали 10—11 телег. На них рассадили узников. Ехали тихо. По дороге встретили нескольких

крестьян, которые потом дали свидетельские показания.

Поздно ночью подвезли к месту убийства. Оно расположено недалеко от пересечения трех дорог — на Алапаевск, Верхнюю Синячиху и Нижнюю Синячиху. Шахта, которую выбрали убийцы, находится в 70—80 метрах от дороги на Нижнюю Синячиху и примерно в 120 метрах от дороги на Алапаевск. В 1918 году дорогу от шахты отделяла большая поляна, покрытая редкой порослью мелких кустарников, правее шахты тянулись пашни, огороженные жердями.

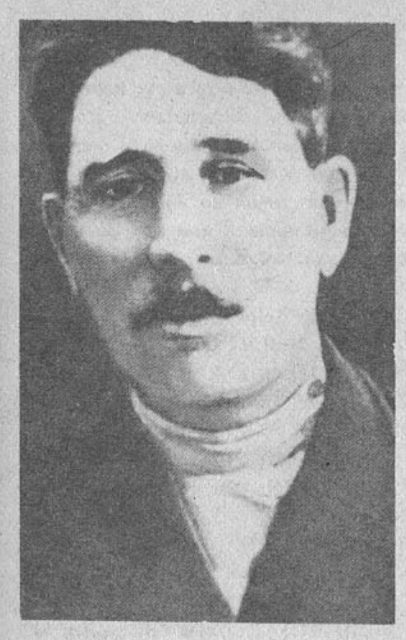
Шахта представляла собой колодец глубиной около 20 метров. Стенки колодца, сложенные из толстых деревянных плах, тогда были еще крепки. Внутри колодца по средней линии в вертикальном направлении были устроены узкие мостки (палаты), соединяющиеся между собой лесенками[141].

У перекрестка уже стояли вооруженные люди, ближайшие окрестности были оцеплены. Великих князей подвезли к шахте. Ссадив с телег, их стали жестоко избивать (позднее это установила медицинская экспертиза). Через шахту была перекинута доска-бревно. Убийцы выбрали для своих жертв особенно мучительный вид смерти. Великих князей заставляли идти по этой доске и прыгать вниз в глубокий 20-метровый колодец. По рассказам чекистов, великий князь Сергей Михайлович оказал сопротивление. Он схватил за полу пиджака верхнесинячинского большевика Плишкина и чуть-чуть не увлек его за собой, оборвав полу его пиджака[142]. Князя убили выстрелом в голову.

Скинув великих князей в шахту, пламенные революционеры забрасывают их ручными гранатами, а затем заваливают бревнами и разным хламом.

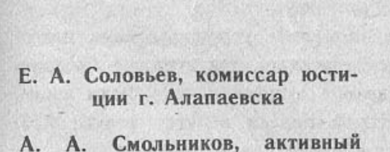
В своих воспоминаниях «Алапаевская парторганизация в период построения социализма и коммунизма» большевик П. Ветлугин писал: **«Уральский обком партии и областной совет депутатов трудящихся, посылая группу князей были уверены, что алапаевская парторганизация и жители города не дадут этому черному воронью разлететься по за границам... Алапаевцы с честью оправдали оказанное доверие»**[143]. Впрочем, эти строки будут написаны в 50-е годы, а мы еще в 18-м.

Тем временем на улицах Алапаевска соратники убийц разыгрывают фарс с увозом. У Напольной школы инсценируется «бой с белогвардейцами». По тревоге поднимаются красногвардейские отряды, их стрелковые цепи

Е. А. Соловьев, комиссар юстиции г. Алапаевска

А. А. Смольников, активный участник убийства великих князей под Алапаевском

Серебряков А., участник убийства

с оружием наперевес движутся в сторону Напольной школы. Позднее красноармеец Носонов рассказал: **«Часу в третьем ночи на 18 июля у нас в казарме подняли тревогу: наступают белогвардейцы. Мы наскоро собрались, оделись, вооружились. Нас повели к Напольной школе и близ нее рассыпали нас цепью. В цепи мы пролежали с полчаса, а затем мы подошли к самой школе. Никакого врага мы не видели... Комиссар Смольников стоял на крыльце школы, матерился и говорил нам: «Товарищи, теперь попадет нам от Уральского областного Совета за то, что князьям удалось бежать: их белогвардейцы увезли на аэроплане...»**[144] Возле школы был найден труп человека с крестьянскими натруженными руками. Красные заявили, что это и есть один из банды белогвардейцев. Во время следствия выяснилось, что, по сценарию убийц великих князей, этот человек должен был выполнить роль «мормышки». Чекисты заранее арестовали его на Салдинском заводе и держали в тюрьме до дня инсценировки «увоза» князей, пристрелив во время «боя» в качестве доказательства истинности нападения.

Рано утром 18 июля Алапаевск, Екатеринбург и Москва продолжают свою игру. Открытым текстом Алапаевск шлет в Екатеринбург телеграмму следующего содержания (Екатеринбург делает вид, что ничего не знает):

«Военная. Екатеринбург. Уралуправление. 18 июля утром два часа банда неизвестных вооруженных людей напала Напольную школу где помещались великие князья. Во время перестрелки один бандит убит и видимо есть раненые Князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев бандиты бежали по направлению к лесу задержать не удалось розыски продолжаются Алапаевский исполком Абрамов Перминов Останин».

По получении этой телеграммы в тот же день вечером Екатеринбург телеграфирует в Москву (Москва делает вид, что ничего не знает):

«Сборная.

Москва два адреса Совнаркома Председателю ЦИК Свердлову Петроград два адреса Зиновьеву Урицкому.

Алапаевский исполком сообщил нападение утром восемнадцатого ранеизвестной банды помещение, где содержались под стражей бывшие великие князья... Несмотря сопротивление стражи князья были похищены точка Есть жертвы обеих сторон поиски ведутся точка 4853 Предоблсовета Белобородов».

В то время, когда идет эта фальшивая переписка, великие князья еще живы и будут жить несколько дней (это позднее установит медицинское вскрытие). Шахта находится не так далеко от дороги, и проезжающие кресть-

Шахта, в которую были сброшены великие князья

яне порой слышат голоса, стоны, иногда раздается пение псалмов, молитвы. Верхнесинячинские старики рассказывают, что к шахте некоторое время никого не подпускают. На следующий день пламенные революционеры делают попытки добить свои жертвы — второй раз убивают их! Вниз кидают крупные камни, бревна. Но шахта уже сильно завалена, и у них ничего не выходит. Снизу по-прежнему несутся молитвы и пение псалмов. Великая княгиня Елизавета Федоровна, несмотря на тяжелые ранения, имела силу воли побороть свою боль и перевязала голову князя Иоанна Константиновича своим носовым платком.

На третий день председатель ЧК Говырин берет у местного фельдшера большой кусок серы, революционеры зажигают его и бросают на дно шахты, а верх шахты забрасывают досками и бревнами, засыпают землей, то есть третий раз убивают свои жертвы[145].

Следственной комиссии белой армии, занявшей Алапаевск 28 сентября, сразу же удалось обнаружить шахту, а в ней тела жертв, находившихся на разной глубине. Первым 8 октября 1918 года подняли тело Ф. С. Ремеза; 9 октября — тела монахини Варвары и князя Палея; 10 октября — тела князей Константина и Игоря Константиновичей и Сергея Михайловича; 11 октября — тела великой княгини Елизаветы Федоровны и князя Иоанна Константиновича. В карманах убитых были их документы. На груди великой княгини Елизаветы Федоровны висела икона Спасителя, подаренная ей Николаем Александровичем перед отречением от престола[146]. Хотя с момента убийства прошло почти три месяца, тела почти не подверглись разложению.

Их положили в гробы и сначала поставили возле Напольной школы[147]. А затем от школы привезли к Алексеевскому собору, где после торжественного отпевания похоронили в склепе собора.

При отступлении белой армии гробы с телами мучеников были перевезены в Восточную Сибирь, а оттуда в Пекин, где их предали земле в Свято-Серафимовском храме, относящемся к Русской духовной миссии в Китае. Гроб с телом великой княгини Елизаветы Федоровны вместе с гробом инокини Варвары перевезли позднее в Иерусалим, где похоронили в усыпальнице русского монастыря Марии Магдалины в Гефсиманском саду[148].

Некоторые убийцы великих князей были пойманы — Абрамов, Соловьев, Старцев. При допросе, желая спасти свою шкуру, они рассказали очень много, что называется, «заложили» своих соратников, особенно усердствовал Соловьев (потом он утверждал, что его пытали). В спешке отступления белые забыли о Соловьеве, и он остался жив. В 20-е годы продолжал свою деятельность по линии «революционной юстиции», но в 30-е годы числится уже как зав. мастерскими Тагильского племсовхоза. В 1937 году арестован соратниками по духу, дальнейшая судьба не известна*. В 50—60-е годы именем Соловьева назвали одну из улиц в Алапаевске. Имя еще одного палача, Перминова, носит другая улица Алапаевска. Перминов погиб в 1919 году, и, видимо, чтобы подчеркнуть его особую роль в этом убийстве, улицу рядом с Напольной школой назвали его именем. Кстати, площадь рядом с Напольной школой вплоть до настоящего времени именуется площадью Народной мести.

* Кроме Соловьева, соратниками по духу во второй половине 30-х были уничтожены и некоторые другие участники убийства, в частности Смольников А. А. и Глухих Г. В.

Сегодня старая дорога из Алапаевска заброшена. Мы ехали к шахте по новому асфальтированному шоссе. Свернули налево к Верхней Синячихе. И вот мы уже у места. Редкий лес — сосны и березы. Помните, в Коптяковском лесу было больше берез, чем сосен, здесь — наоборот. Много лесных цветов, краснеет крупная земляника. От шоссе к шахте ведет натоптанная тропинка. Шахта давно осыпалась. Яма стала пологой. Можно спуститься вниз, метра на четыре, а дальше все засыпано землей. Кое-где виднеются остатки деревянных конструкций...

РАССТРЕЛ В ПЕТРОГРАДЕ

Последним актом спланированного в центре сценария убийства членов царской фамилии стал расстрел в Петропавловской крепости в Петрограде известного историка, великого князя Николая Михайловича, а также великих князей Павла Александровича, Дмитрия Константиновича и Георгия Михайловича. Они были расстреляны как «заложники» за убийство в Германии немецких коммунистов К. Либкнехта и Р. Гольдман-Люксембург. Конечно, это был только формальный повод. Пламенные революционеры спешили закончить затянувшийся «спектакль». 27 января 1919 года великих князей вызвали во двор и убили без предъявления каких-либо обвинений.

УБИЙСТВО ПАМЯТИ

Всю жизнь убийц переполняет гордость за содеянное. Они пишут свои воспоминания, спорят между собой, у кого больше заслуг в этом злодеянии. К десятилетию убийства готовятся юбилейные торжества. В 1926 году выходит книга П. М. Быкова «Последние дни Романовых», дававшая официальную трактовку событий. Художнику заказывают огромную парадную картину о передаче Романовых в руки Уралсовета*. На ней в жалком виде пред-

* Весьма знаменательно, что сейчас эта картина находится в фондах Музея Свердлова в Свердловске.

ставляют царскую чету и победоносными героями членов Уралсовета. Площадь перед домом, где было совершено злодеяние, получает новое название: «площадь Народной мести».

Однако юбилей отменяется свыше, а «героям» велят держать язык за зубами. Распоряжение исходило от самого Сталина. Почему? Да потому, что, как мы уже говорили, многие организаторы и исполнители убийства были сторонниками Троцкого, ярого врага Сталина. Сафаров, Сосновский, Белобородов, Дидковский да и сам Голощекин пользовались симпатией Льва Давидовича. Именно в 1927 году, когда готовится юбилей, почти все поименованные лица слетают со своих постов, некоторые даже исключаются из партии.

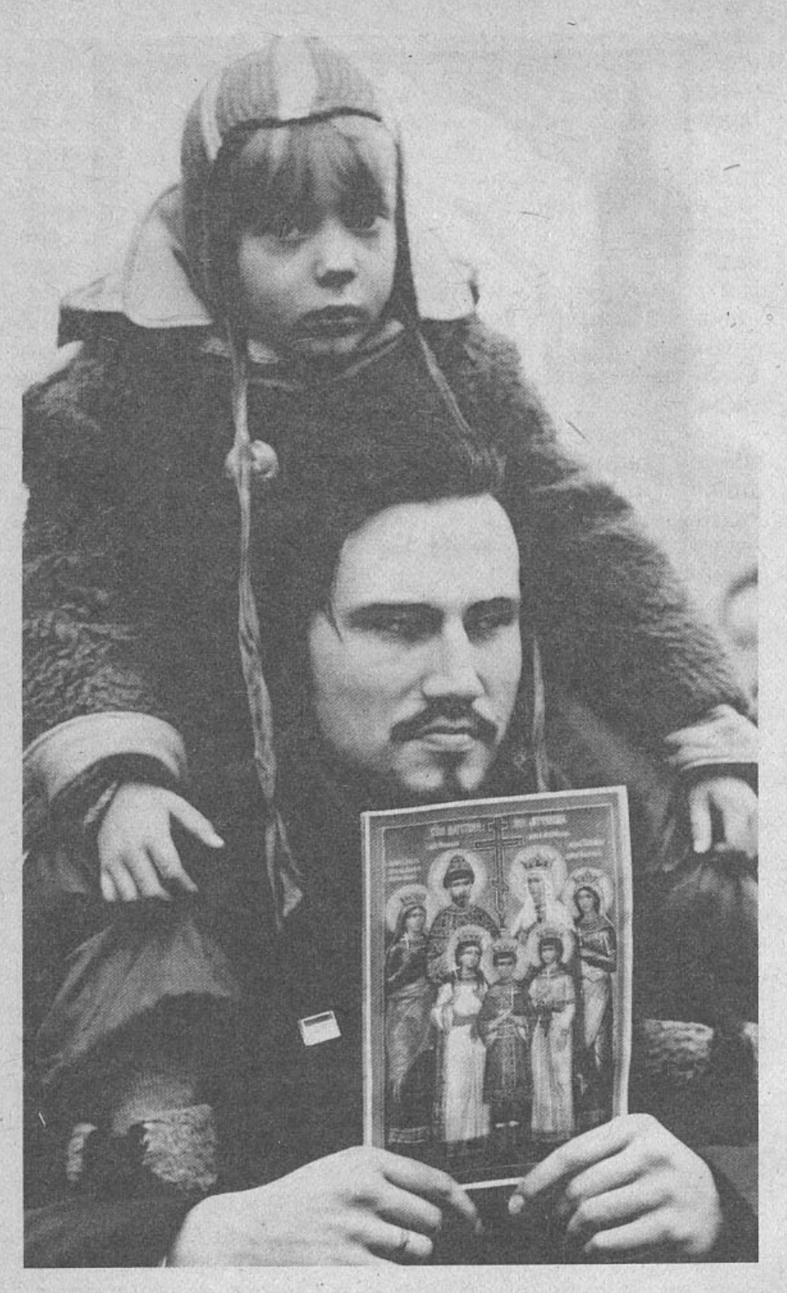
На документах и воспоминаниях, посвященных судьбе царской семьи, устанавливается гриф «секретно». Можно, конечно, говорить о казни Романовых, но без злодейских подробностей и не упоминая организаторов. В Ипатьевском доме размещают Музей Революции, одна комната (та самая, подвальная) в нем посвящена казни царской семьи, даже выставлены некоторые вещи. Над лестницей, ведущей в подвальную комнату, вешают юбилейную картину. Старики рассказывают, что в 20—30-е годы их водили сюда, «как в зверинец». Посещение места убийства входило в программу воспитания подрастающего поколения, а почетными воспитателями были старые большевики, подобные Юровскому и Ермакову. На пионерских сборах после песни «Взвейтесь кострами...» выходил полупьяный Ермаков и с видом героя рассказывал о своих подвигах. Юровский на встречах со старыми большевиками раскрывал секреты чекистского мастерства. Оказывается, делился он опытом, самое идеальное оружие убийства тех лет — это маузер, с ним «можно было хорошо работать».

Злодейские «идеалы» палачей проходят через всю жизнь участников убийства царской семьи, значительная часть которых, как мы уже видели, становится руководителями разных карательных органов и ГУЛАГа, используя весь накопленный опыт.

В конце 50-х — 60-е годы по мере возрождения национального сознания все чаще и чаще поднимается вопрос о судьбе царской семьи. Злодейство начинает осознаваться во всей его наготе и чудовищности. К местам убийства членов царской семьи идет настоящее паломничество. Про-

Изображение царственных мучеников

Мы ничего не забыли!

таптываются тропинки туда, куда они, кажется, давно заросли. Люди идут не только к Ипатьевскому дому, но и к шахтам в Коптяковском лесу и в окрестностях Алапаевска.

В день убийства люди приносят сюда цветы, читают молитвы, склоняют головы в осознании трагедии поруганного Отечества.

Но наследники Свердлова, Голощекина и Юровского не собираются сдавать своих позиций. Ими задумывается еще одно убийство царской семьи. На этот раз убийство памяти.

Новому убийству предшествуют «письма трудящихся» в ЦК КПСС с просьбой не допустить монархической демонстрации возле Ипатьевского дома. Дети Юровского тоже пишут письма в высшие инстанции, требуя пресечь «подлую клевету» на светлую память их отца. Их возмущает распространение слухов, что их отец был репрессирован как троцкист. Эти письма сохранились в архиве. Я листаю их. Сын Юровского Александр, контр-адмирал, напирает на особые заслуги отца, подчеркивает, что он лично расстрелял царя[149]. Что же это такое, следует из письма, отец совершил геройский поступок, а никак не увековечен. Чтобы восполнить этот пробел, друг семьи Юровских Яков Резник пишет одну из самых фальшивых и лживых книг своей эпохи — повесть «Чекист». В ней палач, убийца и садист представлен в образе идейного, порядочного человека. Исторические события в повести сознательно фальсифицируются. Более тонкой, но не менее лживой фальсификацией событий стала книга М. К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз». Судя по всему, она была написана по указанию сверху и в сотрудничестве со спецорганами. Цель книги — дать выгодную для наследников Свердлова, Голощекина и Юровского интерпретацию событий. Интерпретацию, более подходящую к новым историческим условиям. Книга Быкова для этого уже не годилась.

В 70-е годы в ЦК поднимается вопрос о судьбе Ипатьевского дома. Занимается им сам Суслов. В Свердловск командируется министр внутренних дел Щелоков, он осматривает дом, поднимает материалы об убийстве, хранящиеся в областном архиве. Политбюро издает секретное постановление о сносе. Подчеркивается, что к 60-летию убийства около дома могут быть демонстрации.

В общем, убийство памяти — снос дома Ипатьева —

осуществляется за несколько дней, в сентябре 1977 года[150]. Место сноса заваливается камнями и щебенкой. По мнению старожилов, это делается для того, чтобы постепенно засыпать место убийства, до неузнаваемости изменив само окружающее пространство.

Странное «совпадение». Но в конце 70 — начале 80-х годов принимается решение о «реконструкции» здания бывших «Королевских номеров» в Перми, где последнее время находилась театральная гостиница. В результате этой «реконструкции» остаются только стены здания. При «реконструкции» выяснилось, что все перекрытия, балки, несущие конструкции были в отличном состоянии и не существовало необходимости их уничтожать. Выломав внутренности здания, «реконструкторы» успокоились. Уже длительный срок здание стоит без крыши. Кирпичная кладка впитывает влагу и разрушается. Не удивлюсь, если через некоторое время это здание снесут под предлогом опасного аварийного состояния.

И еще одно «совпадение»: примерно в то же время под Алапаевском в пятидесяти метрах от шахты, где были убиты великие князья, роется огромная траншея для закладывания силоса. Землю из траншеи бульдозер сдвигает прямо к шахте, частично засыпав ее и воздвигнув рядом настоящую гору.

Итак, делается попытка убить память об этих событиях. Случайно ли это? Конечно, нет. Перед нами показатель того, что идеология убийства и ненависти к российским святыням по-прежнему жива.

Город Екатеринбург, тысячи улиц и площадей в других городах и поселках страны носят имя убийцы и палача Свердлова. В том же Свердловске есть улицы убийц Голощекина и Ермакова, в Перми — Иванченко, в Алапаевске — Соловьева и Пермитина. Прах палачей покоится в почетных местах у памятников Героям революции и на лучших кладбищах — Новодевичьем (убийца Марков) и Донском (убийца Юровский) в Москве.

А прах их жертв до сих пор не найден и не похоронен по-человечески, по народным обычаям. Признать это положение нормальным — это еще раз уступить убийцам. Ведь речь идет о главе Российского государства и его близких. А значит, о национальной чести и достоинстве России. Сохранились ли эти чувства в наших душах?

Примечания

[1] Палеолог Морис. Царская Россия накануне революции.— М.; Пг., 1923.

[2] Цит. по: Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II.— Берлин, 1928.— С. 7 (далее — Ольденбург).

[3] См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.— Т. 41.— С. 124.

[4] Ольденбург.— С. 37.

[5] Ольденбург.— С. 37.

[6] Свердловский партийный архив (далее — СПА), ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 256.

[7] См.: Переписка Николая и Александры Романовых: В 5 т.— М.; Пг., 1923.— Т. 3.— С. 508—509, 512.

[8] Правительственный вестник.— 1898.— 16/28 авг.

[9] Ольденбург.— С. 106.

[10] Дневник Николая II//Записки очевидца.— М., 1990.— С. 499—500.

[11] См.: Безобразов В. П. Народное хозяйство России.— Ч. I.— Спб., 1882.— С. 111—112.

[12] См.: Вопр. истории.— 1990.— № 7.— С. 148; № 10.— С. 144.

[13] Урал.— 1988.— № 7.— С. 148.

[14] Городецкий Е., Шарапов Ю. Свердлов.— М., 1971.— С. 46.— (ЖЗЛ).

[15] См.: Государственный архив Пермской области (далее — ГАПО), ф. 65, оп. 5, д. 47, л. 242; ф. 145, оп. 5, д. 71, л. 3.

[16] Хранится в СПА.

[17] ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3.

[18] ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3.

[19] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 964.

[20] СПА, ф. 321, оп. 2, д. 774.

[21] Данные о «лесных братьях» предоставлены нам исследователем этого вопроса, сотрудником Пермского государственного архива Коробейниковым В. Ю.

[22] ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3, л. 8.

[23] ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3, л. 8.

[24] Пермский областной партийный архив (далее — ППА), ф. 90, оп. 2, д. И-3.

[25] ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3, л. 24—25.

[26] Вопр. истории.— 1990.— № 8.— С. 105—106.

[27] Уральский рабочий.— 1917.— 8 сент.

[28] Уральский рабочий.— 1917.— 11 дек.
[29] СПА, ф. 41, оп. 2, д. 28, л. 26—27.
[30] СПА, ф. 41, оп. 2, д. 79, л. 12.
[31] СПА, ф. 41, оп. 2, д. 28, л. 37.
[32] Цит. по: Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи.— Джорданвиль, 1981.— С. 30 (далее — Пагануцци).
[33] ППА, ф. 90, оп. 2, д. М-6.
[34] Урал.— 1988.— № 7.— С. 151.
[35] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 215—225.
[36] ППА, ф. 90, оп. 2, д. М-6.
[37] ППА, ф. 90, оп. 2, д. М-6.
[38] ППА, ф. 90, оп. 2, д. М-6.
[39] Дело Маркова в фондах Пермского краеведческого музея.
[40] Дело Маркова в фондах Пермского краеведческого музея.
[41] Дело Маркова в фондах Пермского краеведческого музея.
[42] Вечерняя Пермь.— 1990.— 3 фев.
[43] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 210—214.
[44] ППА, ф. 90, оп. 2, д. И-3.
[45] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 210—214.
[46] Вечерняя Пермь.— 1990.— 4 апр.
[47] Вечерняя Пермь.— 1990.— 4 апр.
[48] ГАПО, ф. 404, оп. 1, д. 40, л. 3.
[49] Вечерняя Пермь.— 1990.— 4 апр.
[50] ГАПО, ф. 732, оп. 1, д. 140.
[51] Крестный путь церкви в России 1917—1987//Посев.— 1988.
[52] ГАПО, ф. 10-404, оп. 1, д. 40.
[53] ГАПО, ф. 10-404, оп. 1, д. 40.
[54] Огонек.— 1990.— № 21.— С. 19.
[55] Вопр. истории.— 1990.— № 9.— С. 152.
[56] Там же.
[57] Там же.— С. 149.
[58] Там же.— С. 156.
[59] Там же.— С. 158.
[60] Там же.
[61] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 208—209.
[62] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 203.
[63] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 210—214.
[64] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 231.
[65] Вечерняя Пермь.— 1990.— 3 февр.
[66] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 849.
[67] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 849.
[68] Савченко П. Русская девушка.— Джорданвиль, 1986.— С. 33—34.
[69] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 173.
[70] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 173.

[71] ППА, ф. 90, оп. 1, д. 11—23.
[72] Быков П. М. Последние дни Романовых.— Свердловск, 1926.— С. 114 (далее — Быков).
[73] См.: Огонек.— 1990.— № 2.— С. 27.
[74] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497, л. 7.
[75] Аргументы и факты.— 1990.— № 40.
[76] Аргументы и факты.— 1990.— № 40.
[77] Здесь и далее записку Юровского мы даем по экземпляру, хранящемуся в Свердловском партархиве. По ряду деталей она отличается от опубликованной ранее.
[78] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 849, л. 1—18.
[79] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 164.
[80] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 164.
[81] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 8—9.
[82] Огонек.— 1990.— № 2.— С. 27.
[83] См.: Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале.— Владивосток, 1922 (далее — Дитерихс).
[84] См.: Свердловский кооператор.— 1990.— Янв.— С. 4.
[85] Пагануцци.— С. 62.
[86] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497.
[87] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 52.— Письмо № 377.
[88] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497.
[89] Пагануцци.— С. 62.
[90] Михайлов В. Хроника Великого Джута.— Алма-Ата, 1990.
[91] См.: Вопр. истории.— 1990.— № 9.— С. 81.
[92] См.: Минувшее: Ист. альманах.— № 7.— Париж, 1989.
[93] См.: Пагануцци.— С. 61—62.
[94] Обвинительные материалы по делу подпольной контрреволюционной группы зиновьевцев.— М., 1935.— С. 35, 42.
[95] ППА, ф. 90, оп. 2, д. Л-23.
[96] ГАПО, ф. Р301, оп. 1, д. 11, л. 84.
[97] ГАПО, ф. Р301, оп. 1, д. 11, л. 84.
[98] Урал.— 1988.— № 7.— С. 151.
[99] ЦГАОР, ф. 130, оп. 29, д. 1109, л. 22—25.
[100] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 964, л. 1—24.
[101] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 12.
[102] Сообщение А. И. Антропова.
[103] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 1—12.
[104] СПА, ф. 221, оп. 3, д. 445.
[105] См.: Резник Я. Чекист.— Свердловск, 1972.
[106] ППА, ф. 90, оп. 2, д. П-2.
[107] ГАПО, ф. Р-301, оп. 1, д. 11, л. 50—59.
[108] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 849, л. 18; Соколов Н. А. Убийство царской семьи.— Берлин, 1925 (далее — Соколов).

[109] См.: Дитерихс.— С. 401—403.
[110] Данные краеведческого музея в Сысерти.
[111] Родина.— 1989.— № 5.— С. 89.
[112] Московские новости.— 1990.— 22 июля.
[113] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 164.
[114] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497, л. 9.
[115] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 178.
[116] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 179.
[117] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 179.
[118] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 179.
[119] Соколов.— С. 161, 275.
[120] Пагануцци.— С. 68—69.
[121] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497, л. 7—13.
[122] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 159.
[123] СПА, ф. 331, оп. 2, д. 849, л. 18.
[124] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 9—12.
[125] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497, л. 12—13.
[126] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 180—184.
[127] Пудваль А. Поиск.— Свердловск, 1974.— С. 53.
[128] Быков.— С. 117.
[129] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 269.
[130] Соколов.— С. 248—249.
[131] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 261—264.
[132] Пагануцци.— С. 86.
[133] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 30.
[134] Экспозиция музея в Алапаевске.
[135] Фонды Алапаевского краеведческого музея.
[136] Пагануцци.— С. 142.
[137] Фонды Алапаевского краеведческого музея (альбом Ветлугина).
[138] Фонды Алапаевского краеведческого музея (альбом Ветлугина).
[139] Пагануцци.— С. 136.
[140] Об участии жителей В. Синячихи в убийстве и о некоторых подробностях убийства сообщено директором местного музея Кайдаловым С. Г., который знает об этом из рассказов старого чекиста Гурьева В. Д.
[141] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149.
[142] См. сноску 140.
[143] Фонды Алапаевского краеведческого музея (альбом Ветлугина).
[144] Пагануцци.— С. 138.
[145] См. сноску 140.
[146] См.: Пагануцци.— С. 140.
[147] Сообщение М. А. Чехомовой.
[148] См.: Пагануцци.— С. 141.
[149] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497, л. 14—19.
[150] Сообщение краеведа И. В. Бизина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Олег Анатольевич Платонов

УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Редактор **Г. П. Астафьева**
Художественный редактор **Б. Н. Юдкин**
Технический редактор **И. И. Павлова**
Корректор **Т. Б. Лысенко**

ИБ № 6288

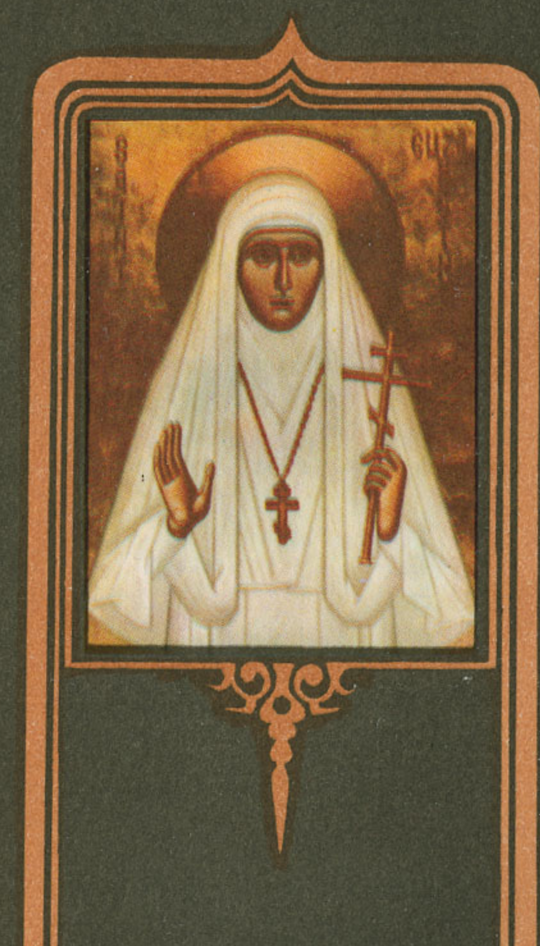
Сдано в набор 03.07.91. Подп. в печать 08.10.91. Формат 84×108[1]/32. Бумага офсетная № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. п. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,82. Уч.-изд. л. 10,85. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2102. Цена 1 р. 90 к. Изд. инд. МПЛ—212.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и массовой информации РСФСР. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

1 р. 90 к.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ